

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

Учёный

международный научный журнал

ХИМИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ

ЗЕМЛИ И КОСМОСА

FERSMANITE

(Ca, Na)₄(Ti, Nb)₂Si₂O₁₁(F,OH)₂.

Академик А. Е. Ферсман

ВОЙНА
И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ
СЫРЬЕ

Озгиз-Босполитгиз

Акад. А. Е. Ферсман

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ФУНДА В. С. И. К.
ПЕТЕРБУРГ
1923

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

академик

А. Е. ФЕРСМАН

Занимательная
МИНЕРАЛОГИЯ

А. Е. Ферсман

Издательство Академии наук СССР
МОСКВА
1959

15

2016

Часть VI

16+

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Международный научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 15 (119) / 2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам

Авдюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

На обложке изображен Александр Евгеньевич Ферсман (1883–1945) — русский геохимик и минералог, один из основоположников геохимии.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук, доцент (Армения)*

Арошидзе Паата Леонидович, *доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)*

Атаев Загир Вагитович, *кандидат географических наук, профессор (Россия)*

Ахмеденов Кажмурат Максutowич, *кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)*

Бидова Бэла Бертовна, *доктор юридических наук, доцент (Россия)*

Борисов Вячеслав Викторович, *доктор педагогических наук, профессор (Украина)*

Велковска Гена Цветкова, *доктор экономических наук, доцент (Болгария)*

Гайич Тамара, *доктор экономических наук (Сербия)*

Данатаров Агахан, *кандидат технических наук (Туркменистан)*

Данилов Александр Максимович, *доктор технических наук, профессор (Россия)*

Демидов Алексей Александрович, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)*

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, *доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)*

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, *доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)*

Игисинов Нурбек Сагинбекович, *доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)*

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, *кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)*

Кайгородов Иван Борисович, *кандидат физико-математических наук (Бразилия)*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Козырева Ольга Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Россия)*

Колпак Евгений Петрович, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Лю Цзюань, *доктор филологических наук, профессор (Китай)*

Малес Людмила Владимировна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Нагервадзе Марина Алиевна, *доктор биологических наук, профессор (Грузия)*

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, *кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)*

Прокопьев Николай Яковлевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Прокофьева Марина Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)*

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, *доктор философских наук, профессор (Россия)*

Ребезов Максим Борисович, *доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)*

Сорока Юлия Георгиевна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Узаков Гулом Норбоевич, *доктор технических наук, доцент (Узбекистан)*

Хоналиев Назарали Хоналиевич, *доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)*

Хоссейни Амир, *доктор филологических наук (Иран)*

Шарипов Аскар Калиевич, *доктор экономических наук, доцент (Казахстан)*

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Галина Анатольевна

Ответственные редакторы: Осянина Екатерина Игоревна, Вейса Людмила Николаевна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич, Голубцов Максим Владимирович, Майер Ольга Вячеславовна

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет: 1.09.2016. Цена свободная.

Материалы публикуются в авторской редакции. Все права защищены.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕДИЦИНА

- Жавинина Ю. И.**
Послушайте, как спит ваш ребенок 531
- Жалалова Г. Т.**
Особенности изменение показателей мочи у лиц пожилого и старческого возраста в зависимости от сезона года 534
- Макамбаев Н. Б., Маманазаров Д. А., Ахунжанов Р. С.**
Клинико-статистическая характеристика оперированных больных с привычным вывихом плеча методом Джумабекова 540
- Махкамова О. Д., Юсупалиева Г. А., Давидходжаева А. А.**
Комплексная лучевая диагностика осложнений пневмоний 543
- Пронин А. В., Громова О. А., Торшин И. Ю., Волков А. Ю., Гоголева И. В., Жидоморов Н. Ю.**
Исследование фармакокинетики и компартментализации аскорбата лития 547
- Саблин И. Д., Клыгина С. А.**
Стандартные операционные процедуры в трансфузиологии: что, зачем, как? 555
- Ульянова О. В., Куташов В. А., Дутова Т. И.**
Рассеянный склероз – актуальная неврологическая проблема XXI века 558

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Комаревцева А. А.**
Историзм и археологизм в русском декорационном искусстве второй половины XIX века (на материале костюма) ... 567
- Михельсон С. В.**
Влияние культурных и национальных факторов на деловую культуру и коммуникацию 570
- Могилевская Г. И.**
Селфи: возвращение телесности в киберпространство 573

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- Агапова О. В., Скворцов А. И.**
Историко-иконологический метод установления истории бытования иконы в Русском Православном храме 576

ФИЛОЛОГИЯ

- Блинова И. С.**
К вопросу о художественном своеобразии повести В. Раабе «Хроника Воробьиного переулка» 580
- Гавришева Г. П., Албанский В. В.**
Трагедия личная и общечеловеческая в романе Жоржа Перека «Исчезновение» («La Disparition»)..... 583
- Jumaeva N., Samadova C. B., Karshi S. U.**
Lexico-semantic analysis of publicistic style.... 589
- Леонова Д. Ю.**
Особенности перевода официально-деловых текстов с китайского и русского языков (на материале деловых писем)..... 590
- Махмутова Д. Ф.**
Специфическое в оценочной природе оппозиции «легкий-тяжелый» (light-heavy, жиңел-авыр) 594
- Орлов С. В.**
Опустошение духовных и моральных ценностей человека в научно-фантастических постапокалиптических романах трилогии Д. Глуховского «Метро 2033–34–35» 599
- Паршина Т. В.**
О знании технической терминологии 601
- Пустоветова А. О.**
Особенности перевода предсказаний в романах фэнтези 607
- Чадина И. С.**
Обучение технологии перевода как важнейший этап при подготовке переводчиков..... 613
- Шичкина М. Г.**
Оценка качества перевода: критерии адекватного и эквивалентного перевода по В. Н. Комиссарову 615

ФИЛОСОФИЯ

**Rykova L. N., Kotlyarova V. V., Gogoleva M. A.,
Yershova S. I.**

Explication of an ideal of valuable and neutral
science 619

Тоголоков А. М.

Интерпретация философских понятий суфизма
в памяти 622

Тоголоков А. М.

Основные предпосылки распространения
суфизма в Кыргызстане 624

МЕДИЦИНА

Послушайте, как спит ваш ребенок

Жавинина Юлия Ивановна, медсестра
Диагностический центр Алтайского края

Сон — вкуснейшее из блюд в мирском пиру.

У. Шекспир

Сейчас я обращаюсь к родителям, дети которых с трудом просыпаются утром, засыпают на уроках, а на переменах дерутся, огрызаются с учителями и плохо усваивают школьную программу. А может быть, у вашего наследника энурез или он говорит во сне, страдает ночными страхами и сильно потеет? Дорогие мамы и папы, думаю, в таких случаях вы ведёте своего ребёнка к неврологу, психологу, психиатру или даже «лечите» его безрезультатно ремнём. А если вы замечаете, что ваш ребёнок на фоне своих сверстников смотрится маленьким или набирает вес, несмотря на диету и подвижный образ жизни, тогда — к эндокринологу! Я уже слышу ваш вопрос: «А что вы предлагаете делать?». Я предлагаю для начала послушать, как спит ваш ребёнок!

Знаете ли вы, что 10–15% детей в возрасте от 2 до 8 лет храпят во сне. Как же образуется храп? Во время сна происходит постепенное расслабление мышц мягкого нёба и стенок глотки. Они начинают вибрировать при прохождении струи воздуха и создавать звуковой феномен храпа. Но храп храпу рознь! Что же происходит, если у вашего ребёнка увеличены миндалины, аденоиды, деформирован лицевой скелет или он страдает аллергическим ринитом, т.е. заболеваниями, сопровождающимися сужением верхних дыхательных путей? Тогда дальнейшее углубление сна и снижение мышечного тонуса приводит в определённый момент к полному спадению глотки и развитию острого эпизода удушья, что приводит к пробуждению мозга и, как следствие, ухудшению качества сна. Сейчас я описала синдром обструктивного апноэ сна (СОАС) — это серьёзное, потенциально угрожающее жизни пациента состояние. Утром ребёнок может жаловаться на сухость в горле, головную боль. Но не у всех храпящих есть сонное апноэ, хотя риск его развития у храпунов значительно выше, чем у нехрапящих.

Также у детей часто встречается центральное апноэ — отсутствие воздушного потока вследствие временного отсутствия импульса из центральной нервной системы для

активации дыхательного усилия. Такая форма апноэ встречается у детей с нарушениями центральных механизмов регуляции дыхания и требует серьёзного и длительного наблюдения специалистов (невролога, сомнолога).

Тяжелые формы синдрома обструктивного апноэ сна у детей имеют печальные последствия. В глубоких стадиях сна вырабатывается соматотропный гормон, а при некачественном сне глубокие стадии сна отсутствуют, и продукция «гормона роста» значительно снижается, поэтому ребенок отстает в росте от своих сверстников.

Снижение насыщения крови кислородом ночью приводит к снижению успеваемости, т.к. страдают функции внимания и интеллекта. Синдром обструктивного апноэ сна у детей вызывает проблемы с обучением из-за гиперактивности и дефицита внимания, а если ребёнок не сможет нормально учиться в возрасте 5–12 лет, то наверстать этот пробел в дальнейшем будет практически невозможно.

Колебания артериального давления во время апноэ меняют систему гемодинамики, что впоследствии приводит к раннему развитию сердечно-сосудистых заболеваний.

Активация поперечно-полосатой мускулатуры, возникающая к моменту окончания апноэ, является триггером сногворения, снохождения, а изменения внутрибрюшного давления провоцируют эпизоды энуреза.

И если у ребёнка в диагнозе синдром дефицита внимания с гиперактивностью, парасомнии, минимальная мозговая дисфункция, ночной энурез тогда необходимо провести комплексное исследование сна — полисомнографию. При этом происходит регистрация показателей насыщения крови кислородом, храпа, экскурсии грудной клетки (что позволяет дифференцировать обструктивное апноэ от центрального), показателей ЭЭГ сна.

Есть метод диагностики СОАС более простой, но достаточно точный — это пульсоксиметрия — метод длительного неинвазивного насыщения гемоглобина артериальной крови кислородом и пульса.

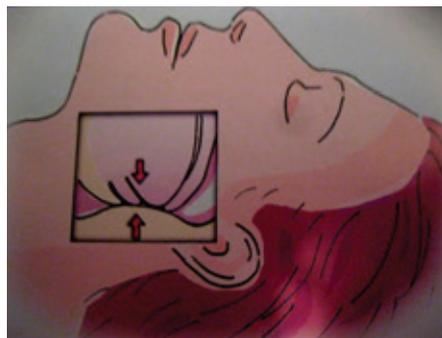
Диагноз синдром обструктивного апноэ сна считается подтверждённым, если зафиксировано 1 и более эпизодов апноэ-гипопноэ в час сна.

Очень важно вовремя обратиться к врачу и точно установить диагноз, потому что синдром обструктивного апноэ сна (СОАС) и первичный храп лечится. Врач, который занимается проблемой нарушения сна — сомнолог. Такие специалисты работают во многих крупных медицинских центрах. Тактика лечения зависит от сочетания причин и тяжести храпа и СОАС. Методы лечения

разнообразны, их можно условно разделить на следующие категории:

1) Общепрофилактические мероприятия и ситуационное облегчение храпа:

- снижение массы тела;
- обеспечить сон на боку, т.к. во время сна на спине происходит западение языка, особенно у пациентов с деформацией лицевого скелета (ретро- и микрогнатией). Для этого на ночную одежду пришивают карман между лопаток и кладут в него теннисный мячик;

— обеспечить возвышенное положение изголовья. Приподнятое положение туловища уменьшает западение языка даже в положении на спине, а также жидкость в организме смещается книзу, что приводит к уменьшению отёчности слизистой на уровне носа и глотки и увеличению их просвета. Но не используйте туго набитые подушки! Голова должна располагаться максимально параллельно туловищу, поэтому лучше использовать плоские подушки или специальные контурные подушки;

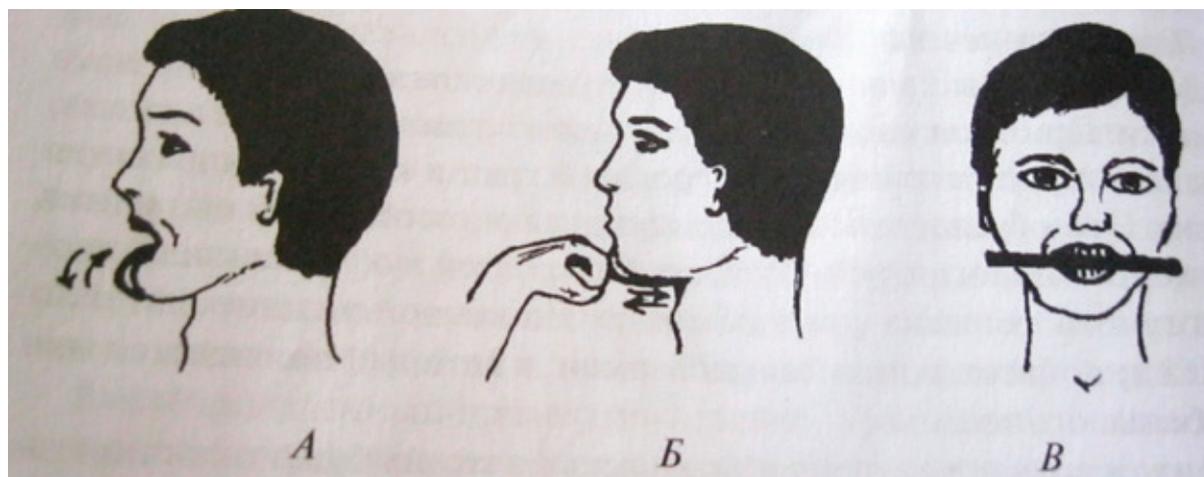
- Тренировка мышц языка и нижней челюсти:

1) максимально выдвигать язык вперёд и назад. В выдвинутом состоянии удерживать в течение 1–2 секунд и произносить в этот момент протяжный звук «и». Это упражнение обеспечивает увеличение тонуса мышц мягкого нёба и нёбного язычка.

2) Нажать на подбородок рукой и с усилием перемещать нижнюю челюсть вперед-назад. С помощью этого упражнения мы тренируем мышцы нижней челюсти, выдвигающие её вперёд. Все 2 упражнения выполнять по 30 раз утром и вечером.

3) Сильно зажать зубами и удерживать в течение 3–4 минут деревянную или пластиковую палочку. Это упражнение выполнять перед сном, т.к. данное упражнение вы-

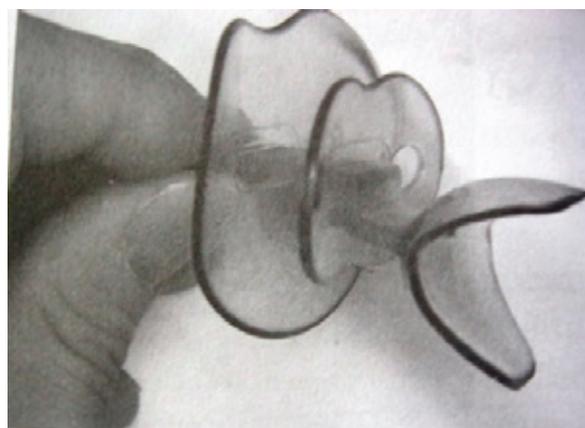
зывает тоническое напряжение жевательных и глоточных мышц, сохраняющееся в течение 20–30 минут, что существенно уменьшает храп в начальной стадии засыпания.

— Использовать в спальне ультразвуковой увлажнитель воздуха. Во время отопительного сезона зимой влажность падает ниже 30% при оптимальных показателях 60%.

2) **Облегчение носового дыхания.** Для этого можно применять специальные носовые полоски для расширения носовых ходов «ЮризРайт».

3) **Применение внутриротовых приспособлений**

4) **Применение фармакологических средств, облегчающих храп.** Назальный спрей «Назонекс» — местно тонизирует, обладает противовоспалительным и антисептическим свойствами. Назонекс безопасен и разрешён к применению у детей с 2-х лет.

Так же рекламируются множество различных средств от храпа, большинство которых содержат различные растительные компоненты.

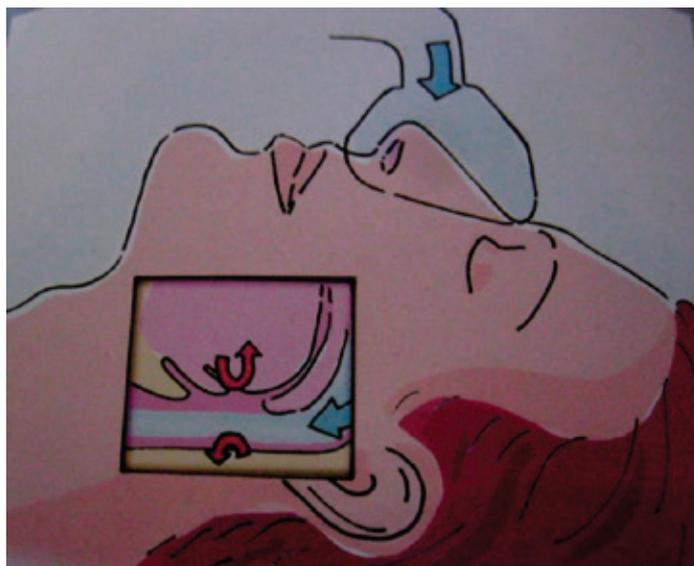
5) **Применение электромеханических подбуживающих устройств** — это приборы в виде наручных браслетов, которые улавливают звуки храпа и посылают слабые электрические или механические импульсы, раздражающие нервные окончания на руке и, таким образом, подбуживают мозг пациента.

6) **Оперативное лечение храпа и СОАС** — устранение явных анатомических дефектов на уровне носоглотки. Но необходимо тщательно взвешивать пользу

и потенциальные риски оперативного лечения, поэтому решение о хирургическом лечении храпа и СОАС должно приниматься квалифицированным ЛОР-хирургом.

7) **Применение прибора респираторной поддержки-СиПАП-терапии.** Этот метод эффективен при тяжёлых формах синдрома обструктивного апноэ сна. Суть метода заключается в поддержании постоянного положительного давления в верхних дыхательных путях, что не даст стенкам дыхательных путей спадаться и вибрировать.

К сожалению, в настоящее время недостаточно доступной информации о влиянии СОАС на здоровье ребёнка и мало уделяется внимания диагностике. А, между тем, родители, слушающие сон своих ангелочков, могут предотвратить серьёзные осложнения, а своевременное обращение к специалисту, значительно улучшит качество жизни ребенка.

Литература:

1. Синдром обструктивного апноэ сна и другие расстройства сна. Курс мультимедийных лекций. Р. В. Бузунов. — М., 2012
2. Синдромы сонного апноэ. А. П. Зильбер. — Петрозаводск, 1994. — с. 184
3. Синдром обструктивного сонного апноэ. Ю. И. Фещенко. Л. А. Яшина и др. — Киев, 2009
4. Храп и синдром обструктивного апноэ сна у взрослых и детей. Практическое руководство для врачей. Р. В. Бузунов, И. В. Легейда, Е. В. Царёва. — М., 2012. — с. 121
5. Храп и апноэ во сне в практике педиатра. М. Г. Полуэктов. — М., 2010.

Особенности изменение показателей мочи у лиц пожилого и старческого возраста в зависимости от сезона года

Жалалова Гулбарчин Турдалиевна, соискатель, старший преподаватель
Ошский государственный университет (Кыргызстан)

В статье представлены результаты показателей общего анализа мочи (плотность мочи, количество лейкоцита, эритроцита, белка, креатинина, кислотность мочи) у здоровых и больных с сердечно-сосудистыми заболеваниями. Выявлено, что плотность мочи, количество лейкоцита, эритроцита, белка, креатинина, кислотность мочи имеют тенденцию к повышению в холодное время года, чаще в весенний, осенний и зимний период. Полученные данные свидетельствуют о том, что общий анализ мочи меняется в пожилом и старческом возрасте, в разные периоды года.

Ключевые слова: моча, старческий возраст, сезон года

Indication changes of urine of the aged and old people depending on the seasons of the year

Jalalova G. T., Applicant, Senior Lecturer,
Osh State University

The aim of the research-learning of urine and its deposition of specific weight and leukocytes of elderly and senile ages in dependence of season of the year, living in the south region of Kyrgyzstan.

Key words: urine, elderly people, seasons

Все органы мочевыделительной системы с возрастом претерпевают изменения структурного и функционального характера. В настоящее время учеными были разработаны и внедрены в практическое здравоохранение самые разнообразные по подходам методические материалы, посвященные оценке качества оказания медицинской помощи. В Кыргызской республике в структуре населения страны 60% составляют сельские жители [7]. Улучшение качества оказываемой медицинской помощи является одной из главных стратегических задач системы предоставления медицинских услуг. Довольно рано наступает возрастные изменения почечных сосудов. Снижение уровня внутрипочечного кровообращения, обусловленное запустеванием сосудов клубочков, и связанные с этим изменения функциональной способности почек, подтверждены многочисленными исследованиями [1, 3, 8, 9]. В генезе возрастного изменения функции почек ведущую роль играет склероз почечных сосудов и связанное с этим снижение почечного кровотока. Так, после 70 лет число функционирующих нефронов сокращается примерно на 50% [2, 6]. При старении снижается скорость клубочковой фильтрации — показателя, тесно связанного с почечной гемодинамикой. С возрастом растет сопротивление сосудистой системы почек. У пожилых и старых людей происходит почти линейное снижение всех почечных функций-азотовыделительной, водовыделительной, электролитно-выделительной. Почечные механизмы регуляции кислотно-основного состояния организма становятся менее надежными [3,6,10]. Сохранение функциональной способности почек при старении обусловлено включением приспособительных механизмов, своеобразной перестройкой реактивности, нейрогуморальной регуляции этого органа, имеющего огромные резервные возможности. Возрастное уменьшение диапазона аккомодации почек особенно сказывается при нагрузках (уменьшение кровообращения в почках, снижение артериального давления). При этом наблюдается изменение показателя мочи [4, 5, 8, 9]. Схожие, но менее продолжительные изменения проявляются и при смене времен года: летом благодаря повышению внешней температуры воздуха, улучшению питания, повышается подвижность людей пожилого возраста, и соответственно, изменяется работа мочевыделительной системы [11, 12, 13, 14]. В связи с этим возрастает актуальность исследованию функционированию мочевыделительной системы и изменению общего анализа мочи у лиц пожилого и старческого возраста в зависимости от сезона года.

Цель работы явилось изучить динамику показателей мочи у лиц среднего, пожилого и старческого возраста в различные сезоны года.

Материалы и методы исследования

Под наблюдением находились 242 больных в возрасте. Были изучены данные лабораторных исследований 12 госпитализированных пациентов в возрасте от 35–75 лет

и выше (мужчины и женщины). В исследовании участвовали пациенты, жители г. Ош с заболеваниями сердечно-сосудистой системы. Исследуемые больные по возрасту были разделены на контрольные и основные группы. Контрольную группу составляет 118 пациента. Она делится на три подгруппы (1а, 1б, 1в). Основную группу составляет 124 пациента. Она делится на три подгруппы (1, 2, 3). Все группы контрольная и основная были обследованы в 4 сезона года.

– 1а-подгруппа мужчины и женщины в возрасте 35–60 лет, из них весеннее время-10, летнее-10, осеннее-5, зимой-15 человек — здоровые.

– 1б-подгруппа мужчины и женщины в возрасте от 61–75 лет, из них весеннее время-9, летнее-8, осеннее-5, зимой-15 человек — здоровые.

– 1в-подгруппа мужчины и женщины в возрасте от 75 лет и выше из них весеннее время-12, летнее-11, осеннее-8, зимой-10 человек — здоровые.

– 1-группа основная мужчины и женщины в возрасте 35–60 лет из них весеннее время-11, летнее-9, осеннее-6, зимой-13 человек

– 2-группа основная 48 пациентов, обследовались мужчины и женщины в возрасте от 61–75 лет, из них в весеннее время-10, летнее-10, осеннее-5, зимой-23 человек с заболеваниями сердечно-сосудистой системы.

– 3-группа основная 37 пациента в возрасте 76 лет и выше, из них в весеннее время-14, летнее-5, осеннее-7, зимой-11 человек с заболеваниями сердечно-сосудистой системы.

Взятие анализа мочи проводилось утром, в чистую, сухую баночку емкостью 150–200мл. Исследование общего анализа мочи включали в себе определение физико-химического состояния мочи: цвет мочи, плотность (г/мл), pH, соли, креатинина (мкмоль/л), количество лейкоцита (в.п.з), эритроцита (в.п.з), белка (ммоль/л).

При исследовании общего анализа мочи использовали урометр. Весь полученный фактический материал подвергнут компьютерной обработке с помощью пакета прикладных программ Microsoft Excel с расчетом критерия Стьюдента.

Полученные результаты и их обсуждения

Установлено, что физико-химическое состояние мочи изменяется, в зависимости от сезона года. В контрольной 1а подгруппе плотность мочи в пределах физиологической нормы. В весенний период он составлял $1015,0 \pm 1,1$ г/мл. В отличие от весеннего периода летом, осенью, зимой в пределах физиологической нормы. Относительная плотность мочи отражает функциональную способность почек. Таким образом, у лиц контрольной 1а подгруппе в отличие от весеннего периода, в остальные периоды года плотность мочи в пределах физиологической нормы ($P < 0,05$).

В первой (1) основной подгруппе плотность мочи $1013,0 \pm 3,5$ г/мл. В отличие от весеннего периода плот-

ность мочи в остальных периодах года остается в пределах нормы. Весной и зимой достоверное отличие ($P < 0,05$).

В первой (1) основной подгруппе, в отличие от контрольной 1а подгруппе, плотность мочи во все периоды, остался в пределах физиологической нормы.

В контрольной 1б подгруппе в весенний период плотность мочи составляет $1017,0 \pm 2,1$ г/мл. В отличие от весеннего периода летом, осенью, зимой плотность мочи остается в пределах физиологической нормы. Таким образом, у лиц контрольной б подгруппы в отличие от весеннего периода, во все периоды года плотность мочи остается в пределах физиологической нормы ($P < 0,05$).

Установлено, что во второй (2) основной подгруппе в весеннее время удельный вес составлял $1016,8 \pm 2,8$ г/мл. В отличие от весеннего периода летом, осенью, зимой плотность мочи снизилась. Весной, летом, осенью достоверное отличие ($P < 0,05$).

Во второй (2) основной подгруппе, в отличие от контрольной 1б подгруппы во все периоды плотность мочи осталась в пределах физиологической нормы.

В контрольной 1в подгруппе в весенний период плотность мочи составляла $1019,0 \pm 3,1$ г/мл. В отличие от весеннего периода плотность мочи летом, осенью, зимой остается в пределах физиологической нормы. Весной, летом, зимой достоверное отличие ($P < 0,05$).

В третьей (3) основной подгруппе в весенний период удельный вес мочи составлял $1016,1 \pm 1,5$ г/мл. В остальные периоды года, в отличие от весеннего периода удельный вес снизился. Летом и зимой имеет достоверное отличие ($P < 0,05$).

В третьей (3) основной подгруппе в отличие от контрольной 1в подгруппы во все периоды плотность мочи остается в пределах физиологической нормы.

В контрольной 1а подгруппе в весеннее время количество лейкоцитов мочи незначительно повысился и составлял $3,5 \pm 0,3$ в.п.з. Летом в отличие от весеннего периода имеет тенденцию к повышению на 26,2%, а осенью снизился 22,9%. Зимой увеличился на 20,0%. Летом, осенью, зимой имеет достоверное отличие ($P < 0,05$).

В первой (1) основной подгруппе в весенний период уровень лейкоцита мочи составлял $4,8 \pm 0,2$ в.п.з. В отличие от весеннего периода летом снизился на 25,0%, осенью на 23,0%. С наступлением зимы снизился на 30,0%. Во все периоды имеет достоверное отличие ($P < 0,05$).

В первой (1) основной подгруппе в отличие от контрольной 1а подгруппы, уровень лейкоцита весной повысился на 37,1%, летом снизился на 28,6%. С наступлением осени повысился на 37,0%, зимой снизился на 19,1%.

В контрольной 1б подгруппе уровень лейкоцита в весенний период составлял $3,3 \pm 1,1$ в.п.з. В отличие от весеннего периода летом снизился на 12,3%. С наступлением осени повысился на 18,1%, зимой на 30,3%. Летом и зимой имеет достоверное отличие ($P < 0,05$).

Установлено, что во второй (2) основной подгруппе в весенний период количество лейкоцита составлял $3,6 \pm 0,6$ в.п.з. В остальные периоды года в отличие от весеннего периода, количество лейкоцита увеличился: летом на 38,8%, осенью на 25,0%. Зимой имел тенденцию к повышению на 13,8%. Весной, летом, осенью имеет достоверное отличие ($P < 0,05$).

Во второй (2) основной подгруппе в отличие от контрольной 1б подгруппы уровень лейкоцита в моче весной повысился на 9,0%, летом на 72,4%. С наступлением осени повысился на 15,3%, зимой снизился на 4,7%. Обнаружение повышенного числа лейкоцитов наблюдается при воспалительных заболеваниях почек и мочевыводящих путей.

В контрольной 1в подгруппе в весенний период уровень лейкоцита составлял $2,7 \pm 1,9$ в.п.з. В отличие от весеннего периода уровень лейкоцита летом повысился на 25,9%. С наступлением осени снизился на 7,5%, зимой повысился на 14,8%. Летом, осенью и зимой имеет достоверное отличие ($P < 0,05$).

В третьей (3) основной подгруппе в весенний период количество лейкоцита составлял $3,3 \pm 0,6$ в.п.з. В остальные периоды года в отличие от весеннего периода он повысился: летом на 30,3%, осенью на 15,1%, зимой на 18,1%. Весной, летом, осенью имеет достоверное отличие ($P < 0,05$).

В третьей (3) основной подгруппе в отличие от контрольной 1в подгруппы во все периоды года количество лейкоцита повысился, кроме летнего периода. Весной на 22,2%, осенью на 52,0%, зимой на 25,8%. Летом снизился на 21,0%.

В контрольной 1а подгруппе уровень креатинина в моче в весенний период составлял $180,0 \pm 4,5$ мкмоль/л. В остальные периоды года в отличие от весеннего периода уровень креатинина в моче повысился: летом на 10,0%, осенью на 5,0%, а зимой на 9,4%. Весной, летом, осенью имеет достоверное отличие ($P < 0,05$).

Креатинин через кровь транспортируется к почкам, где происходит фильтрация с образованием мочи. Основная масса креатинина выводится почками. В течение суток количество креатинина, циркулирующее в крови, остается практически на одном уровне. Это связано с тем, что мышечная масса человека так же не подвергается изменениям.

В первой (1) основной подгруппе в весенний период уровень креатинина в моче составляет $178,0 \pm 3,8$ мкмоль/л. В отличие от весеннего периода, летом повысился на 3,9%, зимой на 7,3%. Осенью остается в пределах физиологической нормы. Летом и осенью достоверное отличие ($P < 0,05$).

В первой (1) основной подгруппе в отличие от контрольной 1а подгруппы весной уровень креатинина в моче остается в пределах физиологической нормы. В остальные периоды уровень креатинина в моче снизился: летом на 6,6%, осенью на 6,9%, зимой на 3,1%.

В контрольной 1б подгруппе весной уровень креатинина в моче составлял $189,0 \pm 2,1$ мкмоль/л. В отличие от весеннего периода летом снизился на 8,0%, осенью на 4,3%. Зимой остается в пределах физиологической нормы. Летом и осенью имеет достоверное отличие.

($P < 0,05$).

Установлено, что во второй (2) основной подгруппе в весенний период уровень креатинина составлял $198,0 \pm 8,5$ мкмоль/л. В остальные периоды года в отличие от весеннего уровень креатинина снизился: летом на 8,1%, осенью на 5,1%, зимой на 5,6%. Весной, летом, зимой имеет достоверное отличие ($P < 0,05$).

Во второй (2) основной подгруппе в отличие от контрольной 1б подгруппы уровень креатинина в моче во все периоды повысился, за исключением зимнего периода. Весной на 4,7%, летом на 4,5%, осенью на 3,8%. Зимой остается в пределах физиологической нормы.

В контрольной 1в подгруппе весной уровень креатинина в моче составлял $179,0 \pm 2,1$ мкмоль/л. В отличие от весеннего периода уровень креатинина в моче летом снизился на 2,8%, зимой повысился на 3,9%. Осенью остается в пределах физиологической нормы. Весной, летом, осенью имеет достоверное отличие ($P < 0,05$).

В третьей (3) основной подгруппе в весенний период уровень креатинина составлял $198,0 \pm 6,7$ мкмоль/л. В отличие от весеннего периода, летом снизился на 4,6%, осенью и зимой остается в пределах физиологической нормы.

В третьей (3) основной подгруппе, в отличие от контрольной 1в подгруппы уровень креатинина весной увеличился на 10,6%, летом на 8,6%. С наступлением осени повысился на 9,3%, зимой на 5,3%.

В контрольной 1а подгруппе количество эритроцита в моче весной составлял $1,0 \pm 0,1$ в.п.з. В отличие от весеннего периода летом и зимой в пределах физиологической нормы, осенью повысился на 10,0%.

В первой (1) основной подгруппе количество эритроцита весной составлял $1,0 \pm 0,3$ в.п.з. В отличие от весеннего периода летом остается в пределах физиологической нормы, осенью повысился на 10,0%. С наступлением зимы повысился на 10,0%. Осенью и зимой имеет достоверное отличие ($P < 0,05$).

В первой (1) основной подгруппе в отличие от контрольной 1а подгруппы количество эритроцита во все периоды остался в пределах физиологической нормы, за исключением зимнего периода. Зимой повысился на 10,0%.

В контрольной 1б подгруппе количество эритроцита составлял

$1,1 \pm 0,3$ в.п.з. В отличие от весеннего периода, летом повысился на 36,3%, осенью на 63,6%. Зимой остается в пределах физиологической нормы. Летом и осенью имеет достоверное отличие ($P < 0,05$).

Во второй (2) основной подгруппе количество эритроцита составлял $2,0 \pm 0,3$ в.п.з. Летом в пределах физиологической нормы. В отличие от весеннего периода осенью снизился на 50,0%, зимой на 50,0%. Осенью и зимой имеет достоверное отличие ($P < 0,05$).

Во второй (2) основной подгруппе количество эритроцита в отличие от контрольной 1б подгруппы весной повысился на 81,8%, летом на 33,3%. С наступлением осени снизился на 45,5%, зимой на 9,1%. Весной, осенью и зимой имеет достоверное отличие ($P < 0,05$).

Обнаружение большего количества эритроцитов может свидетельствовать о серьезной патологии почек или мочевых путей. В норме эритроциты в моче не должны быть, их присутствие возможно, но в очень малых количествах (не более 3-х в поле зрения).

В контрольной 1в подгруппе в весенний период уровень эритроцита составлял $1,8 \pm 0,1$ в.п.з. В отличие от весеннего периода уровень эритроцита во все периоды снизился: летом на 27,8%, осенью на 22,3%, зимой на 27,8%.

В третьей (3) основной подгруппе количество эритроцита составлял $2,0 \pm 0,4$ в.п.з. В остальные периоды года, в отличие от весеннего периода в пределах физиологической нормы.

В третьей (3) основной подгруппе в отличие от контрольной 1в подгруппы во всех периодах уровень эритроцита повысился: весной на 11,1%, летом на 53,8%, осенью на 42,8%, и зимой на 53,8%.

В первой контрольной 1а подгруппе в весеннее время количество белка составлял $0,002 \pm 0,0001$ ммоль/л. В остальные периоды года, в отличие от весеннего периода количество белка повысился: летом на 50,0%, осенью на 50,0%, зимой на 50,0%.

В первой (1) основной подгруппе в весенний период количество белка составлял $0,002 \pm 0,0001$ ммоль/л. В отличие от весеннего периода, летом и зимой остается в пределах физиологической нормы. С наступлением осени повысился на 50,0%.

В первой (1) основной подгруппе в отличие от контрольной 1а подгруппе весной, летом, осенью и зимой остается в пределах физиологической нормы.

В контрольной 1б подгруппе в весенний период количество белка составлял $0,003 \pm 0,0001$ ммоль/л. В отличие от весеннего периода летом снизился на 33,4%. С наступлением осени снизился на 33,4%. В зимний период остается в пределах физиологической нормы. Летом и осенью имеет достоверное отличие ($P < 0,05$).

Во второй (2) основной подгруппе количество белка составлял $0,001 \pm 0,0004$ ммоль/л. В остальные периоды года, в отличие от весеннего периода количество белка в пределах физиологической нормы.

Во второй (2) основной подгруппе количество белка в отличие от контрольной 1б подгруппы во все периоды года снизился: весной на 66,7%, летом на 50,0%, осенью на 50,0%, зимой на 66,7%.

В контрольной 1в подгруппе в весенний период количество белка составлял $0,003 \pm 0,0002$ ммоль/л. В отличие от весеннего периода летом остается в пределах физиологической нормы. С наступлением осени снизился на 33,4%. Зимой снизился на 33,4%. Осенью и зимой имеет достоверное отличие ($P < 0,05$).

Таблица 1. Показатели общего анализа мочи у лиц пожилого возраста в зависимости от сезона года

Наименование Группа	Время года	Показ-ли	Удельный вес	Лейкоциты в.п.з	Креатининин мкмоль/л	Эритроцит в.п.з	Белок моль/к	РН мочи	Кол-во бол-х
1-а контрольная	Весна	M±m	1015,0±1,1	3,5±0,3	180,0±4,5	1,0±0,1	0,002±0,0001	5,5±1,8	10
	Лето	M±m	1016,0±1,7	4,4±1,2	198,0±5,8*	1,0±0,4	0,003±0,0002*	5,8±1,9	10
	Осень	M±m	1012,0±1,4	2,7±0,2*	189,0±7,5	1,1±0,2*	0,003±0,0002*	6,0±0,9*	5
	Зима	M±m	1014,3±4,2	4,2±0,8*	197,0±4,8	1,0±0,3	0,003±0,0001	5,7±1,2	15
1-основная	Весна	M±m	1013,0±3,5	4,8±0,2	178,0±3,8	1,0±0,3	0,002±0,0001	5,7±1,5	11
	Лето	M±m	1017,0±2,7	3,6±2,4	185,0±3,6*	1,0±0,2	0,002±0,0001	5,1±1,8*	9
	Осень	M±m	1016,0±2,1	3,7±0,8*	176,0±5,8	1,1±0,1	0,003±0,0001	5,0±1,3*	6
	Зима	M±m	1017,3±3,3*	3,4±1,4*	191,0±6,9	1,1±0,4*	0,002±0,0001	4,7±1,1	13
1-б кон- трольная	Весна	M±m	1017,0±2,1	3,3±1,1	189,0±2,1	1,1±0,3	0,003±0,0001	3,7±2,1	9
	Лето	M±m	1014,0±1,5	2,9±1,3*	174,0±1,1*	1,5±0,6*	0,002±0,0001	4,1±1,4	8
	Осень	M±m	1018,0±1,7	3,9±1,5	181,0±3,4*	1,8±0,1*	0,002±0,0001*	4,0±1,8	5
	Зима	M±m	1013,2±3,6*	4,3±2,1*	186,0±4,4	1,1±0,4	0,003±0,0001*	3,7±1,9	15
2-основная	Весна	M±m	1016,8±2,8	3,6±0,6	198,0±8,5*	2,0±0,3	0,001±0,0004	6,0±1,2	10
	Лето	M±m	1011,8±0,8*	5,0±2,6	182,0±6,5	2,0±0,5	0,001±0,0001	6,2±0,4*	10
	Осень	M±m	1008,3±1,6	4,5±1,5*	188,0±7,8*	1,0±0,3	0,001±0,0006	6,7±0,7	5
	Зима	M±m	1014,6±1,1	4,1±0,5*	187,0±9,4	1,0±0,6	0,001±0,0003	5,9±1,2	23
1-в контрольная	Весна	M±m	1019,0±3,1*	2,7±1,9	179,0±2,1	1,8±0,1	0,003±0,0002	3,7±2,1	12
	Лето	M±m	1018,0±1,3	3,4±1,5	174,0±1,1	1,3±0,2	0,003±0,0001	4,6±1,9	11
	Осень	M±m	1019,0±2,8	2,5±1,2*	181,0±3,4	1,4±0,6	0,002±0,0001*	4,3±1,7*	8
	Зима	M±m	1018,2±3,6	3,1±1,8	186,0±4,4	1,3±0,9	0,002±0,0001	3,9±1,2	10
3-основная	Весна	M±m	1016,1±1,5	3,3±0,6	198,0±6,7	2,0±0,4	0,001±0,0005	6,1±0,7	14
	Лето	M±m	1010,8±1,3	4,3±1,3*	189,0±8,4	2,0±0,3	0,001±0,0002	6,5±0,7*	5
	Осень	M±m	1015,5±2,6	3,8±1,2*	198,0±5,2	2,0±0,5	0,001±0,0003	6,3±0,8	7
	Зима	M±m	1013,1±1,2	3,9±0,2	196,0±2,5	2,0±0,7	0,001±0,0002	6,8±0,6*	11

В третьей (3) основной подгруппе количество белка составлял $0,001 \pm 0,0002$ ммоль/л. В остальные периоды года, в отличие от весеннего периода количество белка в пределах физиологической нормы.

В третьей (3) основной подгруппе в отличие от контрольной 1в подгруппы количество белка во все периоды года снизился: весной на 66,7%, летом на 66,7%, осенью на 50,0%, зимой на 50,0%.

В контрольной 1а подгруппе кислотность мочи в весенний период составлял $5,5 \pm 1,8$. В остальные периоды года в отличие от весеннего периода, уровень кислотности мочи повысился: летом на 5,4%, осенью на 9,0%, зимой на 3,6%. Летом и осенью имеет достоверное отличие ($P < 0,05$).

В первой (1) основной подгруппе кислотность мочи в весенний период составлял $5,7 \pm 1,5$. В отличие от весеннего периода летом снизился на 20,6%. Осенью имел тенденцию к снижению на 12,3%. С наступлением зимы снизился на 17,6%. Летом и зимой достоверно снизился ($P < 0,05$).

В первой (1) основной подгруппе в отличие от контрольной 1а подгруппы кислотность мочи весной повысился на 3,6%. В остальные периоды года снизился: летом на 12,1%, осенью на 16,7%, зимой на 17,6%.

В контрольной 1б подгруппе кислотность мочи в весенний период составлял $3,7 \pm 2,1$. В отличие от весеннего периода летом повысился на 10,8%, осенью на 8,1%. С наступлением зимы остается в пределах физиологической нормы. Летом и осенью имеет достоверное отличие ($P < 0,05$).

Установлено, что во второй (2) основной подгруппе уровень pH мочи в весенний период составлял $6,0 \pm 1,2$. В отличие от весеннего периода, уровень pH мочи повысился летом на 3,3%, осенью на 11,6%.

С наступлением зимы остается в пределах физиологической нормы.

Во второй (2) основной подгруппе кислотность мочи в отличие от контрольной 1б подгруппы во все периоды года повысился: весной на 62,1%, летом на 51,2%. С наступлением осени имел тенденцию к повышению на 67,5%, зимой на 59,4%. Весной и летом имеет достоверное отличие ($P < 0,05$). Кислотность мочи является наи-

более изменяемым показателем. Даже в течение дня этот показатель может изменяться в значительных пределах. Причиной такой изменчивости является то, что почки участвуют в поддержании кислотности крови и выводят излишки ионов водорода из крови в процессе фильтрации.

В контрольной 1в подгруппе кислотность мочи в весенний период составлял $3,7 \pm 2,1$. В отличие от весеннего периода, во все периоды года кислотность мочи повысилась: летом на 24,3%, осенью на 16,1%, зимой на 5,4%. Летом имеет достоверное отличие ($P < 0,05$).

В третьей (3) основной подгруппе уровень pH мочи в весенний период составлял $6,1 \pm 0,7$. В остальных периодах в отличие от весеннего периода уровень pH мочи летом повысился на 6,5%. Осенью имел тенденцию к повышению на 3,2%. С наступлением зимы повысился на 11,4%. Летом, зимой имеет достоверное отличие ($P < 0,05$).

В третьей (3) основной подгруппе кислотность мочи в отличие, от контрольной 1в подгруппы значительно повысился. Весной имел тенденцию к повышению на 11,1%. Летом повысился на 53,8%. Осенью также имел тенденцию к повышению на 42,8%. С наступлением зимы повысился на 53,8%. Летом, зимой имеет достоверное отличие соответственно ($P < 0,05$).

Все эти данные отражены в таблице № 1

Заключение: Таким образом, можно судить, что изменения общего анализа мочи появляются при заболеваниях сердечно-сосудистой системы. При сердечной недостаточности в виде повышения плотности мочи и увеличения интенсивности ее окраски вследствие снижения почечного кровотока и, как следствие, количества продуцируемой мочи. При гипертонической болезни возможно появление в моче белка (альбумины) до 1 г/л, которые могут наблюдаться годами, что связано с гипертонической нефропатией. Повышение показателя лейкоцита, эритроцита, как и в молодом возрасте можно считать проявлением воспалительного процесса. Изменение креатинина и повышение кислотности мочи чаще проявляется у лиц пожилого возраста. Это свидетельствует о частоте заболеваемости почек и тяжести ее проявлений именно у лиц старших возрастов.

Литература:

1. Боголюбов, В. М., Зубкова С. М. Адаптивные изменения в организме при действии физических факторов // Медицинская реабилитация, курортология, физиотерапия. 1995. — № 1. — С.5–9.
2. Голигорский, С. Д. Урология и нефрология, М. 1970, с. 14–19
3. Желватый, В. В. Недопредка Д. М., Ляшенко Н. П., Пилевский И. П. Товбушенко М. П., // Адаптация организма при физических воздействиях. — Вильнюс, 1969. — С.100–103.
4. Жалалова, Г. Т., Жолдошев С. Т. Изменение пульса и артериального давления у лиц пожилого и старческого возраста в зависимости от сезона года /Международный научно-исследовательский журнал успеши современной науки. — 2016. — № 6, Том4, — С.147–153
5. Жалалова, Г. Т., Жолдошев С. Т. Особенности изменений показателей крови у лиц пожилого и старческого возраста в зависимости от сезона /Молодой ученый. — 2016. — № , — 10 (114) С.477–483
6. Казначеев, В. П. Проблемы адаптации человека (итоги и перспективы). //Тез. докл. 2-й Всесоюзн. конф. по адаптации человека к различным географическим, климатическим и производственным условиям. Новосибирск, 1986. — Том. 1. С.3–11.

7. Мурзалиев, М. Т., Исмаилов А. А., Жолдошев С. Т. Анализ качества медицинской помощи в стационарах Ошской области Кыргызской Республики / В мире научных открытий, 2016. — № 3 (75). — С.27–47
8. Рябов, С. И., Наточин Ю. В. Функциональная нефрология СПб: Лань, 1997. — 304 с.
9. Руководство по урологии /Под ред. Н. А. Лопаткина. — М., 1998. — с. 266–287.
10. Борисова, А. М. Иммунные механизмы старения. // Реф. сб. Геронтология. Гериатрия. М., 1998. — С.1–12.
11. Stamey, T. A. Monographs in Urology., 1995. Vol.16 — № 1 — P.16
12. Reid G, Bruce A. W. Pathogenesis of urinary tract infections in elderly. Curr. Microbiol, 1994. Vol.11 — P.67.
13. Tinker, J. M. In: Geriatric Medicine: Problem and Practice. — Berlin, 1990. — P.313–320.
14. Yamaguchi, K., Onkawa M., Fuse H. A clinical survey of urinary calculi in terms of stone compositions. // Jap. J. Nephrol., 1988. — 30. — 4N 04 — P.375–383.

Клинико-статистическая характеристика оперированных больных с привычным вывихом плеча методом Джумабекова

Макамбаев Нурлан Байышбекович, врач-ординатор;

Маманазаров Дж.;

Ахунжанов Расул

Ошская межобластная объединенная клиническая больница (Кыргызстан)

В работе приводится сравнительный анализ исходов оперативного лечения с привычным вывихом плеча по методике авторов и операции по Вайнштейну. Установлено, что разработанная методика группы авторов превосходит по ряду показателей, что доказано при сравнительном анализе.

Ключевые слова: привычный вывих плеча, рецидивы, тенoplastика, миопластика, транспозиция, иммобилизация, фиксация

Clinical statistical characteristics of the operated patients with habitual dislocation of the shoulder with method of dzhumabekov

Makambaev N. B.,

Mamanazarov J.,

Akhunzhanov R.

Osh Interregional joint Clinical Hospital (Kyrgyzstan)

This paper provides a comparative analysis of surgical treatment of outcomes with habitual dislocation of the shoulder by the method of the authors and operations Weinstein. It was found that the developed method is superior to the authors of the group on a number of indicators, as evidenced in the comparative analysis.

Keywords: Habitual shoulder dislocation, recurrent, tenoplastika, mioplastika, transposition, immobilization, fixation

Актуальность: Развитие оперативных методов лечения получило широкое распространение в 1980-годы в Советском Союзе, одни операции ушли в прошлое, другие становятся объектом новых исследований. Некоторые операции не принимаются из-за их сложности, тяжести, другие — по неэффективности.

Рецидивы после операции по укреплению связочного аппарата с использованием фасций, ауто сухожилий, гетеробрюшины синтетических материалов составляют до 3,3%, а гнойные осложнения доходят до 1,5%.

Нашли широкое применение операции по укреплению мышц плеча, а при операции Бойчева рецидив составил 4,6%.

Результаты оперативного лечения привычного вывиха плеча очень разноречивы, что дает повод новым поискам тактико-технических решений в хирургическом лечении больных. Оперативные методы лечения по своему характеру, объему проводимых операций отличаются друг от друга. Необходимость совершенствования методов оперативного лечения весьма актуальна [1, 3, 4, 5, 6, 7].

Цель работы оптимизация исходов оперативного лечения.

Для сравнительного анализа оперативного лечения нами отобрана самая распространенная операция при привычном вывихе — операция Вайнштейна. Эта операция выполняется в ортопедическом отделении Бишкек-

ского научно-исследовательского центра травматологии и ортопедии (БНИЦТО) Кыргызской Республики.

Материал и методы исследования. Нами отобрано 36 больных лечившихся этим методом с 2009 по 2015 г.г. Наиболее совершенным представителем операций капсуло-теномиопластического типа является способ В.Г. Вайнштейна, который был предложен в 1946 г. и получил самое широкое распространение на территории бывшего Советского Союза. Если проанализировать, какие задачи решает операция Вайнштейна, то можно прийти к следующим выводам:

- 1) уменьшает дестабилизирующую роль *m.subscapularis* путем выключения из функции ее нижней половины и ослабления тяги верхней ее части за счет ее удлинения;
- 2) значительно усиливает натяжение сухожилия длинной головки плеча и тем самым способствует более энергичному прижатию головки и суставной впадины лопатки;
- 3) уменьшает объем переднего отдела плечевого сустава;
- 4) укрепляет переднее-нижний отдел плечевого сустава за счет образования рубца в месте пересечения подлопаточной мышцы в области наложения швов по ходу оперативного доступа [2, 8, 9, 10, 11, 12, 13,14].

К сожалению, операция Вайнштейна не предполагает устранения имеющихся внутрисуставных повреждений типа Банкарта и Hill-Sach и не создает условий, которые бы препятствовали возникновению этих повреждений и возникновению релюксаций. Следовательно, при наличии у больного этих повреждений, оперативное лечение способом Вайнштейна будет неэффективным.

Материал диссертации включает наблюдение 71 больного подвергшихся оперативному лечению. 36 их них были оперированы методом Вайнштейна в отделении ортопедии БНИЦТО КР. Они составили контрольную группу больных. Остальные 35 больных оперированы методом Джумабекова С.А., Макамбаева Н.Б., Маманазарова Дж., Арипжанова М. (Патент № 1710 от 30.01.15 Кыргызпатента КР) на базе травматологического отделения ОМОКБ. Эти больные составили основную группу больных. При выполнении операций произведена транспозиция сухожилия двуглавой мышцы плеча на вновь образованный костный канал, сухожилие фиксировано редкими узловыми швами. Непосредственно выполнение всех операций осуществило 100% диссертантом (35 операций).

Анализ контрольной группы больных. Анализу подверглись 36 больных, находившихся на стационарном ле-

чении в ортопедическом отделении БНИЦТО КР. Все больные были оперированы по методике Вайнштейна.

Анализ проведенных обследований 36 больных, оперированных по поводу привычного вывиха плеча (ПВП) по методом Вайнштейна, показал, что среди них по социальному положению рабочие составляли 9 человек (25%), студенты, учащиеся — 14 человек (36,3%), безработные — 10 человек (27,7%), инвалиды — 3 человек (8,33%). Оперированных по причинам развития привычного вывиха — раннее прекращение гипсовой иммобилизации 4 — человек (11,11%), тяжелые физические нагрузки после снятия гипсовой иммобилизации или косыночной повязки — 3 человек (8,33%). Основную группу по причинам развития привычного вывиха плеча составило отсутствие иммобилизации — 29 случаев (80,55%), эта группа представлена в таблице 1.

Распределение больных по возрасту показало, что группу от 16 до 20 лет составили 16 больных (44,44%); возрастные группы 21–30 лет составили — 13 больных (36,11%); 31–40 лет — 3 больных (8,33%), 41–50 лет 1 больной (2,77%); 51 год и старше — 3 больных (8,33%).

У 10 (27,77%) больных в возрасте до 20 лет была повреждена правая рука, в возрасте 21–30 лет — у 8 больных (22,22%); в возрасте 31–40 лет и 41–50 лет — по 1 больному (2,77%); старше 51года — у 2 больных (5,54%). Женщины составили всего 14 больных (38,88%), в основном до 30 лет.

Анализ оперированных больных по методике Джумабекова С.А. Больные, оперированные на базе травматологического отделения Ошской межобластной объединенной клинической больницы в период с 2008 по 2015 г.г., всего оперировано 35 больных. Из них мужчин было 29 (82,85%), женщин — 6 (17,15%).

По причинам развития ПВП разрыв капсулы был в 11 случаях (31,42%), повреждение суставной губы — в 3 случаях (8,57%). Растяжение капсулы — в 4 случаях (11,42%). Недостаточная фиксация — в 17 случаях (48,57%). По возрасту больные распределялись следующим образом: до 20 лет — 6 человек (17,14%), 21–30 лет — 17 человек (48,57%), 31–40 лет — 4 человек (11,42%), 41–51 год — в 5 случаях (14,28%), старше 60 лет — 3 человек (8,57%).

Правостороннее поражение руки было в 23 случаях (65,71%), левостороннее — в 12 случаях (34,3%). Все больные были с последствиями перенесенного травматического вывиха плеча. Основную группу больных состав-

Таблица 1. Причины развития ПВП у контрольной и основной группах

№ № п/п	Причины развития ПВП	Контрольная группа	Основная группа
1	Раннее прекращение гипсовой повязки	4	2
2	Тяжелая физическая нагрузка после снятия гипсовой повязки	3	3
3	Отсутствие иммобилизации	29	30
	Итого	36	35

ляли люди в самом работоспособном возрасте, т.е. до 30 лет — 48,57%.

Послеоперационное заживление раны: из 35 оперированных больных у 34 заживление происходило первичным натяжением, у одного больного было расхождение краев раны, оно составило 2,85%.

Возрастная характеристика больных основной группы представлена в таблице 2.

Из таблицы 2 видно, что больных в возрасте от 16 до 20 лет было 6 человек (17,14%), 21–30 лет — 17 человек (45,57%), 31–40 лет — 4 человек (11,42%) больных,

41–50 лет — 5 человек (14,28%), старше 60 лет — 3 человек (8,57%), итого 35 больных. Мужчин было 29 (82,8%), женщин — 6 (17,14%), повреждение правой руки было в 21 случаях (60%), левой — 14 случаев (40%).

Количественный состав больных ПВП у контрольной и основной групп почти не отличается, что является достоверным для сравнения

Для анализа контрольной группы нами было отобрано 36 человек.

Распределение больных по причинам развития вывиха плеча представлены в таблице 2.

Таблица 2. Возрастная характеристика больных с привычным вывихом плеча, оперированных в ОМОКБ

Методы операции	Возраст						абс. число	%
	До 20 лет	21–30	31–40	41–50	51–60	Старше 60 лет		
По Джумабекову С. А., Макамбаеву Н. Б.	6	17	4	5		3	35	100
Правая	3	10	2	4	1	3	23	60
Левая	3	7	2				12	40
Мужчины	6	14	3	4		2	29	82,85
Женщины	2	1	1	1		1	6	17,5
%	17,14	48,57	11,4	14,28	2,85	8,57	35	100

Анализ исходов оперативного лечения (таблица 3) показал, что группа больных с хорошими результатами лечения составила 30 человек (85,7%), с удовлетворительными результатами — 4 человек (11,4%), с не удовлетворительными — 1 человек (2,85%). В контрольной группе больных хороший результат достигнут у 22 человек (61,11%), удовлетворительный результат —

у 10 человек (27,75%), не удовлетворительный — у 4 человек (11,4%). Неудовлетворительных результатов в 3,5 раза меньше в группе больных, оперированных по методике Джумабекова С. А., хороший исход составил у 30 больных (85,7%). Хороший исход у больных, оперированных методом Вайнштейна, составил у 22 больных (61,11%).

Таблица 3. Исходы лечения

Группа больных	Исходы лечения					
	хороший		удовлетворительный		неудовлетворительный	
	Абс. число	Частота в %	Абс. число	Частота в %	Абс. число	Частота в %
Исследуемая	30	85,7	4	11,4	1	2,85
Контрольная	22	61,11	10	27,7	4	11,11

Выводы

1. По удельному весу, возрастной характеристике больных, состав у больных, по месту локализации, по полу исследуемая группа сопоставим с контрольной группой больных.

2. Сравнительный анализ результатов операции показывает, что лучшим является метод, предложенный Джу-

мабековым С. А.: оперативное лечение сокращает сроки стационарного и амбулаторного лечения. Этот метод может быть рекомендован к практическому применению по хорошим результатам лечения (85,7%), напротив хорошие результаты лечения у больных, оперированных по методике Вайнштейна, составили 61,11%.

Литература:

1. Краснов, А. Ф. Нестабильность плечевого сустава при привычном вывихе плечевого сустава / А. Ф. Краснов Ортопед., травматол., протезир. 1991. — № 10. — с. 58–63.
2. Миронов, С. П. Атлас артроскопической хирургии плечевого сустава / С. П. Миронов, С. В. Архипов. — М.: Лесарарт, — 2002. — с. 176.

3. Архипов, С. В. Плечо: современные хирургические технологии / С. В. Архипов, Г. М. Ковалерский — М.: Медицина, 2009. — 192 с.
4. Григорьева, Е. В. Магнитно-резонансная томография плечевого сустава: атлас / Е. В. Григорьева, Ф. М. Ахмеджанов — М.: Аз., 2009. — 104 с.
5. Монастырев, В. В. Диагностическое значение мультиспиральной компьютерной томографии с трехмерной реконструкцией при посттравматической переднемедиальной нестабильности плечевого сустава: открытое перспективное исследование / В. В. Монастырев // Медицинская визуализация. — М.: 2012. — № 2. — с. 115–121.
6. Гончаров, Е. Н. Магнитно-резонансная томография в диагностике повреждений мягкотканых структур плечевого сустава / Е. Н. Гончаров // Фундаментальные исследования — М.: 2012. — № 7. — с. 76–79.
7. Монастырев, В. В., Оптимизация хирургического лечения хронической посттравматической переднемедиальной нестабильности плечевого сустава при костном дефекте суставного отростка лопатки / В. В. Монастырев, В. А. Сороковиков, Н. В. Тишков, В. Ю. Васильев // Бюл. ВСНЦ СО РАМН. — 2012. — № 4, Часть 2. — с. 77–82.
8. Milano, G. Analysis of Risk Factors for Glenoid Bone Defect in Anterior Shoulder Instability / G. Milano // The American Journal of Sports Medicine. — 2011. — Vol. 39. — p. 1870–1876.
9. Boone, J. L. Management of failed instability surgery: how to get it right the next time / J. L. Boone, R. A. Arciero // Orthop Clin North Am. — 2010. — Vol. 41 (3). — p. 367–79.
10. Архипов, С. В. / Артроскопическое лечение посттравматической нестабильности плечевого сустава / С. В. Архипов // Материалы VII съезда травматологов-ортопедов России. — Новосибирск, — 2002. — с. 386–387.
11. Васильев, В. Ю. Хирургическое лечение рецидивирующей нестабильности плечевого сустава / В. Ю. Васильев, В. В. Монастырев // Бюллетень Восточно-Сибирского научного центра СО РАМН. — 2008. — с. 104–105.
12. Зубарев, А. В. Диагностический ультразвук. Костно-мышечная система. Практическое руководство / А. В. Зубарев. — М.: «Фирма Стром», 2002. — 136 с.
13. Kirkley, A. Prospective randomized clinical trial comparing the effectiveness of immediate arthroscopic stabilization versus immobilization and reha — bilitation in first traumatic anterior dislocations of the shoulder / A. Kirkley, R. Werstine, A. Ratjek, S. Griffin: Long-term evaluation. Arthroscopy. 2005. — p. 55–63.
14. Батпенов, Н. Д. К вопросу о тактике лечения нестабильности плечевого сустава / Н. Д. Батпенов, С. К. Рахимов, Г. К. Супугалиев // Травматология и ортопедия — 2003. — № 2. — с. 63–64.

Комплексная лучевая диагностика осложнений пневмоний

Махкамова Ойшахон Дамировна, магистр;

Юсупалиева Гулнора Акмаловна, кандидат медицинских наук, профессор;

Давидходжаева Асаль Алишеровна, магистрант

Ташкентский педиатрический медицинский институт (Узбекистан)

Собирательным термином «пневмония» принято обозначать группу различных по этиологии, патогенезу, морфологической характеристике острых инфекционных (преимущественно бактериальной природы) очаговых поражений респираторных отделов легких с наличием внутриальвеолярной экссудации, проявляющихся выраженными в различной степени лихорадочной реакцией, интоксикацией и выявляемых при физическом и рентгенологическом исследованиях (А. И. Синопальников, 2013 г.).

Пневмония является важнейшей отдельно взятой инфекционной причиной смертности детей во всем мире. В 2013 году от пневмонии умерли 935 тысяч детей в возрасте до 5 лет. Она является причиной 15% всех случаев смерти детей в возрасте до 5 лет во всем мире. (ВОЗ, 2014 г.).

Важная роль в диагностике пневмонии и их осложнений отводится комплексному применению методик лу-

чевого исследования (М. И. Перельман, 2004; А. А. Овчинников, 2005). Возросли возможности использования новых методов лучевой диагностики (цифровая рентгенография, ЯМР томография, ультразвуковое исследование (А. Л. Юдин 2000; В. В. Митьков 2001; С. А. Блащенкова 2001; И. Е. Тюрин 2003; P. Reiner, S. Ward, L. Heupeman-etal, 2001).

Каждый метод имеет характерные диагностические возможности и показания к его применению. Возможность ранней и дифференциальной диагностики осложнений пневмонии с использованием перечисленных видов исследований имеет большое значение для своевременного проведения адекватной терапии, что предупреждает прогрессирование и развитие осложнений заболевания.

Несмотря на заметное расширение методов исследований, некоторые стороны проблемы диагностики осложнений пневмонии изучены недостаточно. Своеобразие ком-

плексная лучевая диагностическая картины различных форм осложнений пневмонии не нашло достаточного отражения в литературе. Приведенная семиотика осложненной пневмонии с применением новых видов визуализации в лучевой диагностике представлена неполно. В настоящее время в ранней и дифференциальной диагностике осложнений пневмонии отсутствует опыт комплексной лучевой диагностической методов обследования, не выяснен алгоритм их применения. В единичных работах имеются лишь данные об их возможностях в диагностике осложнений пневмонии, но нет сведений о комплексном использовании с результативностью. Применение новых технологий медицинской визуализации, среди которых комплексное ультразвуковое, магнитно-резонансная томография (МРТ) и цифровые рентгенологические исследования занимают ведущее положение в диагностике пневмоний и их осложнений у детей является одной из перспективных направлений в педиатрии.

Цель исследования

Оптимизация комплексной лучевой диагностики осложнений пневмоний у детей путём использования методов сонографии, цифровой рентгенографии, а также МРТ исследований.

Материалы и методы исследования

Обследования проводились на кафедре «Медицинской радиологии» на базе клиники ТашПМИ и 3-клиники ТМА у детей с 1 до 18 лет на ультразвуковом аппарате Соноскейп 5000, цифровом рентгенологическом аппарате CR 30-X, на МРТ аппарате MAGNETOM-OPEN VIVA SIEMENS. При исследовании дети были разделены по полу и по возрастной группе в соответствии с классификацией А. А. Баранова (1998).

Таблица 1. Возрастная характеристика обследованных детей (n=100)

Возрастные периоды детей	Здоровые дети		Дети с БДЛ		Дети с абсцессом легкого		Дети с экссудативным плевритом	
	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%
Период грудного возраста (от 1 до 12 месяцев)	8	27	0		0		0	
Преддошкольный период (от 1 до 3 лет)	4	13	23	52	3	9	0	
Дошкольный (от 3 до 6–7 лет)	5	17	14	32	5	14	6	30
Младший школьный (от 6–7 до 11–12 лет)	10	33	3	7	16	44	11	55
Старший школьный период (от 12 до 17–18 лет)	3	10	4	9	12	33	3	15

В контрольной группе при исследовании были изучены лучевая анатомия органов грудной клетки при ультразвуковом исследовании и МРТ, а также их возрастные особенности у детей.

Результаты исследования

У 44 детей комплексным исследованием были установлены деструктивные поражения лёгких, у 36 детей абсцесс легкого и у 20 детей плевриты.

В зависимости от полученной эхографической картины со стороны легких были выделены следующие группы эхографических изменений:

- наличие безвоздушных (или со сниженной воздушностью) участков легочной паренхимы без деструктивных изменений;
- наличие безвоздушных участков легочной паренхимы с признаками деструктивных изменений;
- наличие патологического содержимого в плевральной полости в совокупности с изменениями легочной ткани.

Эхографическая визуализация была возможна в 100% случаев.

У 44 больных комплексным исследованием были установлены деструктивные поражения лёгких.

У детей с бактериальными деструкциями лёгких при динамическом эхографическом контроле в лёгочном инфильтрате появилось несколько анэхогенных мелких включений округлой (28 больных) и неправильной формы (16 больных) с ровными и неровными контурами, которые представляли собой формирующиеся очаги деструкции лёгочной ткани. При данном осложненном течении пневмонии безвоздушные участки увеличивались в размерах, несколько мелких очагов сливались в более крупные. Очагово-сливная форма сопровождалась нагноением. В этих случаях в безвоздушной части легкого появлялись небольшие участки несколько повышенной эхогенности, в центре которых затем возникали анэхогенные включения с нечетким контуром, которые были окружены эхопозитивным ободком. Такие участки часто были множественными и являлись также формирующимися очагами деструкции. Участок воспалительной инфильтрации

легочной ткани определялся, как фрагмент безвоздушной легочной паренхимы с неровными контурами, отделяющими этот участок от непораженных частей легкого. На фоне безвоздушного фрагмента легкого определялись линейной или «ветвистой» формы фрагменты воздуходержащих бронхов — так называемый, феномен «воздушной бронхограммы».

При доплеровском исследовании в цветовом режиме сосудистый рисунок в пораженном фрагменте легочной ткани у детей с деструктивными изменениями паренхимы прослеживался во всех случаях.

В динамике заболевания, по мере разрешения воспалительного процесса инфильтрат уменьшался в размерах, и заполняться воздухом начинали более мелкие бронхи, что эхографически проявлялось большей выраженностью феномена воздушной бронхограммы.

Нечастым эхографическим симптомом было наличие мелких, множественных, анэхогенных участков в паренхиме легочной ткани, расцениваемых как заполненные жидкостью ацинусы.

Характерным доказательством отсутствия бронхиальной проводимости в пораженной части легкого являлась отрицательная фонационная проба у этих пациентов. При сохраненной воздушной бронхограмме фонация ребенка сопровождалась выраженным мерцающим артефактом.

Мелкие очаги деструкции легочной ткани имели место в 16 случаях. Диаметр таких очагов составлял от 8 до 14 мм. Чаще эти очаги деструктивных изменений располагались в субкортикальных отделах легочной паренхимы (7 из 16 случаев). Множественными мелкие участки деструкции были более, чем у половины детей данной группы — в 7 наблюдениях. Часто очаг деструкции имел вид мультифокального (3 случая) с общим диаметром до 2 см. Сосудистый рисунок и феномен воздушной бронхограммы в указанных областях не определялись. При фонации ребенка мерцающий артефакт в зонах деструкции и инфильтрации легочной паренхимы не прослеживался. Примечательно, что ни в одном случае эти мелкие очаги деструкции не визуализировались рентгенологически, что вполне объяснимо отсутствием в них воздуха и их малыми размерами. Течение воспалительного процесса было благоприятным, очаги деструкции легочной паренхимы при деструктивных поражениях сами по себе не требовали хирургического вмешательства, процесс репарации происходил на фоне массивной инфузионной и полиантибиотикотерапии.

Формирование деструктивных изменений легочной ткани происходило постепенно: сначала определялся значительных размеров безвоздушный участок паренхимы легкого без воздушной бронхограммы с ослабленным сосудистым рисунком или аваскулярный. Впоследствии в его структуре появлялся участок понижения эхогенности легочной ткани (деструктивные изменения), который в течении нескольких дней приобретал четкие контуры, содержимое его становилось анэхогенным, т.е.,

формировался абсцесс. Крупные очаги деструкции легочной ткани всегда сопровождалась плевральными осложнениями.

Примечательно, что достоверных рентгенологических признаков даже такие крупные абсцессы не имели за счет массивной инфильтрации легочной паренхимы, плевральных наслоений и отсутствия воздуха в просвете гнойной полости. В ранние сроки заболевания при выявлении обширного участка воспалительной трансформации легочной ткани с деструктивными изменениями было невозможно определить, как будет развиваться заболевание в дальнейшем: произойдет ли развитие крупного внутрилегочного абсцесса или возникнут бронхоплевральные осложнения. В любом случае на фоне гиперэхогенного участка легочной паренхимы определялись неправильной формы гипо-анэхогенные участки деструкции паренхимы легкого. Значительно лучшее качество визуализации достигалось при использовании линейных датчиков с частотой сканирования до 7,5 МГц, использование которых возможно именно у детей раннего возраста, которые и болеют деструктивными пневмониями.

Для оценки риска развития бронхоплевральных осложнений большое значение имеет динамический эхографический контроль, а именно — доплеровская оценка бронхиальной проводимости посредством «мерцающего» артефакта. У 8 больных с деструктивными изменениями легочной ткани при доплеровском исследовании определялся выраженный мерцающий артефакт непосредственно в субкортикальном очаге деструкции или рядом с ним. Из этих 5 детей у 3 в сроки от 1 до 3 суток после фиксации того феномена развивались бронхоплевральные осложнения.

Исследование паренхиматозного легочного кровотока выполнялись в цветовом и импульсно-волновом режимах в безвоздушном очаге легочной ткани, определялся как артериальный легочный кровоток, так и венозный. В острой фазе заболевания индекс резистентности на легочных артериях составлял 1,07, на легочных венах — 0,87; пульсационный индекс на легочных артериях достигал 6,31, на легочных венах — 2,69.

В период реконвалесценции индекс резистентности на легочных сосудах значительно не менялся: на артериях составлял 1,10, на легочных венах — 0,94. Индекс пульсации на легочных сосудах достоверно снижался: на легочных артериях до 4,71, на венах до 0,73. То есть, изменения легочной органной гемодинамики свидетельствовали о повышении интраорганного давления в острой фазе заболевания за счет отека и вазоспастической реакции сосудов в ткани пораженной части легкого.

Рентгенологически были выявлены очаговые инфильтративные изменения в легких, иногда сливного характера. На рентгенограммах отмечались интенсивные очаговые тени до 1–1,5 см; усиление легочного рисунка в прилежащей ткани легкого; расширение тени корня легкого; уплотнение междолевой плевры; не постоянно, снижение подвижности диафрагмы. При по-

следующих контрольных УЗИ выявленные гипоехогенные очаги постепенно нарастали в размерах.

С помощью ультразвука мы визуально проследили эхографическую динамику БДЛ и выделили эхографические стадии формирования БДЛ лёгкого.

На первой стадии формирования БДЛ у 3 больных наблюдали округлую (1 больной) или неправильной (2 больных) формой очага, отсутствием его чётких границ и капсулы, анэхогенной структурой. Это было связано с процессом начавшегося расплавления лёгочной ткани.

Такие очаги были множественными, мелкими, размерами от 2 до 10 мм в диаметре, и на фоне консервативной терапии они исчезли. В 3-х случаях очаг деструкции был единичным, при динамическом УЗИ наблюдалось его увеличение в размерах, появление капсулы по периферии и взвеси в просвете. Вторую стадию формирования мы наблюдали у 2 больных. Он визуализировался в виде анэхогенного образования округлой формы с чёткими ровными контурами с экзогенной взвесью в просвете (гной). Капсула по периферии имела чёткие границы, гиперэхогенную структуру, толщину 1,0–1,5 мм. За задней стенкой визуализировался эффект дорсального усиления ультразвука. При динамическом эхографическом мониторинге отмечалась положительная динамика: уменьшение размеров с последующим отсутствием его визуализации. При обзорной рентгенографии очаги деструкции лёгкого (2 больных) характеризовались наличием массивного гомогенного затемнения с чёткими или нечёткими границами в поражённой доле, которое в 2 случаях было расценено как массивный очаг пневмонии. Стадия разрешения абсцесса характеризовалась полным освобождением очага от гноя и облитерацией полости с последующим рассасыванием. При динамическом ультразвуковом исследовании в полости абсцесса количество жидкости постепенно уменьшалось, увеличивался объём гиперэхогенных масс (фибрина) по внутренней поверхности капсулы; очаг терял правильную округлую форму, границы его становились нечёткими, затем полностью сливались с воздушной окружающей лёгочной тканью и абсцесс не визуализировался вообще. Плевральный выпот, сопутствовавший острым пневмониям, по нашим наблюдениям в небольших количествах локализовался в синусах, большие его скопления могли поджимать нижние отделы легких, но локально он не выступал в сторону легкого и не имел неровного края на границе с легким.

Наряду с ультразвуковыми исследованиями, по показаниям проводилась МРТ. МРТ проводилась в двух стан-

дартных плоскостях (в сагитальной и аксиальной плоскостях) с использованием импульсных последовательностей (ИП) «спинэхо» (SE), «градиентное эхо» (GE), «вариабельное эхо» (VE) с получением серии изображений в T 1 ВИ и T 2 ВИ режимах. МРТ позволяла дифференцировать ткани по времени релаксации в T 1 и T 2 режимах. В среднем, три среза получали в коронарной и аксиальной ориентации со средней задержкой дыхания за 4–5 сек. с использованием свободного дыхания T2, shorttau инверсии, и T 1-жировым прекоонтрастной насыщенности, при этом толщина среза в среднем составила 6 мм. На аксиальных T 1 ВИ определялись гомогенные сегментарные консолидации с воздушной бронхограммой, на T 2 ВИ очаги имели гипоинтенсивный сигнал (зона инфильтрации) в сравнении со скелетной мышечной тканью и зоной повышенной интенсивности в центре, определялась четкая дифференциация сосудистых и тканевых структур, жидкости, а также изменения в лимфоидной ткани. Все патологические изменения выявленные при рентгенографии, были выявлены и на МРТ. На МРТ были лучше видны изменения в плевре и перикардальной зоне. Маленькие ретрокардиальные пневмонические инфильтраты были выявлены только на МРТ. Также МРТ представляло особый интерес у детей с синдромом Ниймелена, где у детей наблюдается повышенная чувствительность к радиоактивному излучению, по причине которой им противопоказаны рентгенологические исследования, а также детям с иммунодефицитными состояниями. На МРТ определялось увеличение плотности ткани сопровождающееся с кровенаполнением, что привело к повышению уровня жидкости определяемой МРТ. Экссудативные плевриты хорошо были видны на МРТ. DWI — diffusion — weighted imaging позволял от дифференцировать экссудат от трансудата. Высокоинтенсивный сигнал на T 1 изображениях позволял выявить хилоторакс.

Выводы

Установлено, что «золотым стандартом» диагностики пневмонии и их осложнений является рентгенологический метод (КТ исследование). При осложнениях пневмоний, таких как абсцесс и плевриты высоко чувствительными являются УЗИ и МРТ методы. МРТ и УЗД являются неинвазивными и неионизирующими методами, поэтому предпочтительно применять у детей.

Исследование фармакокинетики и компартиментализации аскорбата лития

Пронин Артем Викторович, аспирант;
Громова Ольга Алексеевна, доктор медицинских наук, профессор
Ивановская государственная медицинская академия

Торшин Иван Юрьевич, кандидат физико-математических наук, доцент
Московский физико-технический институт

Волков Андрей Юрьевич, старший преподаватель
Российский государственный аграрный университет — Московская сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева

Гоголева Ирина Викторовна, кандидат медицинских наук, доцент;
Жидоморов Николай Юрьевич, кандидат медицинских наук, доцент
Ивановская государственная медицинская академия

*Для аскорбата лития в дозе 1000 мг/кг получены фармакокинетические кривые для цельной крови и гомогенатов тканей 10 различных биосубстратов (головной мозг, лобная доля головного мозга, сердце, аорта, лёгкие, печень, почки, селезёнка, надпочечники, бедренная кость). В рамках бескамерного анализа динамики концентраций в цельной крови получены следующие значения фармакокинетических параметров аскорбата лития: $C_{max}=50.59$ мкг/л, $t_{max}=1.50$ ч, $C_{last}=33.7$ мкг/л, $AUC_t=1750$ мкг/л*ч, $MRT_t=22.9$ ч, $L_z=0.005$ л/ч, $T_{1/2}=141$ ч, $CL=0.029$ л/ч, $V_d=5.9$ л. Концентрации лития в цельной крови и в лобной доле головного мозга оставались стабильными в течение, по крайней мере, 40–45 часов после прохождения пика концентрации. Многокамерный фармакокинетический анализ показал, что стабилизация уровней лития в крови и в головном мозге поддерживается за счёт специального «депо» лития, состоящего, вероятно, из надпочечников, аорты, бедренной кости и головного мозга.*

Ключевые слова: аскорбат лития, бескамерная модель, многокамерное моделирование, фармакокинетика, биосубстраты

Ион лития характеризуется нормотимическим действием. Наиболее известной фармакологической формой лития является карбонат лития, использующийся в психиатрии для терапии биполярных расстройств [1], маниакального синдрома, игромании [2] и др. Однако, препараты на основе карбоната лития имеют существенные недостатки.

Во-первых, для результативного и безопасного применения этих препаратов требуется регулярно измерять концентрацию лития в крови, что влечет за собой дополнительные инвазивные процедуры [3]. Во-вторых, для карбоната лития характерен узкий терапевтический коридор концентраций лития в плазме — 0.6–1.2 ммоль/л. Концентрации Li^+ в 1.5–2.5 ммоль/л ассоциированы со слабой токсичностью, 2.5–3.5 ммоль/л — с тяжелым отравлением, а превышение порога в 3.5 ммоль/л может быть опасным для жизни [4]. В-третьих, для достижения искомого терапевтического эффекта в психиатрии необходимо использование значительных дозировок карбоната лития (1–3 г./сут., в остром периоде — до 9 г/сут), что, ввиду высокой токсичности карбоната лития, снижает привлекательность этой соли лития для назначения врачами [5].

Поэтому, для повышения безопасности литиевой терапии исследуются эффекты других солей лития. В частности аскорбат лития характеризуется низкой токсичностью (5-й класс, $LD_{50}=6334$ мг/кг, токсичность в 8.4 раза меньше, чем у карбоната лития) [6]. В то же время психоневрологическая эффективность аскорбата лития достигается при более низких дозировках (в 10–20 раз

меньше суточной дозы карбоната лития) [7]. Установлены анксиолитический, антидепрессивный [8], нейропротекторный [9] и мнестический эффекты аскорбата лития [10].

Таким образом, полученные нами результаты позволяют утверждать, что препарат, созданный на основе аскорбата лития, будет достигать искомого терапевтического эффекта на существенно более низких дозировках, чем карбонат лития. Для более полной характеристики аскорбата лития как фармацевтической формы необходимо проведение фармакокинетических исследований, результаты которых позволят выявить особенности усвоения аскорбата лития организмом человека.

В настоящей работе представлены результаты комплексного экспериментального исследования фармакокинетики аскорбата лития в дозе 1000 мкг/кг. Выбор данной дозировки обусловлен тем, что эффекты органических форм лития достоверны уже при дозах в 30–100 мкг/кг (при приеме в течение 1–3 месяцев) [11]. Для исследования фармакокинетики и распределения лития в тканях было решено использовать однократное введение 10-кратной дозы от 100 мкг/кг, т.е. 1000 мкг/кг. Т.к. LD_{50} аскорбата лития составляет 6334 мг/кг [6], то доза в 1000 мкг/кг элементного лития достаточно далека от остро-токсичной.

Материалы и методы

В качестве модельного объекта были использованы самцы белых крыс линии Вистар массой 200–250 г ($n=54$,

9 групп по 6 животных в каждой). Все процедуры и опыты на крысах проводились в соответствии с международными правилами обращения с животными; исследование проводилось в соответствии с решением этического комитета ИвГМА от 24 марта 2016 г. Животные содержались в комнатах с одинаковыми условиями, в клетках по 6 крыс в каждой, при температуре 19–21°C. Животных ежедневно кормили комбикормом из расчета 40–50 г на особь.

Приготовление растворов. Зондирование проводилось раствором аскорбата лития, 1 мл которого содержал 250 мкг элементного лития. Для получения дозы 1000 мкг/кг животному массой 250 гр необходимо получить 250 мкг элементного лития, т.е. 1 мл раствора. Необходимый объём раствора рассчитывался исходя из массы животного. Для приготовления раствора использовался порошок дигидрата аскорбата лития. Молекулярная масса безводного аскорбата лития — 178 г/моль, дигидрата аскорбата лития — 214 г/моль. В дигидрате аскорбата лития литий и аскорбат-анион представлены в молярном соотношении 1:1, а в массовом соотношении 1:71.33. Таким образом, 250 мкг элементного лития содержится в $250 \cdot 71.33 = 17.84$ мг дигидрата аскорбата лития.

Проведение эксперимента. Проводилось зондирование раствором аскорбата лития в дозе 1000 мкг/кг (в расчете на элементный литий), затем проводился отбор групп в 9 временных точках — 0 мин, 45 мин, 1 ч, 1.5 ч, 3 ч, 6 ч, 12 ч, 24 ч, 48 ч. Методом масс-спектрометрии определялись уровни лития в 11 различных биосубстратах — цельная кровь, головной мозг, лобная доля головного мозга, сердце, аорта, лёгкие, печень, почки, селезёнка, надпочечники, бедренная кость.

Определение уровней лития. При определении уровней лития были получены гомогенаты тканей исследованных биосубстратов. Образцы гомогенатов отбирались в пластиковые пробирки и разбавлялись в 5 раз бидистиллированной и деионизированной водой. При проведении масс-спектрометрии, в качестве внутреннего стандарта в растворы вводили индий в концентрации 25 мкг/л. Калибровочные растворы были приготовлены из стандартных растворов фирмы VTRC с известным содержанием в диапазоне от 5–1000 мкг/л (10–7%). Полученные растворы анализировались на масс-спектрометре с ионизацией в индуктивно-связанной плазме «Plasma Quad PQ2 Turbo» (VG Elemental, Англия). Рабочая мощность СВЧ генератора была 1,3 кВт. Расход плазмообразующего газа (аргон) 14 л/мин, расход транспортирующего газа 0,89 мл/мин. Проводилось от 3 до 10 экспозиций каждого образца, время интегрирования сигнала составило 60 сек. Данный метод признан наиболее точным и производительным и позволяет с высокой точностью проводить количественный анализ содержания 68 элементов периодической системы Д.И. Менделеева (в т.ч. лития) в различных биосубстратах.

Фармакокинетический анализ. В ходе настоящего анализа были использованы методы многокамер-

ного и бескамерного фармакокинетического анализа. Многокамерный анализ проводился посредством пакета SimBiology в составе программного комплекса MATLAB-2016 [12], а бескамерный анализ — с использованием электронных таблиц Excel, дополненных модулями программного пакета PKSolver [13].

Результаты

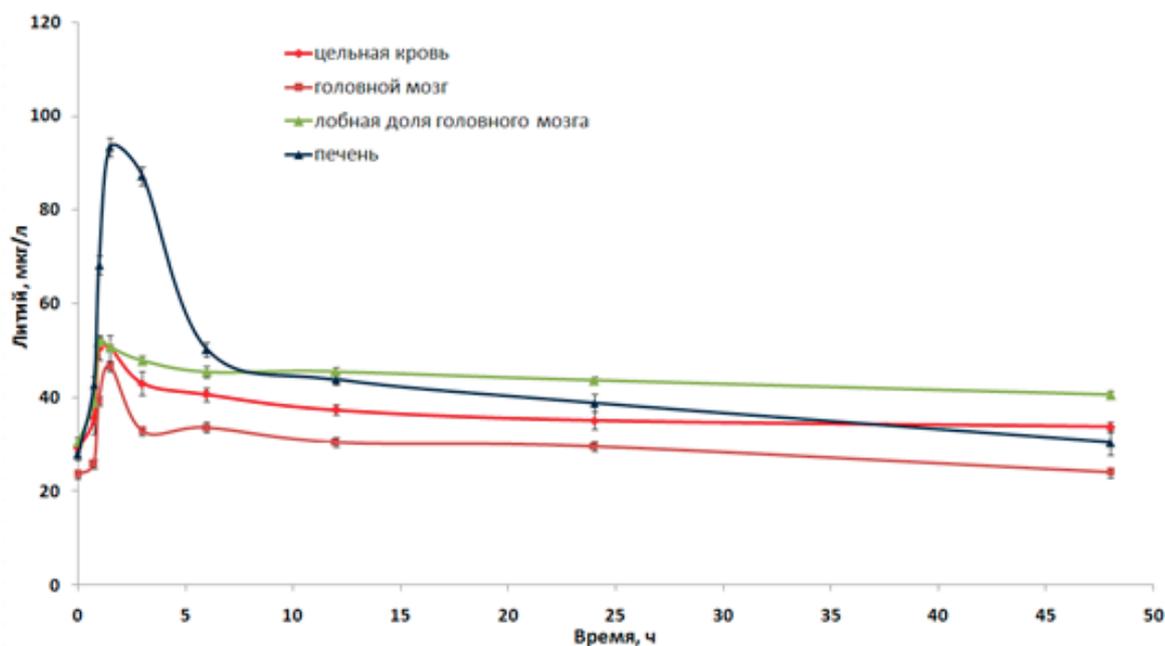
В результате проведения фармакокинетического эксперимента были получены фармакокинетические кривые (ФК-кривые, т.е. зависимости концентраций от времени) для гомогенатов тканей различных органов (Рис. 1).

ФК-кривые, полученные для различных биосубстратов, существенно отличаются по характеру и степени изменения концентраций лития во времени. Оценка «расстояния» между данными кривыми как среднеквадратичного отклонения кривых друг от друга позволило произвести кластеризацию ФК-кривых с использованием метода анализа метрических сгущений [14]. В результате кластеризации было установлено, что все ФК-кривые, за исключением ФК-кривых для печени, сердца и бедренной кости образуют единственный кластер (Рис. 2).

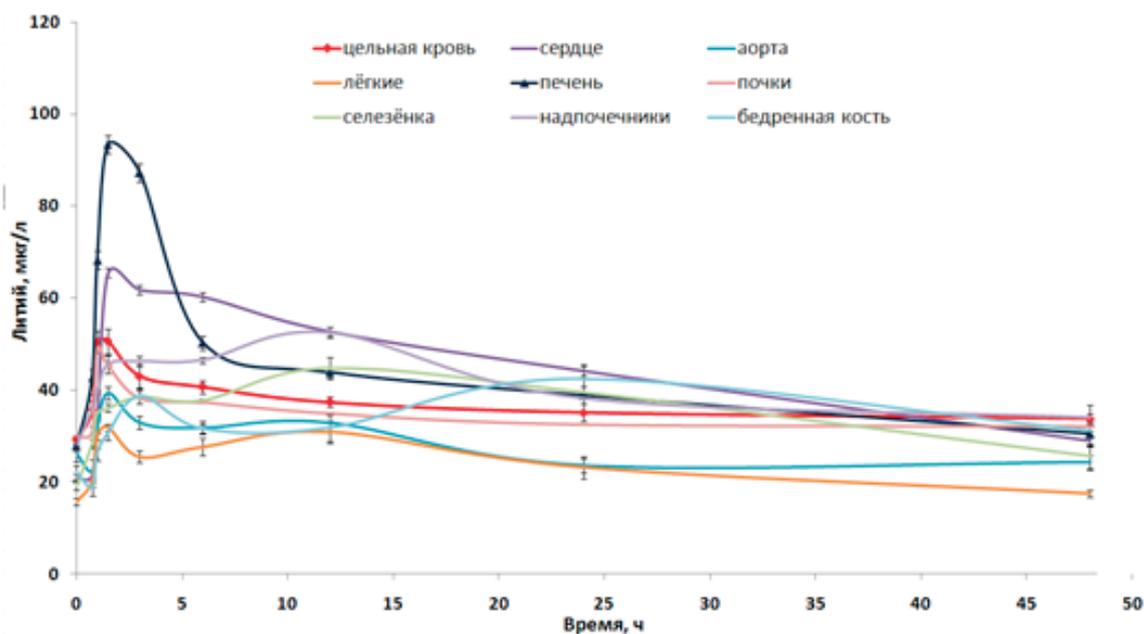
Визуальный анализ ФК-кривых показывает, что в течение 1–2 часов после зондирования аскорбатом лития происходит интенсивное накопление лития во всех исследованных тканях. Максимальные пиковые концентрации лития (C_{\max}) отмечены именно в гомогенатах тканей печени и сердца, а минимальные — в гомогенатах лёгких и аорты.

Важно отметить, что концентрации лития в цельной крови и в лобной доли головного мозга оставались весьма стабильными в течение, по крайней мере, 40...45 часов после прохождения пика концентрации. Данное наблюдение может указывать, во-первых, на *преимущественное накопление лития в цельной крови и в лобных долях* при использовании аскорбата лития и, во-вторых, на поддержание концентраций лития в этих органах за счёт некоторого «депо» лития.

ФК-кривые аскорбата лития для 6 из 11 исследованных биосубстратов имели только один пик (t_{\max} в районе 1–1.5 часов) с последующим медленным снижением концентрации лития (печень, головной мозг, лобная доля, цельная кровь, сердце, почки) происходящим, вероятно, вследствие выведения лития. Для 5 из 11 биосубстратов (надпочечники, селезенка, аорта, бедренная кость, лёгкие) ФК-кривые характеризовались присутствием второго, пологого пика концентраций лития, наблюдаемого через 10–20 часов после начала эксперимента (в случае бедренной кости — через 20–30 часов, Рис.). Можно предположить, что именно эти органы (надпочечники, селезенка, аорта, бедренная кость) и, также, головной мозг и образуют своего рода «депо» лития, которое способствует поддержанию стабильных концентраций лития в цельной крови и в головном мозге. Существование такого «депо» лития подтверждается ре-

(А)

(Б)

Рис. 1. Фармакокинетические кривые содержания лития в гомогенатах тканей после приема аскорбата лития в дозе 1000 мкг/кг (в расчете на элементный литий). (А) гомогенаты тканей головного мозга, цельной крови и печени, (Б) другие органы

результатами проведенного нами многокамерного фармакокинетического анализа.

Результаты многокамерного фармакокинетического анализа аскорбата лития

Для многокамерного ФК-анализа была использована ФК-кривая для содержания лития в цельной крови (Рис. 3), т.к. анализ содержания препаратов в крови —

основа фармакокинетического анализа. Данная кривая характеризуется выраженным пиком концентраций лития через 1–1.5 часа после зондирования и довольно пологим участком, указывающим на медленное выведение лития из крови.

Для получения наиболее адекватной многокамерной модели были исследованы одно-, двух-, трех- и четырех-камерные модели в различных конфигурациях. В результате моделирования было установлено, что самой

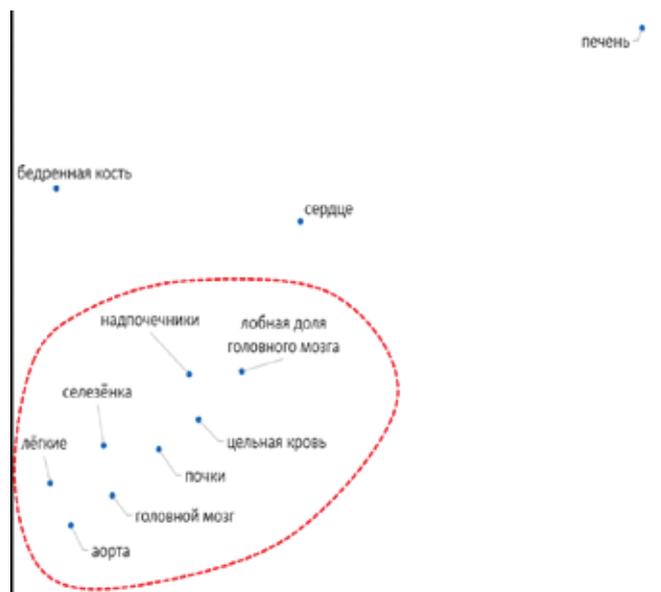
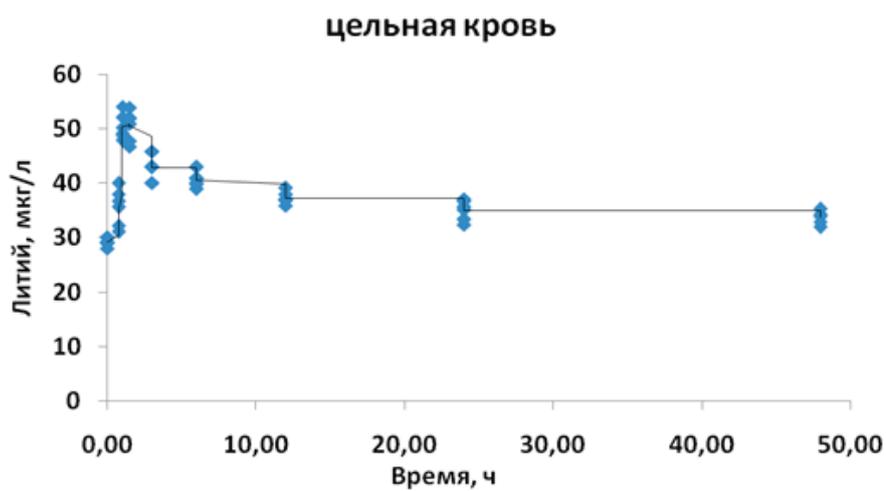
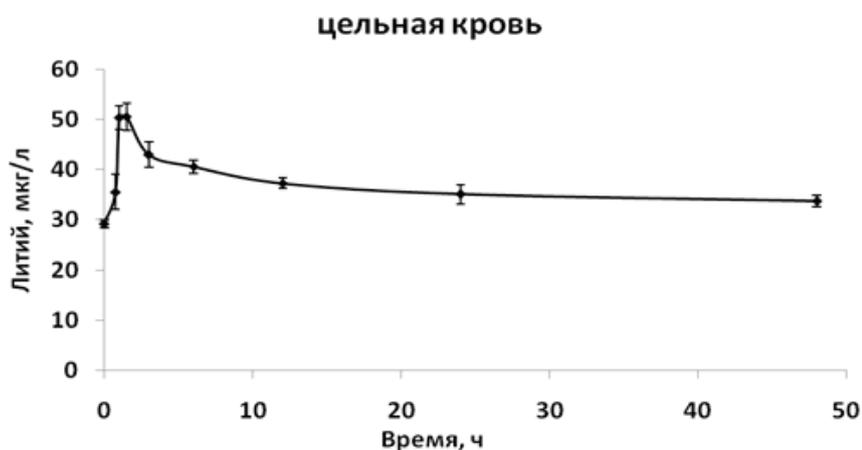

Рис. 2. Результаты кластеризации ФК-кривых для различных биосубстратов

(А)

(Б)

Рис. 3. Фармакокинетика уровней лития в цельной крови. (А) Исходные данные. (Б) Усреднённая ФК-кривая

простой моделью, наиболее точно описывающей исследуемую ФК-кривую (Рис. 3) является трехкамерная модель, включающая ЖКТ (1-й компартмент), центральную кровь (центральный, 2-й компартмент) и депо лития (3-й компартмент), причём элиминация лития осуществляется из центрального компартмента, а не из депо (Рис. 4).

Качество исследованных многокамерных моделей характеризовалось значениями стандартного отклонения концентраций между теоретической и экспериментально полученной ФК-кривыми, а также коэффициентом корреляции между теоретическими и экспериментальными значениями концентраций лития в цельной крови (Рис. 5). Для полученной трёхкамерной модели, представленной на Рис. 4, значение среднеквадратичного отклонения концентраций составило $a=3.4$ мкг/л (при коэффициенте корреляции, равном 0.92), что указывает на приемлемое качество полученной модели.

Полученная модель является оптимальной по качеству и сложности. Более простые многокамерные ФК-модели характеризовались гораздо более низким качеством. Более сложные модели не приводили к существенному повышению качества модели.

Например, удаление компартмента «депо» из модели на Рис. 4 приводило к существенному повышению среднеквадратичного отклонения концентраций ($a=10$ мкг/л), также как и удаление компартмента «ЖКТ» ($a=15$

мкг/л). Моделирование процесса элиминации только из депо также резко снижало качество модели ($a=5.6$ мкг/л), в то время как моделирование элиминации и из депо, и из центрального компартмента не улучшало качество модели ($a=3.5$ мкг/л). Включение в модель процесса обмена между депо и ЖКТ также снижало качество модели ($a=4.5$ мкг/л).

Таким образом, трёхкамерная модель фармакокинетики аскорбата лития, в которой раствор соли переходит из ЖКТ в центральный компартмент (цельную кровь), затем — в депо, а элиминация происходит только из центрального компартмента (Рис. 4) является наиболее адекватной из исследованных многокамерных моделей. ФК моделирование позволило получить количественные оценки соответствующих констант скорости и объёмов компартментов (Таблица 1).

Таким образом, моделирование показало, что объём депо составляет примерно половину от объёма центрального компартмента (т.е. цельной крови, см. Таблица 1). Аскорбат лития достаточно быстро переносится из ЖКТ в кровь ($k_{12}=0.67$ 1/ч) и весьма медленно удаляется из цельной крови (что соответствует малому значению константы $k_{e_Central}=0.0068$ 1/ч). Скорость обмена лития между кровью и депо сравнима со скоростью переноса из ЖКТ в кровь, причём перенос лития из цельной крови в депо ($K_{cd}=0.41$ 1/ч) осуществляется несколько бы-

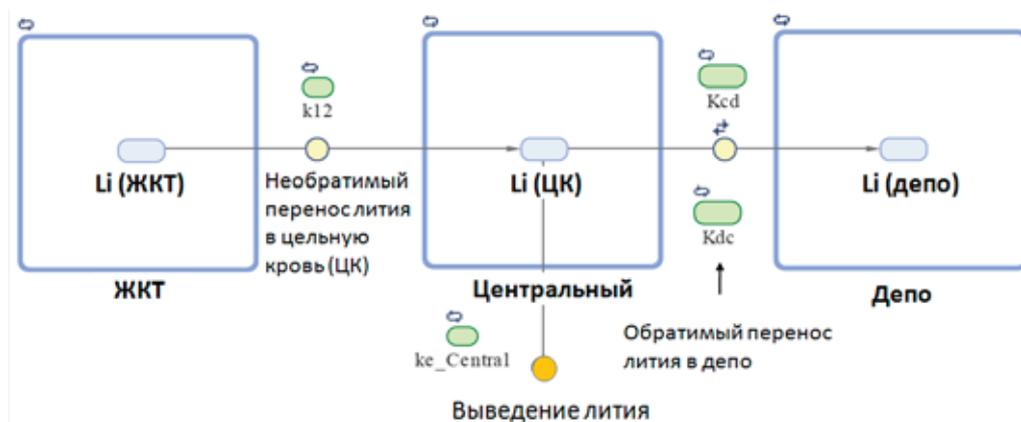
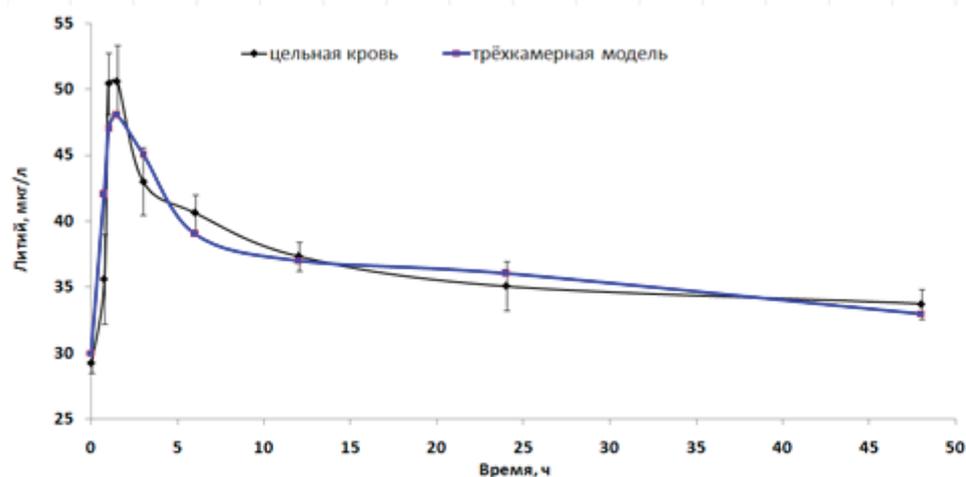

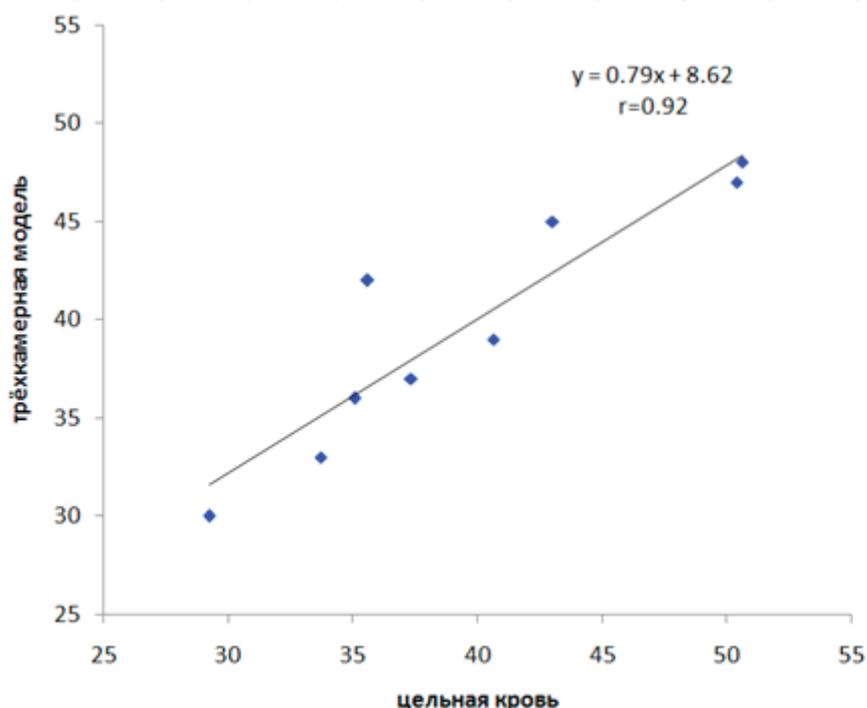
Рис. 4. Трёхкамерная модель фармакокинетики аскорбата лития, полученная в результате многокамерного фармакокинетического моделирования в среде MATLAB. Приведены условные обозначения соответствующих констант (k_{12} , K_{cd} , K_{dc} , $k_{e_central}$), использующиеся в тексте статьи

Таблица 1. Параметры полученной трёхкамерной модели фармакокинетики аскорбата лития. Среднеквадратичное отклонение концентраций — 3.4 мкг/л, коэффициент корреляции — 0.92

Параметр	Ед.	Значение	Расшифровка
V (GI)	у.е.	1.00	Объём компартмента «ЖКТ»
V (C)	у.е.	4.40	Объём центрального компартмента
V (D)	у.е.	1.81	Объём компартмента «депо»
k_{12}	1/ч	0.67	Константа переноса из ЖКТ в центральную кровь
$k_{e_Central}$	1/ч	0.0068	Константа элиминации из центральной крови
K_{cd}	1/ч	0.41	Константа переноса из центральной крови в депо
K_{dc}	1/ч	0.27	Константа переноса из депо в центральную кровь

(А)

(Б)

Рис. 5. Показатели качества трёхкамерной ФК-модели. (А) Экспериментально полученные точки ФК-кривой («цельная кровь») и теоретическая ФК-кривая («трёхкамерная модель»). Среднеквадратичное отклонение концентраций составило $a=3.4$ мг/л. (Б) Корреляция между теоретическими и экспериментальными значениями концентраций лития. Коэффициент корреляции $r=0.92$

стрее, чем обратный процесс переноса лития из депо в цельную кровь ($K_{dc}=0.27$ 1/ч).

К сожалению, имеющиеся ФК-данные не позволяют сделать количественно достоверных выводов о том, какие же именно органы составляют «депо» лития. Однако, сравнение динамики концентраций лития в депо, полученном в результате моделирования, с динамикой концентрации лития в «депо», состоящем из головного мозга, аорты, надпочечников и бедренной кости указывает на определенную схожесть изменения концентраций

(Рис. 6). Очевидно, что депо, состоящее из этих органов, по крайней мере, позволяет стабилизировать концентрации лития после первых 10...15 часов эксперимента.

Бескамерный фармакокинетический анализ аскорбата лития

Бескамерный анализ позволяет охарактеризовать такие повсеместно используемые ФК параметры препарата как площадь под кривой, клиренс, период полувыве-

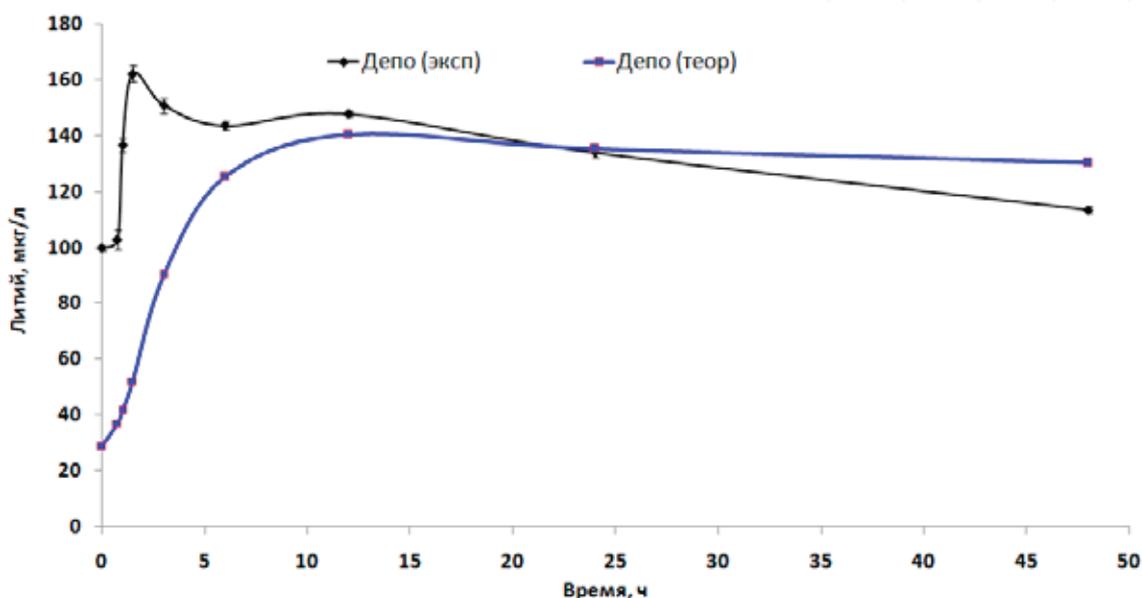

Рис. 6. Динамика концентраций в «депо» лития, полученном в результате многокамерного ФК-моделирования. Экспериментальные данные для «депо» были получены суммированием содержания лития в головном мозге, аорте, надпочечниках и бедренной кости

дения, время и максимальное значение достигаемой концентрации t_{max} , C_{max} , объем распределения и др. (Таблица 2). Параметры бескамерной модели были рассчитаны для всех исследованных биосубстратов на основании соответствующих ФК-кривых (Таблица 3).

Полученные в рамках бескамерного анализа значения ФК параметров аскорбата лития подтверждают сделанные выше выводы. Во-первых, время достижения максимума (t_{max}) составило 1–1.5 ч для большинства биосубстратов (за исключением селезенки, надпочечников и бедренной кости, в которых $t_{max} = 12...24$ ч).

Во-вторых, наиболее стабильно литий накапливается именно в лобной доле ($C_{last} = 40.5$ мкг/л — самое высокое значение концентрации через 48 ч среди исследованных биосубстратов). Этот вывод подтверждает и значение площади под кривой: значение AUC_t для лобной доли составило 2094 мкг/л*ч, в то время как, например, для печени (в который были отмечены наиболее высокие пиковые концентрации лития) — 2031 мкг/л*ч. Литий эффективно накапливался также в сердце ($AUC_t = 2123$ мкг/л*ч) и в надпочечниках ($AUC_t = 1969$ мкг/л*ч).

Таблица 2. Изученные фармакокинетические параметры бескамерной модели аскорбата лития

Параметр	Ед.	Комментарий
C_{ma}^X	мкг/л	Максимальная концентрация лития в биосубстрате
t_{max}	ч	Время достижения максимальной концентрации
C_{last}	мкг/л	Последняя измеренная концентрация лития
AUC_t	мкг/л*ч	Площадь под кривой (характеризует биодоступность)
MRT_t	ч	Среднее время удержания — среднее общее время ионы лития препарата проводят в биосубстрате после приема аскорбата в заданной дозе
Lz	1/ч	Наклон участка финального выведения (последние 3..4 точки ФК-кривой)
$T_{1/2}$	ч	Период полувыведения — время, за которое из биосубстрата выводится половина ионов лития
CL	л/ч	Клиренс — объем биосубстрата, из которого все ионы лития удаляются за единицу времени
VD	л	Объем распределения — отношение общего содержания вещества в организме к его концентрации в исследуемом биосубстрате, т.е. некий условный объем, в котором должно было бы распределиться данное вещество, если бы его концентрация везде была такой же, как в биосубстрате

В-третьих, низкое значение наклона участка финального выведения (L_z) и высокое значение периода полувыведения ($T_{1/2}$) были характерны для всех биосубстратов, особенно для цельной крови ($L_z=0.005$ л/ч, $T_{1/2}=141$ ч), головного мозга, в т.ч. лобной доли ($L_z=0.007$ л/ч, $T_{1/2}=210$ ч), почек ($L_z=0.004$ л/ч, $T_{1/2}=179$ ч) и бедренной кости ($L_z=0.002$ л/ч, $T_{1/2}=451$ ч). Накопление лития в лобной

доле и в кости подтверждается наиболее низкими значениями клиренса именно для этих биосубстратов (лобная доля — $CL=0.017$ л/ч; бедренная кость — $CL=0.011$ л/ч). Таким образом, аскорбат лития способствует поддержанию стабильных концентраций иона лития в цельной крови и в головном мозге, что важно для осуществления профилактического и терапевтического потенциала лития.

Таблица 3. Значения фармакокинетические параметры бескамерной модели аскорбата лития при введении в дозе 1000 мкг/л

Биосубстрат	C_{max} , мкг/л	t_{max} , ч	Cl_{ast} , мкг/л	AUC_t , мкг/л*ч	MRT_t , ч	L_z , л/ч	$T_{1/2}$, ч	CL , л/ч	V_d , л
цельная кровь	50.59	1.50	33.71	1750	22.9	0.005	140.65	0.029	5.91
головной мозг	46.51	1.50	23.99	1406	22.2	0.007	96.71	0.053	7.34
лобная доля	51.94	1.00	40.51	2094	23.3	0.003	209.71	0.017	5.27
сердце	65.40	1.50	28.98	2123	20.6	0.017	40.87	0.065	3.85
аорта	39.20	1.50	24.22	1300	22.2	0.008	89.62	0.056	7.30
лёгкие	31.82	1.50	17.47	1144	21.3	0.010	66.59	0.089	8.51
печень	93.39	1.50	30.41	2031	20.3	0.018	38.91	0.067	3.75
почки	48.85	1.00	32.02	1625	23.1	0.004	179.31	0.025	6.53
селезёнка	44.73	12.00	25.56	1749	21.7	0.009	73.65	0.056	5.95
надпочечники	52.47	12.00	33.95	1969	22.0	0.008	84.48	0.041	4.99
бедренная кость	42.43	24.00	31.10	1710	23.9	0.002	451.44	0.011	7.41

Заключение

Проведено комплексное экспериментальное исследование фармакокинетики аскорбата лития (в дозе 1000 мкг/кг). Получены фармакокинетические кривые для цельной крови и гомогенатов тканей 10 различных биосубстратов (головной мозг, лобная доля головного мозга, сердце, аорта, лёгкие, печень, почки, селезёнка, надпочечники, бедренная кость). Многокамерный фармакокинетический анализ показал, что стабилизация уровней лития в крови и в головном мозге поддерживается за счёт специального «депо» лития, состоящего,

вероятно, из надпочечников, селезёнка, аорты, лёгких и бедренной кости. Концентрации лития в цельной крови и в лобной доли головного мозга оставались весьма стабильными в течение, по крайней мере, 40...45 часов после прохождения пика концентрации. Полученные в рамках бескамерного анализа значения ФК параметров аскорбата лития подтверждают сделанные выше выводы и показывают, что аскорбат лития способствует поддержанию стабильных концентраций иона лития в крови и в головном мозге, что важно для осуществления профилактического и терапевтического потенциала лития.

Литература:

1. Chang, C.M., Wu C.S., Huang Y.W., Chau Y.L., Tsai H.J. Utilization of Psychopharmacological Treatment Among Patients With Newly Diagnosed Bipolar Disorder From 2001 to 2010. *J Clin Psychopharmacol.* 2016; 36 (1):32–44.
2. Pallanti, S., Quercioli L., Sood E., Hollander E. Lithium and valproate treatment of pathological gambling: a randomized single-blind study. *J Clin Psychiatry.* 2002; 63 (7):559–564.
3. Baumgartner, A., Pinna G., Hiedra L., Gaio U., Hessenius C., Campos-Barros A., Eravci M., Prengel H., Thoma R., Meinhold H. Effects of lithium and carbamazepine on thyroid hormone metabolism in rat brain. *Neuropsychopharmacol* 1997; 16 (1):25–41.
4. El-Balkhi, S., Megarbane B., Poupon J., Baud F.J., Galliot-Guilley M. Lithium poisoning: is determination of the red blood cell lithium concentration useful? *Clin Toxicol (Phila).* 2009; 47 (1):8–13.
5. Kandil, E., Dackiw A.P., Alabbas H., Abdullah O., Tufaro A.P., Tufano R.P. A profile of patients with hyperparathyroidism undergoing lithium therapy for affective psychiatric disorders. *Head Neck.* 2011; 33 (7):925–7.
6. Остренко К. С.; Сардарян И. С. Определение острой токсичности аскорбата лития при пероральном введении у крыс линии Вистар. Международная заочная научно-практическая конференция «Вопросы образования и науки», Россия, Тамбов, 31 декабря 2015 г. ISSN 2411–7609.

7. К. С. Остренко, В. В. Расташанский. Влияние различных доз композиции аскорбата лития, пиридоксина гидрохлорида и тиамин мононитрата на нервно-психическое возбуждение и адаптивную активность у крыс. Scienceandworld. 2016. № 1 (29). Vol. II. p. 104–105, ISSN 2308–4804.
8. Остренко, К. С., Колоскова Е. М. Антидепрессивный эффект аскорбата лития в экспериментальной модели стресса у крыс. Вестник науки и образования, 1 (13), 2016, ISSN 2312–8089.
9. Демидов, В. И., Остренко К. В., Жидоморов Н. Ю., Громова О. А., Торшин И. Ю., Кривоногов В. А., Карпунина Ю. В. Эффективность аскорбата лития для профилактики и лечения хронической алкогольной интоксикации и алкогольной демиелинизации. Ж. Неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. Подано в печать, 2016.
10. «Способ улучшения памяти аскорбатом лития» заявка 2016114064 на патент РФ.
11. Гоголева, И. В. Влияние органических солей лития, магния, селена на элементный гомеостаз головного мозга на фоне экспериментальной хронической двусторонней окклюзии общих сонных артерий. Дисс. к.м. н. по ВАК 14.00.25, 2009, ИвГМА, 119 с.
12. Ferreira, A. J. M. (2009). MATLAB Codes for Finite Element Analysis. Springer. ISBN 978–1–4020–9199–5. <http://www.mathworks.com/products/simbiology/>
13. Zhang, Y., Huo M., Zhou J., Xie S. PKSolver: An add-in program for pharmacokinetic and pharmacodynamic data analysis in Microsoft Excel. Comput Methods Programs Biomed. 2010 Sep; 99 (3):306–14.
14. I. Y. Torshin, K. V. Rudakov. On Metric Spaces Arising During Formalization of Problems of Recognition and Classification. Part 2: Density Properties. Pattern Recognition and Image Analysis, 2016, Vol. 26, № 3, pp. 483–496, ISSN 1054–6618.

Стандартные операционные процедуры в трансфузиологии: что, зачем, как?

Саблин Иван Дмитриевич, зав. отделением;

Клыгина Светлана Александровна, врач

«Перинатальный центр» Министерства здравоохранения Хабаровского края

Ключевые слова: СОП, стандартная операционная процедура, трансфузиология, переливание крови, транспортировка

Стандартная операционная процедура (СОП) — документ, который содержит в себе полное описание отдельно взятой манипуляции, с указанием лиц, ответственных за ее выполнение, детальных шагов выполнения, а также любых проблем, которые могут возникнуть в процессе выполнения. Современная промышленность полностью строится на выполнении СОПов по конвейерной системе. Учитывая высокие показатели качества при работе на конвейере, продемонстрированные еще Г. Фордом, СОПы постепенно заполняют все сферы деятельности человека.

Поэтому неудивительно, что одной из первых областей, где начато внедрение СОПов, оказалась трансфузиология, где промышленный характер производства компонентов крови является первичной частью собственно работы с кровью. Законодательно необходимость внедрения СОП указана в национальном стандарте РФ «Кровь донорская и ее компоненты» [1]. Регламент составления СОПов, указанный там, имеет свои плюсы и минусы.

Несомненный плюс — возможность учреждения самостоятельно составлять и принимать СОП, исходя из конкретных условий работы. Минус — необходимость в принципе заниматься составлением, ведь зачастую у трансфузиолога нет ни времени, ни желания. При этом

образцы отсутствуют. В связи с необходимостью составления СОП и написана настоящая статья. Предлагаем разобраться, какие части должны быть в СОПах, представив на разбор одну из процедур, принятых в КГБУЗ «Перинатальный центр» г. Хабаровска.

Предлагаемый СОП содержит следующие разделы: область применения (объясняет, зачем нужен), нормативные ссылки (официальные документы, регламентирующие работу данного СОП), организация системы менеджмента качества (об этом ниже), организация, ответственность и полномочия (лица, отвечающие за конкретные указанные части технологии), документация (какие журналы\бланки нужно заполнить в процессе выполнения), ресурсы (что нужно для реализации СОП), управление процессом (как конкретно выполняется СОП), действия при нарушении условий выполнения процесса.

Стандартная операционная процедура № 1

«Транспортировка донорских компонентов крови»

Область применения

Стандартная операционная процедура входит в комплект нормативной документации отделения гравитаци-

онной хирургии крови и трансфузиологии и регламентирует условия хранения, транспортировки и выдачи компонентов крови.

Нормативные ссылки

1. Инструкция по заполнению и ведению первичной медицинской документации для учреждений службы крови (приказ МЗ СССР 07.08.85 № 1055, в ред приказа МЗ РФ от 08.10.2002 № 299) [2].

2. Технический регламент о требованиях безопасности крови, ее продуктов, кровезамещающих растворов и технических средств, используемых в трансфузионо-инфузионной терапии от 26.01.10 № 29 [3].

3. Национальный стандарт Российской Федерации. Контейнеры с консервированной кровью и ее компонентами. Маркировка ГОСТ Р 52938—2008 [4].

4. Санитарно-эпидемиологические правила «Условия транспортирования и хранения медицинских иммунобиологических препаратов СП 3.3.2.1248—03» [5].

Организация системы менеджмента качества (СМК)

СМК осуществляется путем непрерывного мониторинга условий безопасности транспортировки крови, соблюдения правил «холодовой цепи», а также путем реализации положений о действиях при возникновении чрезвычайных ситуаций в ходе выполнения СОП.

Организация, ответственность и полномочия

Трансфузионная комиссия — отвечает за регулярное рассмотрение случаев нарушения выполнения СОП, а также создание условий для предотвращения подобных ситуаций.

Ответственный за трансфузионную терапию в перинатальном центре — организует доступ лечащих врачей к медицинской документации для заявки компонентов крови, контролирует правильность заполнения заявок, а также своевременность их выполнения, регулярно проводит внутренний аудит по обеспечению условий транспортировки компонентов крови.

Врач-трансфузиолог Банка крови, дежурный врач-трансфузиолог — отвечает за своевременность передачи заявки на компоненты крови на станцию переливания крови, передачу заявки медицинскому диспетчеру на доставку препаратов крови, оформление формы 421\у, запись в «Книгу учета поступления и выдачи компонентов крови», «Журнал учета заявок на кровь и ее компоненты», «Журнал учета стандартных эритроцитов, сывороток», «Журнал списания забракованных компонентов крови», «Журнал выдачи СЗП, ПНК», бланк выдачи СЗП, «Журнал общего количества СЗП и ПНК в Банке крови», создание фотокопий этикеток гемаконов, хранение и выдачу полученных компонентов в профильные отделения.

Медицинская сестра отделения гравитационной хирургии крови и трансфузиологии — отвечает за правильное заполнение хладагентами и гемаконами контейнеров для транспортировки, собственно транспортирование, ведение «Журнала температурного режима контейнера для транспортировки компонентов крови», «Журнала учета температурного режима холодильника».

Документация

Заявка для компонентов крови (профильные отделения) Форма 421\у, утвержденная приказом МЗ СССР № 1035 от 18.09.87

Книга учета поступления и выдачи компонентов крови (форма согласно приложению № 6 к методическим рекомендациям, Ленинград 1987 г., «Организация трансфузионной терапии в ЛПУ»)

Журнал учета заявок на кровь и ее компоненты

Журнал учета стандартных эритроцитов, сывороток (форма согласно приложению № 6 к методическим рекомендациям, Ленинград 1987 г., «Организация трансфузионной терапии в ЛПУ»)

Журнал списания забракованных компонентов крови (форма разработана КГБУЗ СПК г. Хабаровска)

Журнал общего количества СЗП и ПНК в Банке крови

Журнал выдачи СЗП, ПНК

Бланк выдачи СЗП

Журнал температурного режима контейнера для транспортировки компонентов крови

Журнала учета температурного режима холодильника (форма согласно приложению № 8 к методическим рекомендациям, Ленинград 1987 г., «Организация трансфузионной терапии в ЛПУ»).

Ресурсы

Контейнеры для транспортировки (термоконтейнер-сумка типа «Контртерм-С-Удел» ТУ 9452—008—17453668—2006) с хладоэлементами типа КМЕЮ.941152.031.00.00; ветошь для их обработки и дезинфекционные средства

Служебная автомашина

Холодильное оборудование для хранения компонентов крови (Сапуо, медицинские морозильники отдельные для СЗП, ПНК, эритроцитсодержащих сред, тромбоцитсодержащих сред)

Персональный компьютер (ПК) с принтером для формирования заявок и обработки фотоданных

Фотоаппаратура с возможностью переноса данных на ПК.

Управление процессом

Заказ компонентов крови осуществляется на основании заявок, поступающих в Банк крови из профильных отделений. Врач-трансфузиолог, принимающий заявку,

контролирует правильность ее заполнения и осуществляет заказ на станции переливания крови. Трансфузиолог, при готовности компонентов к выдаче на станции, согласовывает с медицинским диспетчером время готовности автомобиля. Медицинская сестра подготавливает термоконтейнеры, осуществляет приемку, транспортировку, выдачу компонентов крови.

Подготовка термоконтейнера к работе

1. Распаковать термоконтейнер и проверить наличие съемного контейнера и хладоэлементов.

2. Провести внешний осмотр термоконтейнера и убедиться в отсутствии внешних повреждений.

3. Провести дезинфекцию съемного контейнера, применяя 3% раствор перекиси водорода с добавлением 0,5% раствора универсального моющего средства.

Порядок работы с термоконтейнером

1. Открыть крышку термоконтейнера.

2. Вынуть из морозильного отделения холодильника предварительно замороженные хладоэлементы (количество и температура хладоэлементов определяется типом термоконтейнера и транспортируемых компонентов крови).

3. При перевозках биологических материалов, температура которых варьирует от 0 до 8 градусов по Цельсию, во избежание замораживания, перед закладкой в термоконтейнер высокотемпературные хладоэлементы (красного цвета) следует выдерживать при комнатной температуре до появления конденсата или достижения температуры на поверхности не ниже 0 градусов по Цельсию.

4. Вытереть хладоэлементы и разложить их на дне и вдоль стенок холодильника.

5. Разместить упаковку с медицинским термочувствительным материалом.

6. Закрывать термоизолирующие клапаны.

7. Закрывать крышку термоконтейнера.

8. При перевозках биологических материалов, температура которых варьирует от минус 20 градусов по Цельсию и ниже, следует применять низкотемпературные хладоэлементы (синего цвета), при этом после извлечения из морозильного отделения вышеописанную процедуру выдержки проводить не нужно.

9. Открытие термоконтейнера разрешается только на время выгрузки\загрузки компонентов крови.

10. Транспортирование следует осуществлять бережно, избегая ударов термоконтейнера о посторонние предметы, переворачивание с боку на бок.

Выдача компонентов в профильные отделения осуществляется после фиксирования компонентов крови во

внутренней документации Центра, а также создания фотокопий этикеток.

Выдача компонентов в профильные отделения осуществляется только в термосумки, предназначенные для транспортировки компонентов крови. В случае, когда выдача нужна отсроченно, компоненты помещаются в соответствующие холодильники.

Действия при нарушении условий выполнения процесса

Удлинение интервала транспортировки свыше 2х часов

Поставить в известность врача-трансфузиолога, не открывать контейнер. После окончания транспортировки при снижении температуры в контейнере ниже требуемой, компоненты списываются.

Отключение электроэнергии для питания холодильных установок

Поставить в известность технического диспетчера, ответственного врача-администратора. Оборудование подключено к резервным источникам питания, которые автоматически включаются. В случае выхода их строя — не открывать холодильники во избежание ускорения размораживания.

После подачи электроэнергии зафиксировать температур хранения по показаниям термометров внутри холодильников. При нарушении условий хранения компоненты списываются.

Обсуждение

Представленный СОП является одним из вариантов того, как может выглядеть протокол транспортировки компонентов крови. Отдельное внимание уделяется возможности контроля качества на всех этапах — важнейшего элемента оказания медицинской помощи [6, с.13]. Последнее осуществляется в рамках вхождения трансфузиологической службы учреждения в систему менеджмента качества ISO 9001:2009. Для чего, собственно, и разрабатывается весь процесс организации СОП. Не секрет, что на разных участках работы трансфузиолога, сопряженных с высокой внимательностью, нередко возможно совершение ошибок. Для недопущения нестандартных ситуаций и сохранения трансфузионной терапии на высоком уровне и разрабатывается СОП. Исключительно в помощь как трансфузиологу, так и профильному специалисту.

Литература:

1. Национальный стандарт РФ «Кровь донорская и ее компоненты». Руководство по применению компонентов крови. ГОСТ Р 53470—2009.
2. Инструкция по заполнению и ведению первичной медицинской документации для учреждений службы крови (приказ МЗ СССР 07.08.85 № 1055, в ред приказа МЗ РФ от 08.10.2002 № 299).
3. Технический регламент о требованиях безопасности крови, ее продуктов, кровезамещающих растворов и технических средств, используемых в трансфузионо-инфузионной терапии от 26.01.10 № 29.

4. Национальный стандарт Российской Федерации. Контейнеры с консервированной кровью и ее компонентами. Маркировка ГОСТ Р 52938—2008.
5. Санитарно-эпидемиологические правила «Условия транспортирования и хранения медицинских иммунобиологических препаратов СП 3.3.2.1248—03».
6. NEW TRANSFUSIOLOGY — TURN TO THE PATIENT'S PERSON, Sablin I. D., Gorohovskii V. S., Stupak V. S., Los A. N., Socurets N. L., Izosimov A. M., Eastern European Scientific Journal. 2013. № 5. с. 13—16.

Рассеянный склероз — актуальная неврологическая проблема XXI века

Ульянова Ольга Владимировна, кандидат медицинских наук, ассистент;
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой;
Дутова Татьяна Ивановна, кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник
Воронежский государственный медицинский университет имени Н. Н. Бурденко

Рассеянный склероз (РС) — наиболее часто встречающееся аутоиммунное демиелинизирующее заболевание центральной нервной системы (ЦНС) — головного и спинного мозга, характеризующееся развитием рассеянных во времени и пространстве очагов демиелинизации и диффузных изменений в ткани мозга, что клинически проявляется многоочаговой неврологической симптоматикой. РС является одной из тяжелых форм органического поражения нервной системы, которым страдают преимущественно лица молодого и трудоспособного возраста, что приводит к снижению их качества жизни и развитию инвалидизации. На сегодняшний день РС — одна из сложнейших комплексных и глобальных медико-социальных проблем, существующих как в России, так и во всем мире.

Ключевые слова: алиментарное поведение, гипербарическая оксигенация, генетика, гены иммунного ответа, диета, инвалидизация, когнитивные нарушения, лечебная физкультура, микробиота кишечника, мезенхимальные стволовые клетки, молодой возраст, нейровизуализация, препараты группы ПИТРС, рассеянный склероз, рефлексотерапия, специализированная медицинская помощь, транскраниальная магнитная стимуляция, центральная нервная система, этиопатогенетическое лечение

Рассеянный склероз (РС) — хроническое демиелинизирующее заболевание, в основе которого лежит комплекс аутоиммунных и нейродегенеративных процессов, приводящих к множественному очаговому поражению центральной нервной системы (ЦНС), аксонопатии, что в свою очередь приводит и к нарушению когнитивных функций [8, 11, 26, 38]. Средний возраст дебюта заболевания составляет 30 лет, соотношение женщин и мужчин 3:1 [2, 4, 12, 31, 40]. Ранее считалось, что 50% пациентов утрачивают возможность самостоятельно ходить через 15 лет после начала заболевания, а в настоящее время средняя продолжительность заболевания составляет 20 лет и более [17]. Инвалидизация при РС связана, прежде всего, с нарушением двигательной функции, зрения, координации, тазовых функций. К сожалению, на сегодняшний день РС является неизлечимым заболеванием [8, 11, 20, 26, 38, 42], несмотря на то, что история изучения РС насчитывает более полутора века (180 лет). Первое упоминание о РС было сделано в 1835 г. французским патологоанатомом Леоном Жаном Батистом Крювелье [26, 38]. Ученый в своем атласе по патологической анатомии впервые описал обнаруженные им изменения в нервной системе, которые он назвал «пятнистым или островковым склерозом». Через 30 лет, в 1866 году французский невропатолог Жан Мартен Шарко первым описал уже кли-

ническую картину РС [26, 38]. Наиболее характерными симптомами заболевания Ж.М. Шарко считал: нистагм (подергивание глазных яблок), интенционное дрожание (усиливающееся при приближении к цели) и скандированную (прерывистую) речь (симптомокомплекс известен в настоящее время как «триада Шарко») [26, 38]. В 1916 г. Джеймс Уокер Доусон детально описал микроскопическую картину поражения мозга при РС с позиций гистолога [11, 26, 38].

Томас Риверс в 1935 году впервые экспериментально воспроизвел демиелинизирующее заболевание на животных и высказал предположение об аутоиммунном характере патогенеза РС [26, 38]. Американский невропатолог Джон Куртцке, установил, что при РС встречается большое количество разнообразных симптомов, но он не выявил ни одного симптома, специфического именно для данного заболевания [26, 38]. Среди отечественных неврологов значительный вклад в изучение этиологии, патогенеза, клинических проявлений и лечения РС внесли И.Н. Абдурасулова, В.М. Алифирова, К.З. Бахтиярова, Г.Н. Бисага, Г.Н. Бельская, А.Н. Бойко, А.М. Вейн, Е.И. Гусев, В.И. Головкин, А.П. Зинченко, И.А. Завалишин, М.А. Луцкий, Д.А. Марков, М.М. Одинак, Т.Н. Резникова, С.А. Сиверцева, А.А. Скоромец, А.П. Скороходов, И.Д. Столяров, Н.Н. Спиринов,

Н.А. Тотолян, Ф.А. Хабиров, Р.К. Шамрей, Е.В. Шмитд, Т.Е. Шмитд, Н.Н. Яхно [2, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 15, 16, 17, 19, 21, 23, 26, 28, 29, 31, 37, 38, 41].

На сегодняшний день в мире насчитывается, по разным оценкам, от 2,5 до 3 млн. больных РС [8, 20, 26, 38, 41, 42, 44]. Из них около 450 тысяч в Европе, от 250 тысяч до 400 тысяч больных РС в США [8, 26, 41, 42, 44]. В настоящее время в стране проживает как минимум 150000 больных РС, не менее 50% из которых уже стали инвалидами [8, 26, 38, 41]. Наиболее велика распространенность РС в северных, северо-западных и западных регионах России, где она варьирует от 30 до 70 случаев на 100 тыс. населения [8, 11, 29, 38, 41]. Вместе с членами семей больных и инвалидов в проблему РС вовлечено от 750000 до 1000000 граждан России. В последнее время отмечается неуклонная тенденция к росту заболеваемости РС, а также омоложение данного контингента больных [8, 33, 38]. Причиной этого стало не только улучшение диагностики заболевания, но и повышение качества эпидемиологических исследований, а также и реальный рост заболеваемости РС. В России она составляет от 30 до 100 случаев на 100000 населения [8, 11, 30, 38, 41].

По распространенности среди неврологических заболеваний РС занимает четвертое место после инсультов, эпилепсии и паркинсонизма, а в молодом возрасте — второе место после эпилепсии [2, 4, 5, 6, 12].

Общезвестно, что многими аутоиммунными заболеваниями чаще страдают женщины. РС при этом не является исключением. Данный факт связан с участием половых гормонов и/или сцепленных с полом генов, отвечающих за повышенную предрасположенность женщин к аутоиммунным заболеваниям. У мужчин дебют заболевания развивается позже, чем у женщин (в среднем — на 5 лет), и совпадает с началом естественного биологического снижения уровня тестостерона. В конце прошлого века был проведен ряд исследований, определяющих влияние беременности на течение РС [2, 4, 15, 17, 31, 40]. Более позитивное влияние беременности на течение РС было отмечено у больных с ремитирующим РС, чем у больных с вторично-прогрессирующим течением, что вероятнее всего связано с возрастом пациенток и их репродуктивным потенциалом к моменту беременности. Было обнаружено: в период беременности происходит затихание аутоиммунного поражения ЦНС, что подтверждается результатами МРТ: уменьшение количества очагов в течение второй половины беременности и возвращение активности заболевания в первый месяц после родов в виде появления новых очагов. Плод, по сути, являющийся для материнского организма аллогенным трансплантатом и несущий в себе антигены отца, выделяет цитокины, снижающие продукцию материнским организмом противовоспалительных цитокинов и «переключающих» баланс цитокинов в сторону противовоспалительных [2, 3, 4, 6, 12, 15, 24, 27, 32].

Несмотря на достигнутые успехи в лечении, РС остается одной из социально значимых проблем в неврологии:

данному заболеванию, часто приводящему к инвалидизации, подвержены лица молодого и трудоспособного возраста, что и обуславливает высокую медицинскую и социально-экономическую значимость проблемы [1, 8, 11, 20, 26, 38, 42]. По данным Европейских и Американских организаций, РС является наиболее дорогостоящим (в расчете на одного больного в течение жизни) для государства и частных страховых компаний хроническим неврологическим заболеванием. Лидерство РС по этим показателям связано с ранним началом заболевания, значительной продолжительностью жизни пациентов, высокой стоимостью современных методов диагностики и лечения больных с данной нозологией [8, 10, 14, 20, 26, 29, 38, 44].

На сегодняшний день общепризнано, что РС является мультифакториальным заболеванием. Несмотря на активное исследование и изучение РС в последние годы этиология, патогенетические механизмы развития заболевания, по-прежнему остаются до конца не выясненными. Известно, что РС наиболее распространен на территориях с прохладным и влажным климатом, в связи с чем до сих пор обсуждается связь заболеваемости РС с такими факторами внешней среды, как: состав воды и почвы (недостаточность в них микроэлементов — кобальта, меди, марганца, цинка, йода); продукты питания (употребление в пищу большого количества животных жиров); освещенность (инсоляция). Были проведены популяционно обоснованные исследования в ряде стран, с преимущественно холодным климатом (Швеция, Англия, Шотландия и другие страны), на основании данных исследований замечено, что больные с РС чаще рождаются в месяцы с наименьшим числом солнечных дней. А также было замечено, что частота РС увеличивается с удалением от экватора. Существует гипотеза, что широта влияет на риск развития РС через уровень инсоляции и сывороточный уровень витамина D. В ряде исследований было замечено, что лица родившиеся весной, имеют более высокий риск развития РС, чем лица родившиеся осенью [12, 15, 18, 31, 37]. Исследование, проведенное в Австралии, показывает, что риск развития РС ниже у тех, кто в детстве большее время проводил на солнце в каникулы и выходные, чем те, кто был защищен от солнца. Большое внимание уделяется содержанию в крови у больных с РС витамина D. От 90 до 100% витамина D вырабатывается эндогенно под действием инсоляции, которая максимальна в странах Африки и Азии, где заболеваемость РС, как раз — минимальна. В пищевых продуктах витамина D содержится очень мало (исключение составляет лишь рыбий жир, который «нам давали в детстве») [11, 26, 38]. Частыми симптомами РС являются утомляемость и депрессия, они также ассоциированы с витамином D. Исследование утомляемости и депрессии при РС, проведенное в 2010 году, показало, что уровень витамина D отрицательно коррелирует с уровнем депрессии. Интересен тот факт, что однако у эскимосов и коренных народностей Севера, несмотря на удален-

ность от экватора, РС не встречается, что по-видимому связано с генетическими факторами и пищевым поведением данной популяции — постоянным употреблением рыбы и рыбьего жира — одних из опорных точек в диете больных РС [3, 4, 9, 15, 31, 37, 40].

Участие генетических факторов в предрасположенности к развитию РС и формированию особенностей клинической картины не вызывает сомнения. В настоящее время можно считать доказанным, что РС — полигенное заболевание, причем значение отдельных генов в наследственной предрасположенности (повышенном риске развития РС) установлено с разной степенью достоверности. Особое значение в последнее время приобретают два новых направления в генетике РС — поиск ассоциации с различными клиническими вариантами РС и фармакогенетика [10, 14, 26].

Выявление связи тех или иных локусов с различающимися клиническими проявлениями заболевания может иметь большое значение для прогнозирования и ранней диагностики РС. В настоящее время остается невыясненным, почему лекарственный препарат из группы иммуномодуляторов эффективен для одних больных РС, и неэффективен — для других. Поэтому высокоактуален вопрос о роли генов иммунного ответа больных как основной причины индивидуальных различий в чувствительности к этим дорогостоящим методам лечения. Решение этой проблемы лежит в русле современных тенденций к развитию индивидуализированной медицины и может позволить не только осуществлять индивидуальный подбор лекарств, но и способствовать созданию эффективных лекарственных препаратов [14], «нанолипосом» (ИБХ РАН).

РС развивается вследствие воздействия многих инфекционных агентов, широко распространенных в популяции (**вирус Эпштейна–Барр – вызывающий инфекционный мононуклеоз**, вирус кори, вирус простого герпеса, вирус герпеса типа 6, ветряная оспа, краснуха, цитомегаловирус, ретровирусы). Развитие РС связано с истощающим влиянием большого количества хронических инфекционных агентов на иммунную систему [10, 11, 26, 38]. В последнее время появляется все больше исследований о влиянии микробиоты кишечника человека на развитие РС. Сообщества микроорганизмов, населяющих поверхность и полости тела человека, составляют микробиом человека. Размер микробиоты оценивается приблизительно в 100 триллионов клеток, что превышает собственное количество клеток организма человека в 10 раз. Интересен тот факт, что кишечный микробиом человека содержит количество генов в 100 раз больше, чем геном самого человека. При этом максимальная плотность микроорганизмов находится в нижних отделах кишечника («содержимое кишечника — это наш иммунитет») [10, 19, 22, 23]. Микробиота кишечника влияет на жизнедеятельность организма — хозяина: активно участвует в метаболических процессах, способствует поддержанию целостности защитных барьеров, в том числе

и гемато—энцефалитического, обеспечивает «колониционную» резистентность, участвует в развитии и обеспечении функционирования иммунной и нервной систем. Совершенно неоспорим тот факт, что дебют или обострение РС часто происходят после перенесенных инфекционных заболеваний. Одной из функций симбиотических бактерий является «колониционная резистентность»: занимая кишечную нишу, симбиотические бактерии предотвращают заселение патогенов, а при снижении численности эндогенной флоры освободившаяся ниша тут же заполняется патогенами [19, 22, 23]. Исследователи РС высказали предположение, что ключевым моментом в развитии РС является дисбиоз, который может способствовать запуску аутоиммунного ответа, направленного против собственных антигенов ЦНС. Дисбиоз кишечника — это клиничко—лабораторный синдром, характеризующийся изменением качественного и/или количественного состава нормальной микробиоты определенного биотопа, а также транслокацией различных ее представителей в несвойственные биотопы, метаболическими и иммунными нарушениями, сопровождающимися клиническими симптомами [19, 22]. В ряде исследований было выявлено, что у больных РС имеется большое количество Архей, особых микроорганизмов, не относящихся ни к бактериям, ни к эукариотам и представленных в человеческом организме видом *Methanobrevibacter smithii*. Анализ фенотипа иммунных клеток показал, что наличие Архей связано с экспрессией Т-клетками ряда воспалительных цитокинов. Таким образом, состав микробиоты кишечника может оказать влияние на иммунный статус хозяина и повлиять на развитие и/или прогрессирование РС, а вполне возможно и на эффективность проводимого лечения препаратами группы ПИТРС [19, 22].

В настоящее время РС рассматривается не только как аутоиммунное демиелинизирующее заболевание, но и как нейродегенеративное заболевание. Считается, что уже на ранних стадиях развития РС происходит нейрональное и аксональное нейродегенеративное повреждение. Причем повреждение аксонов наблюдается не только в очагах демиелинизации, а распространяется вдоль всего аксонального волокна.

Именно нейродегенерация лежит в основе нарастания неврологического дефицита, когнитивных нарушения (КН) и прогрессировании необратимой симптоматики, что находит свое отражение в формировании участков необратимой гибели аксонов и развитии атрофии головного и спинного мозга, видимых при проведении магнитно—резонансной томографии (МРТ) [13, 24, 32]. Наличие нейродегенеративного компонента в развитии РС подтверждается: морфологическими данными, свидетельствующими о повреждении и гибели не только аксонов, но и самих нейронов, развитием атрофического процесса в головном и спинном мозге. Магнитно—резонансная спектроскопия выявляет заметное снижение уровня основного маркера сохранности аксонов и нейронов — N-ацетиласпартата (NAA) как в очагах, так и в «нормально

выглядящем» при МРТ—исследовании белом и сером веществе головного мозга. К сожалению, причины нейродегенерации при РС до конца не ясны. Нет полной ясности и во взаимосвязи процессов иммунного воспаления и нейродегенерации [8, 13, 26, 27, 32, 34, 38].

Важной особенностью РС является то, что у большинства пациентов, особенно на ранних стадиях заболевания, высшая нервная деятельность страдает в минимальной степени, вследствие чего больные сохраняют способность активно влиять на решение служебных, домашних и социальных проблем. Но необходимо учитывать, что состояние больных с РС существенно зависит от их психоэмоционального настроя. Неблагоприятно влияют на течение заболевания такие факторы, как социальная изоляция, невозможность активно участвовать в жизни общества, осознание своей «бесполезности» и социальной невостребованности. Данные состояния могут приводить к психологической дезадаптации пациентов. По данным статистики, количество суицидальных попыток в группе больных РС в 7,5 раз выше, чем у здоровых людей [1, 8, 20, 25, 28, 29, 34, 36, 42]. Пациенты с тяжелым течением заболевания, нуждаются в постоянном постороннем уходе, предметах санитарной гигиены (памперсы, одноразовые урологические катетеры и др.), специальных технических средствах (инвалидные коляски, ходунки и др.), медикаментах для специального лечения и лечения сопутствующих заболеваний [8, 10, 20, 29, 38].

В связи с вышеперечисленными фактами, больным РС необходима постоянная высококвалифицированная специализированная медицинская помощь с привлечением, как неврологов, так и врачей других специальностей, а именно: психологов, урологов, логопедов, физиотерапевтов, нейроофтальмологов, гинекологов, хирургов, терапевтов, то есть специально подготовленных специалистов, ориентированных в вопросах этиологии, патогенеза, клинической картины данного заболевания и особенностях течения РС у лиц разного пола и возраста и основных принципах лечения, как в период обострения, так и ремиссии в условиях многопрофильного городского стационара [8, 20, 29, 33].

Это обусловлено еще и тем фактором, что пациенты с РС нуждаются в постоянном динамическом наблюдении, периодической госпитализации для профилактики и лечения обострений и осложнения заболевания [8, 20, 29].

Необходимо заметить, что одним из ранних проявлений РС являются когнитивные нарушения (КН). При этом КН зачастую могут быть скрытыми для клиницистов и не всегда диагностируются при классическом неврологическом обследовании пациента. КН развиваются на ранних стадиях РС и усугубляются далее в процессе прогрессирования заболевания, встречаясь у 25–60% пациентов и зачастую являясь доминирующими симптомами заболевания. В последнее время изучению КН при РС уделяют внимание многие исследователи [1, 28, 29, 34, 35, 39].

Одной из актуальных и сложных проблем современной неврологии является лечение РС. Препараты, изменя-

ющие течение РС (ПИТРС), могут лишь снизить частоту и тяжесть обострений и замедлить темпы прогрессирования неврологического дефицита, а также отсрочить развитие грубых КН, что в свою очередь позволит пациентам молодого возраста сохранить свою востребованность в обществе и улучшить качество жизни.

В настоящее время все препараты из группы ПИТРС принято делить на 3 линии [2, 5, 7, 8, 9, 11, 12, 15]: первая линия – препараты β -интерферона (β -ИФН) для подкожного и внутримышечного введения (высокодозные и низкодозные), глатирамера ацетат (ГА) для подкожного введения; вторая линия – митоксантрон для внутривенного введения, финголимод в таблетках, натализумаб для внутривенного введения, алемтузумаб, ритуксимаб, а также временно приостановленный компанией—производителем для коммерческого использования кладрибин в таблетках; третья линия – внутривенные иммуноглобулины в больших дозах (ВВИГ), сильные иммуносупрессоры (микофенолата мофетил, циклоспорин, циклофосфамид и др.), аутологичная пересадка стволовых кроветворных клеток костного мозга (АПККМ) [4, 5, 7, 8, 9, 16, 17, 20, 21, 23, 26, 37, 40].

Несмотря на то, что препараты группы ПИТРС снижают риск рецидива, пациенты продолжают испытывать периоды обострений РС [10, 14, 23, 26, 38, 43]. Среди препаратов, одобренных FDA и снижающих среднегодовую частоту рецидивов заболевания: интерферон бета 1a (в/м) – на 18% (на 32% – у пациентов, прошедших лечение в течение как минимум 104 недель); интерферон бета 1b – на 31%; ГА – на 29%; натализумаб – 67%; финголимод – на 55%; терифлуномид – на 36%; диметилфумарат – на 53%. Приведенные выше данные показывают, что остаточный риск рецидива сохраняется несмотря на применение в лечении пациентов препаратов группы ПИТРС [11, 23, 26, 38].

Лечение пациентов с РС характеризуется выраженной гетерогенностью ответа на лечение ПИТРС. По данным клинических испытаний, в зависимости от выбора критериев оценки эффективности лечения, 30–50% больных остаются невосприимчивыми к проводимой терапии [14, 43]. При этом вывод о действительной эффективности терапии ПИТРС для каждого больного РС можно сделать только после длительного приема препарата. К сожалению, к тому времени, когда будет вынесено решение об отмене препарата, неврологическое состояние больного может заметно ухудшиться [14].

Правильность и адекватность принятия решения при назначении того или иного препарата из группы ПИТРС и определяет успешность проводимой терапии. В настоящее время уже не вызывает сомнений, что успешный контроль над активностью аутоиммунного воспаления, отсутствие обострений и прогрессирования инвалидности в начале заболевания определяют его прогноз на протяжении жизни [8, 10, 11, 23, 26, 37, 40]. Точный выбор препарата с использованием клинических, томографических и по возможности иммунобиохимических и генетиче-

ских исследований лежит в основе персонализированного подхода к терапии РС. В таких случаях препарат представляется «оптимальным» для данного пациента, и его нецелесообразно заменять и тем более отменять. Наиболее важный вопрос в таких случаях – переносимость инъекций. Местные реакции на регулярные инъекции являются одной из наибольших проблем при использовании инъекционных препаратов из группы ПИТРС первой линии.

Огромное значение имеют контроль над приверженностью к терапии, установление адекватного контакта с пациентом и его максимальное информирование о задачах терапии и основаниях для принятия специалистом – неврологом решения по поводу назначения или отмены того или иного препарата группы ПИТРС. Возможно, в ближайшее время с появлением новых методов терапии, высокоэффективных, безопасных и хорошо переносимых препаратов тактика патогенетического лечения РС будет существенно изменяться [2, 3, 4, 8, 9, 18, 20, 37, 40].

Фармакогенетические исследования эффективности лечения РС препаратами ПИТРС первой линии проводятся сейчас во многих странах, однако, в основном, они касаются интерферона – бета. Эффективность применения глатимера ацетата при лечении РС анализировали лишь в нескольких исследованиях, в первую очередь направленных на поиск ассоциации эффективности лечения с полиморфизмом генов главного комплекса гистосовместимости (ГКГ) класса II; в единичных работах анализировали также значение полиморфизма генов, кодирующих T – клеточный рецептор, некоторые цитокины и белки миелина. Во многих исследованиях в разных странах и в разных этнических группах были выявлены ассоциации РС с аллельным полиморфизмом генов ГКГ, или HLA – системы, локализованных на коротком плече хромосомы 6 (с HLA – генами области 6p21). Хорошо известна ведущая роль продуктов HLA – генов в формировании иммунного ответа. HLA – система представляет собой группу тесно сцепленных полиморфных генетических локусов, которые кодируют три различных класса полипептидных продуктов, играющих центральную роль в развитии и регуляции иммунного ответа, а в первую очередь – в процессе «представления» любого антигена. Существенное значение для запуска и поддержания демиелинизирующего процесса при РС имеют выраженность и длительность транзиторного повышения экспрессии молекул HLA на эндотелии сосудов мозга, микроглии и, в меньшей степени, астроцитов, а также способность этих молекул избирательно представлять пептиды с определенной аминокислотной последовательностью [14, 43].

Одним из новых подходов для лечения РС является трансплантация стволовых клеток (СК). Различают ауто- и аллогенную трансплантацию. При аутогенной трансплантации СК забирают у пациента перед началом лечения и вводят обратно в организм после проведения курса радио-химиотерапии. При аллогенной трансплантации источником СК служит костный мозг донора. Ал-

логенная трансплантация более рациональна при лечении аутоиммунных заболеваний, в отличие от аутогенной трансплантации, так как достаточно высок риск повторной аутоиммунизации организма, но с другой стороны, более высокая смертность при аллотрансплантации (15–35%), чем при аутогенной трансплантации [10, 16, 21]. СК, известные также как прогениторные клетки, являются клетками, которые не прошли дифференцировку и не приобрели специфических функций. Они обладают потенциалом самовосстановления, делятся и дифференцируются в различные специфические типы клеток [16, 21]. Поэтому их также называют «плюрипотентными» или «недифференцированными» клетками. Предполагается, что СК могут помочь пациентам с РС несколькими способами [16, 21]. Во-первых, имеется теоретическая вероятность дифференцировки мультипотентных мезенхимальных стволовых клеток (ММСК) в нижние моторные нейроны, чтобы они заместили погибшие нейроны в результате прогрессирования РС. Во-вторых, СК могли бы спасти погибающие моторные нейроны, восстановив связи этих нейронов с частично денервированной мышцей до того, как она окончательно атрофируется. В-третьих, наиболее оптимально, если бы удалось вызвать дифференцировку СК в верхние моторные нейроны в коре головного мозга и установить их связь с нижними моторными нейронами [16, 21].

Показаниями для проведения трансплантации костного мозга являются: ремиттирующее течение РС с тремя и более обострениями в год, отсутствие результата от проводимой терапии (в том числе с применением интерферонов), нарастающее ухудшение состояния с изменениями двигательных функций. Противопоказания составляют тяжелые соматические заболевания, значительные изменения функций почек и печени, инфекции [16, 21]. К сожалению, трансплантация СК не дает возможности компенсации тех морфофизиологических изменений, которые уже имеют место в организме, однако, позволяет остановить процесс аутоиммунизации, то есть избежать дальнейшего разрушения миелиновых оболочек и развития комплекса патологических симптомов. После окончания завершающей фазы широких рандомизированных клинических исследований можно будет окончательно судить о целесообразности применения метода трансплантации СК для лечения пациентов с РС [16, 21].

Эффективное лечение обострений остается актуальной проблемой РС. Считается, что ограничивая тяжесть и частоту обострений заболевания в течение долгого времени, можно также предотвратить тяжелую инвалидность и прогрессирование заболевания в течение продолжительного времени [8, 10, 14, 20, 26, 29, 35].

Обострение – это появление нового устойчивого симптома или группы симптомов; или ухудшение неврологических симптомов, возникающее после стабильного состояния или периода улучшения, длившегося не менее 1 месяца [8, 26, 38].

При легких обострениях назначаются ангиопротекторы (тиоктацид, берлитион, церебролизин, церетон, це-

раксон, ноотропил), антиагреганты (курантил, трентал, кавинтон), антиоксиданты (витамин С, витамин Е, глутаминовая кислота, мексидол).

При среднетяжелых и тяжелых обострениях назначают метилпреднизолон (в/в капельно – курсовая доза составляет от 3000 до 7000 мг, средняя курсовая доза составила 5000 мг), синактен депо (в/м). С профилактикой возможных побочных эффектов терапия глюкокортикоидами должна проводиться до 12 часов. Во время проведения пульс-терапии в обязательном порядке у всех пациентов необходимо проводить мониторинг и контроль ЧСС (частоты сердечных сокращений) и АД (артериального давления), определение уровня калия и натрия в сыворотке крови, уровень глюкозы в сыворотке крови, исключать отеки, а при необходимости — проводить корригирующую терапию. По показаниям пациентам, имеющим язвенный анамнез (ЖКТ, угроза кровотечения) проводить эзофагогастроуденоскопию. Всем больным с профилактической целью для защиты слизистой оболочки ЖКТ следует назначать ингибиторы протонной помпы (омепразол), рекомендовать диету, обогащенную калием (курага, инжир, арахис, изюм), парентерально для контроля электролитного баланса вводить препараты калия (раствор Рингера, Ацесоль). Курсы пульс-терапии кортикоидами желательны проводить в стационаре под контролем врачей, чтобы вовремя оказать необходимую помощь при очень редких, но довольно опасных осложнениях. Наиболее рационально использовать не более трех курсов кортикоидов в год [8, 10, 20, 28, 29, 35, 38, 45].

При тяжелых обострениях РС назначают метилпреднизолон в/в или дексаметазон в/м. В последнее время при тяжелых обострениях используют синактен депо в/м. Синактен депо (тетракозактид, АКТГ) позволяет быстро восстановиться при рецидиве РС. АКТГ является одним из вариантов лечения при рецидиве РС по мнению FDA АКТГ – это меланокортиновый пептид, связывающийся с меланокортиновыми рецепторами (МР). МР расположены по всему телу, и это означает, что меланокортиновые пептиды (МП) типа АКТГ могут оказывать разнообразное действие. Предполагаемые эффекты МП — независимые от стероидов: уменьшение воспаления, иммуномодуляция. Синактен депо вводится внутримышечно (в/м) и начальная доза препарата составляет 1 мг в/м ежедневно. В острых случаях или при онкологических показаниях: 1 мг (в/м) – каждые 12 часов. Поддерживающая доза после того как острые симптомы заболевания исчезли: 1 мг (в/м) каждые 2 или 3 дня. Пациентам с хорошим ответом на лечение: 0,5 мг (в/м) – каждые 2 или 3 дня или 1 мг (в/м) еженедельно [8, 10, 11, 26, 28, 29, 35, 38, 45].

Возможно применение плазмафереза (особенно в острейшую стадию заболевания). В литературе описаны положительные эффекты сочетания глюкокортикоидов и плазмафереза при тяжелых обострениях РС [11, 26, 29, 35, 38].

В некоторых случаях для лечения тяжелых повторных обострений РС, резистентных к терапии кортикоидами, используют циклоспорин А (сандимун). Этот препарат может быть рекомендован как для снижения активности обострения, так и для предупреждения последующих тяжелых обострений. Проводят трехмесячный курс циклоспорина А в дозе: 3 мг на кг массы тела в течение первых двух недель, затем по 5 мг на кг массы тела. Основные побочные эффекты связаны с его потенциальной нефротоксичностью, поэтому необходим еженедельный контроль мочевины и креатинина в сыворотке крови. Возможны повышение АД, желудочно-кишечные расстройства, изменения веса, гипертрихоз [8, 10, 11, 23, 38].

Целесообразность назначения ангиопротекторов, антиагрегантов, антиоксидантов при обострении РС совершенно очевидна. При этом данные препараты применяются по общепринятым терапевтическим схемам (курантил, трентал, глутаминовая кислота, витамин С, витамин Е, тиоктаид, берлитион, ноотропы, кавинтон, церебролизин, цераксон, мексидол, церетон) [8, 10, 11, 23, 26, 35, 38].

Особое место при ведении и наблюдении пациентов с РС необходимо уделять диете – правильному и здоровому питанию. Мы не встретили в литературе данные о том, что соблюдение постов в христианской или мусульманской религиях негативно влияют на течение РС. Вполне понятно, что пациенты, лишённые многих радостей жизни вследствие болезни, не хотят ограничивать себя в еде, но необходимо помнить, что переедание приводит к избыточному весу, что приводит к снижению работоспособности и подвижности. Свой рацион пациенты должны основывать на принципах здорового питания, то есть растительная пища должна преобладать над животной, уменьшить употребление легко усваиваемых углеводов и снизить, а по возможности и вовсе отказаться от приема высокоаллергенных продуктов при отягощенном аллергическом анамнезе [3, 4, 8, 18, 26, 40]. В рационе пациентов с РС должно быть достаточное количество полноценных легко усваиваемых белков. Необходимо снизить количество простых сахаров для контроля за весом и улучшения физической активности. Следует ограничить употребление животных жиров: колбаса, яйца, сыр и молочные продукты жирных сортов, майонез, устранение копченостей, отказ от маргарина. Необходимо уменьшить **употребление кофе, исключить прием алкоголя, отказаться от курения**. В рационе должны преобладать нежирные сорта мяса, рыбы, молочных продуктов, темный шоколад. Рыба, особенно жирных сортов (сельдь, лосось) является единственным источником противовоспалительных омега-3 полиненасыщенных жирных кислот (ПНЖК). Увеличить содержание растительных масел, содержащих большое количество ПНЖК – кукурузного, оливкового, подсолнечного, льняного, рапсового. Употреблять продукты, содержащие большое количество солей магния (до 0,5 г/сутки) – орехи, курага, отруби. Увели-

чить употребление пациентами с РС продуктов, содержащих большое количество солей калия (до 3 г/сутки) — курага, чернослив, изюм, бананы, картофель в «мундире» (особенно — в период обострения заболевания и во время проведения противорецидивной терапии). Пациенты с РС должны обогащать свой рацион витамином С и витаминами группы В за счет повышения потребления фруктов (шиповник, черная смородина, цитрусовые), а также овощей (морковь, свекла, зеленый лук, гарниры из кабачков, цветной капусты, брокколи, шпинат). Компенсировать недостаток полезных веществ с пищей можно с помощью приема капсул рыбьего жира, витаминов С и Е, β — каротина, микроэлементов (селен, медь, цинк), янтарной кислоты, спирулина, особенно в зимнее и весеннее время. Больные с нарушением функции тазовых органов (запоры) должны принимать достаточное количество жидкости (норма взрослых — до 2х литров в сутки), продукты богатые клетчаткой — отруби, хлеб грубого помола, овощи. Пациенты должны исключить из своего рациона экстрактивные возбуждающие продукты — копчености, консервы, соусы, приправы; лапшу, пироги, кексы, майонез; жирный творог; тугоплавкие жиры — мясо гуся, утки, осетрины. В последние годы появились исследования о необходимости диет с повышенным содержанием витамина D [2, 3, 4, 8, 11, 18, 26, 37, 40].

При РС следует широко использовать скандинавскую ходьбу — эффективный вид физической активности, когда движения рук, ног, бедер и всего тела в целом являются ритмичными, как и при ходьбе, но только в более интенсивном ритме. Целесообразность применения мануальной и краниосакральной терапии при РС противоречиво [3, 8, 18].

Рефлексотерапию (РТ) при РС назначают как в остром, так и в период ремиссии с целью воздействия на основные патогенетические механизмы заболевания с целью иммунокоррекции и десенсибилизации организма. Используют слабый тормозной метод. На курс 8–10 процедур, в весеннее–осенний период проводят поддерживающие курсы лечения. Методы РТ используются для лечения болевых синдромов, спастического тонуса, парезов, хронической утомляемости, депрессии и тревоги, возможно также введение анестетиков в акупунктурные точки. Более стойкий лечебный эффект удается получить в начале заболевания, когда еще не сформировались грубые пирамидные и мозжечковые нарушения. Транскраниальная магнитная стимуляция (ТМС) имеет противоболевое и антидепрессивное влияние. Гипербарическая оксигенация (ГБО) приводит к повышению уровня кислорода в крови и в тканях организма, что благоприятно влияет на иммунокоррекцию. Важно проводить ГБО в режимах небольшого давления (1,5 АТА – 2,5 АТА) [3, 4, 7, 18, 26, 31, 40].

При РС наблюдается несколько типов психопатологического реагирования на болезнь. **Внешнее реагирование** — эта реакция проявляется в том, что больной РС приписывает страхи и комплекс неполноценности, вы-

званные болезнью не себе, а окружающим. Пациент с РС и его близкие обрушивают друг на друга обвинения в преувеличении и нагнетании страхов и одновременно признаются, что они сами сильны духом. **Внутренне проецирование** у больных с РС, часто приводит к депрессии, страхи и чувство неполноценности лишают больного жизненных сил, он становится вялым, пассивным, стремится изолироваться и уединиться от общества, считает жизнь с таким диагнозом бессмысленной. Больной «махнув на себя рукой» пускает все на самотек, перестает бороться за свою жизнь, соответственно не развивается ни умственно, ни физически. Больным с РС необходимо свой каждый день наполнять позитивными эмоциями. Реже у пациентов с РС развивается такая реакция, **как замещение**. Больной не признается самому себе в страхе перед болезнью, а заменяет его страхом чего-либо другого. На этой почве часто развиваются страхи перед приемом лекарственных веществ, следовательно, больной уклоняется от длительной терапии препаратами группы ПИТРС. Данная позиция пациента может отрицательно отразиться на течении болезни и привести к неэффективности лечения. В некоторых случаях больной с РС «впадает в детство» и начинает повторять стереотипы поведения, свойственные ребенку. Такая реакция обозначается **регрессия** и проявляется как длительная реакция на болезнь или кратковременная на обострение болезни. Пациенты с РС начинают проявлять упрямство и отказываться от лечения. Крайне вредна психологическая реакция **оппозиции**, которая может быть направлена против лечащего врача и членов семьи. Подобной же реакцией бывает ненависть, которую пациент испытывает из-за обнаруженного у него заболевания, переносит ее на врача, поставившего диагноз и перестает обращаться к нему. Замечено, что такие негативные реакции отмечены у пациентов с преморбидно высоким уровнем интеллекта. Иногда больные с РС, особенно молодые, красивые девушки и женщины, позволяют окружающим излишне баловать и нежить себя (поведение «избалованного ребенка»). Данным поведением компенсируется чувство разочарования, что жизнь пациента складывается не так, как хотелось бы [1, 2, 3, 4, 8, 18, 20, 28, 31, 36, 37, 40].

При особенно тяжелых реакциях на болезнь по типу конверсии больной сильно ощущает боязнь оказаться беспомощным, что проявляется в расстройстве двигательной функции не органического, а функционального плана, в ярко выраженных жестах и мимике. Эти проявления обусловлены исключительно напряженной работой подсознания и тяжелыми глубокими душевными переживаниями. По этой же причине усиливаются уже имеющиеся функциональные нарушения. Научиться жить, приняв свою болезнь как данность, чрезвычайно трудно (*стратегии «жизнь с болезнью» и «совладающего поведения»*). При РС следует использовать гипноз и психотерапию, исключить стресс. К методам самогип-

ноза близки аутогенные тренировки [1, 3, 8, 17, 18, 28, 36, 37, 40].

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод об идеальном пациенте с РС – это мужчина средних лет, живущий на Экваторе или на Чукотке (философский закон единства и борьбы противоположностей), употребляющий в большом количестве рыбу, рыбий жир и продукты растительного происхождения, получающий адекватные солнечные инсоляции и по своему гормональному

статусу «постоянно находящийся в состоянии беременности». Остается еще много вопросов, требующих изучения и касающихся как наиболее важных аспектов этиологии и патогенеза РС («органического хамелеона»), так и самих методик лечения больных с РС, в том числе и препаратами группы ПИТРС. При этом необходим строго индивидуальный (персонализированный) подход как при проведении патогенетической, так и противорецидивной терапии.

Литература:

1. Алифирова, В. М. Когнитивные нарушения у больных рассеянным склерозом. / В. М. Алифирова, Ю. Ю. Орлова, Н. Ф. Мусина // Бюллетень сибирской медицины. — 2008. — Том 8, № 3. — с. 62–67.
2. Аутоиммунные заболевания в неврологии. Клиническое руководство. В 2 томах. / под ред. И. А. Завалишина, М. А. Пирадова, А. Н. Бойко, С. С. Никитина, Н. Н. Спирина, А. В. Переседовой. — М.: Здоровье человека, 2014. — 400 с.
3. Белова, А. Н. Реабилитация больных рассеянным склерозом. / А. Н. Белова, С. В. Прокопенко. — М., 2013. — 288 с.
4. Бисага, Г. Н. Рассеянный склероз. Современное представление, диагностика и лечение. / Г. Н. Бисага. — СПб.: Аспет — плюс, 2001. — 88 с.
5. Бисага, Г. Н. Рассеянный склероз. Диагностика и патогенетическая терапия: автореф. дис. докт. мед. наук / Г. Н. Бисага. — СПб., 2004. — 48 с.
6. Бисага, Г. Н. Рассеянный склероз: от морфологии к патогенезу / Г. Н. Бисага. — СПб., 2015. — 104 с.
7. Барбас, И. М. Рассеянный склероз. Опыт лечения, профилактика обострений. / И. М. Барбас, А. А. Скородец. — СПб.: Сотисб, 2003. — 124 с.
8. Ведение больных с рассеянным склерозом: метод. рекомендации / под ред. Н. Н. Спирина, А. Н. Бойко, И. О. Степанова, Т. Е. Шмидт. — М.: РООИ «Здоровье человека». — 2015. — 68 с.
9. Головкин, В. И. Диагностика и патогенетическая терапия рассеянного склероза: автореф. дис. докт. мед. наук / В. И. Головкин. — СПб., 1992. — 45 с.
10. Гусев, Е. И. Рассеянный склероз: от изучения иммунопатогенеза к новым методам лечения / Е. И. Гусев, А. Н. Бойко. — М.: ООО «Губернская медицина», 2001. — 128 с.
11. Гусев, Е. И. Рассеянный склероз. Справочник. / Е. И. Гусев, А. Н. Бойко, И. Д. Столяров. — М.: Реал Тайм, 2009. — 296 с.
12. Гусев, Е. И. Рассеянный склероз и другие демиелинизирующие заболевания: руководство для врачей / Е. И. Гусев, И. А. Завалишин, А. Н. Бойко. — М.: Миклош, 2004–528 с.
13. Давыдовская, М. В. Нейродегенеративный процесс при рассеянном склерозе: возможности оценки и коррекции: дис. докт. мед. наук / М. В. Давыдовская; — ГОУВПО РГМУ. — Москва, 2012. — 179 с.
14. Дутова, Т. И. Использование стратегии «терапия цели» при назначении препаратов, изменяющих течение рассеянного склероза с учётом генетических факторов / Т. И. Дутова, А. П. Скороходов, О. В. Ульянова // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. — 2016. — № 65. — с. 164–169.
15. Завалишин, И. А. Рассеянный склероз. Избранные вопросы теории и практики. / И. А. Завалишин, В. И. Головкин. М.: Детская книга, 2000. — 639 с.
16. Клиническая эффективность аутогенной трансплантации мультипотентных мезенхимальных стромальных клеток при рассеянном склерозе и боковом амиотрофическом склерозе / М. М. Одинак [и др.] // Гены и клетки. — 2010. — Т. 5., № 3. — с. 44.
17. Клинические рекомендации. Неврология и нейрохирургия / под ред. Е. И. Гусева, А. Н. Коновалова. — 2 — е изд., перераб. и доп. — М.: ГЭОТАР — Медиа, 2015 — 424 с.
18. Майда, Е. Справочник по рассеянному склерозу. Для больных и близких: пер. с нем. / Е. Майда. — М.: Интерэксперт, 1999. — 268 с.
19. Микробиота кишечника как патогенетическая мишень для воздействия при рассеянном склерозе: миф или реальность / Абдурасулова И. Н. [и др.] // Нейроиммунология. — 2016. — Т. 13, № 1–2. — с. 11–12.
20. Основные принципы оказания неврологической помощи больным с рассеянным склерозом в условиях многопрофильного городского стационара (30-летний опыт) / И. Э. Есауленко [и др.] // Журнал «Вестник неврологии, психиатрии и нейрохирургии». Москва. 2016. — № 7. — с. 37–41.
21. Одинак, М. М. Трансплантация мезенхимальных стволовых клеток при рассеянном склерозе / М. М. Одинак, Г. Н. Бисага, А. В. Новицкий // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. — 2011. — Т. 111, № 2:2. — с. 72.

22. При рассеянном склерозе изменяется качественный и количественный состав микробиоты кишечника / Абдурашулова И. Н. [и др.] // Медицинский академический журнал. 2015. — Т. 15, № 3. — с. 55 — 67.
23. Патогенетическое лечение рассеянного склероза: настоящее и будущее. / И. Д. Столяров [и др.] // Журн. неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. — 2009. — том 109 (7, вып.2) — с. 90–99.
24. Прахова, Л. Н. Клинико-лучевое исследование механизмов развития демиелинизирующих заболеваний (рассеянного склероза): дис. док. мед. наук / Л. Н. Прахова; ПСПбГМУ. — Санкт-Петербург, 2014. — 241 с.
25. Применение классификационно-прогностического моделирования для выявления и анализа значимости индивидуальных факторов риска развития нервно — психических расстройств. / Будневский А. В. [и др.] // Журнал «Вестник неврологии, психиатрии и нейрохирургии». Москва. 2016. — № 3. — с. 37–43.
26. Рассеянный склероз: клиническое руководство / А. Н. Бойко [и др.]; под ред. Гусева Е. И., Завалишина И. А., Бойко А. Н. — М.: Реал Тайм, 2011—520 с.
27. Синдром, имитирующий рассеянный склероз / В. А. Куташов, А. П. Скороходов, О. В. Ульянова, А. А. Дудина // Нейроиммунология — 2016. — Т. XIII, № 1–2. — с. 47.
28. Скороходов, А. П. Нарушение когнитивных функций у больных, страдающих рассеянным склерозом / А. П. Скороходов, О. В. Ульянова // Нейроиммунология — 2015. — Т. XII, № 1–2. — с. 92.
29. Скороходов, А. П. Структура заболеваемости рассеянным склерозом в условиях многопрофильного городского стационара / А. П. Скороходов, О. В. Ульянова, В. В. Белинская // Журнал неврологии и психиатрии имени С. С. Корсакова — 2015. — Т. 115, выпуск 2, № 8. — с. 82.
30. Смагина, И. В. Прогнозирование развития и течения рассеянного склероза на основе клинико-эпидемиологических, генетических и нейробиохимических характеристик: дис. док. мед. наук / И. В. Смагина; ФГБНУ НЦН. — Москва, 2013. — 230 с.
31. Столяров, И. Д. Рассеянный склероз. / И. Д. Столяров, Б. А. Осетрова. — СПб.: ЭЛБИ, 2002. — 173 с.
32. Трофимова, Т. Н. Лучевая диагностика рассеянного склероза / Т. Н. Трофимова, Н. А. Тотолян, А. В. Пахомов. — СПб.: ЭЛБИ — СПб, 2010. — 128 с.
33. Ульянова, О. В. Современный взгляд на особенности взаимодействий в семьях, где у пациента имеются неврологические или психические расстройства / О. В. Ульянова, В. А. Куташов // Системный анализ и управление в биомедицинских системах. — 2015. — Т. 14, № 3. — с. 663–665.
34. Ульянова, О. В. Алгоритм оценки когнитивных функций у пациентов с рассеянным склерозом. / О. В. Ульянова, В. А. Куташов, В. В. Белинская // Нейроиммунология — 2016. — Т. XIII, № 1–2. — с. 72.
35. Ульянова, О. В. К вопросу о противорецидивном и симптоматическом лечении пациентов с рассеянным склерозом / О. В. Ульянова, В. А. Куташов, В. В. Белинская // Нейроиммунология — 2016. — Т. XIII, № 1–2. — с. 73.
36. Хабарова, Т. Ю. Организация процедуры исследования медико-социально-психологических и неврологических характеристик больных с аффективными расстройствами. / Т. Ю. Хабарова, О. В. Ульянова, В. А. Куташов // Системный анализ и управление в биомедицинских системах. — 2015. — Том 14, № 3. — с. 588 — 592.
37. Хабилов, Ф. А. Клиническая картина, диагностика и лечение рассеянного склероза: руководство для врачей. / Ф. А. Хабилов, А. Н. Бойко. — Казань: Медицина, 2010. — 88 с.
38. Шмидт, Т. Е. Рассеянный склероз: руководство для врачей. / Т. Е. Шмидт, Н. Н. Яхно. — М.: МЕДпресс-информ, 2010 — 267 с.
39. Шмидт, Т. Е. Когнитивные нарушения и попытки их коррекции при рассеянном склерозе / Т. Е. Шмидт // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. — 2005 — Том 105, № 9. — с. 54–56.
40. Шмидт, Т. Е. Рассеянный склероз: монография / Т. Е. Шмидт, Н. Н. Яхно, — М.: Медицина, 2012. — 164 с.
41. Эпидемиологические характеристики рассеянного склероза в России / Е. И. Гусев [и др.] // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова: спецвыпуск «Рассеянный склероз». — 2002 — с. 3–6.
42. Anticipation of age at onset in multiple sclerosis: a Sardinian cohort study. / Cocco E. [et al.] // Neurology. — 2004; 62 (10) — P. 1794–1798.
43. Comabella, M., Montalban X. Body fluid biomarkers in multiple sclerosis / M. Comabella, X. Montalban // The Lancet Neurology, 2014. — Vol. 13, № 1. — P. 113–126.
44. Montalban, X. The pros and cons of early treatment of relapsing forms of multiple Sclerosis. / X. Montalban // J. of Neurology. — 2004. — Vol. 251, № 4. — P. 30.
45. Randomized trial comparing two different high doses of methylprednisolone in MS. A clinical and MRI study. / R. L. Oliveri [et al.] // Neurology. — 1998. — № 50. — P. 1833 — 1836.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Историзм и археологизм в русском декорационном искусстве второй половины XIX века (на материале костюма)

Комаревцева Анна Александровна, магистрант
Краснодарский государственный институт культуры

В статье рассматривается на материале сценического костюма историко-археологическое направление в русском театрально-декорационном искусстве, наиболее ярко проявившееся в оформлении исторических спектаклей середины XIX века.

Ключевые слова: историзм, археологизм, русское декорационное искусство, исторический спектакль

По характеру функционирования в спектакле выделяют три основных типа театрального костюма — персонажный, игровой, костюм-одежда — каждый из которых доминировал в одной из основных систем оформления спектакля (персонажная/игровая предсцениграфия, декорационное искусство), кроме действенной сценографии XX века [1, с. 94–95]. Костюм-одежда — театральная модификация реальной одежды (бытовой, производственной, церемониальной и пр.) — приобретает доминирующее значение в декорационной системе оформления спектаклей Нового времени, проходя определенную историческую эволюцию в русле стилистического развития театра. Стремление к все большей реалистичности в изображении костюмного облика действующего лица спектакля приводит к натурализму — с одной стороны, историко-археологическому, с другой, бытовому.

Возникновение историко-археологического течения в декорационном искусстве 1860–1870-х годов явилось отражением общих процессов, тенденций, характерных для русской художественной культуры. Именно на этот период приходится новый этап развития национального направления в русском искусстве (1860–1880-е гг.), отмеченный доминированием «русского стиля», в котором работали многие ведущие художники и архитекторы той эпохи.

В середине XIX столетия археологизм и историзм прочно утверждаются в русском декорационном искусстве, особенно в части оформления исторических спектаклей. Новые интенции русского искусства соответственно требовали от художников-декораторов знания исторического материала, археологически точного воспроизведения интерьеров, предметов обстановки, утвари, костюмов и пр. Постановщики теперь стремятся опереться на исторические документы, свидетельства, сохранившиеся древние памятники, привлекают к оформлению спектаклей в им-

ператорских театрах известных археологов, архитекторов, художников, таких как В. А. Прохоров, И. И. Горностаев, Н. В. Набоков, Н. Л. Эллерт и др.

Историко-археологическое направление в декорационном искусстве всемерно поддерживалось В. В. Стасовым. Его позиция в этом вопросе определенно выражена в художественно-критических статьях, где критик ратует за соблюдение «исторической правды» в декорациях /костюмах, призывая постановщиков сообразовываться не со «вкусом» публики, а с «голосом знания» [1, с. 236, 238]. Именно благодаря его театральным рецензиям, в которых работе декоратора отводится довольно значительное место, мы можем составить представление об основных тенденциях в декорационном искусстве того времени.

В «археологической заметке», обращенной к историку Н. И. Костомарову, критик пишет о новой постановке оперы А. Н. Серова «Рогнеда». «Здесь еще *в первый раз* заметна попытка выставить на сцене сколько-нибудь верные исторические костюмы, утварь, мебель и т. д.; *в первый раз* мы видим, что у нас обратились за справкой к людям знающим и потребовали у них указаний, основанных на исторических памятниках нашей старины...» [3, с. 186]. Этим знающим человеком, привлеченным к «сочинению» костюмов для названной оперы, был известный археолог, преподаватель Санкт-Петербургской Академии художеств В. А. Прохоров. В «заметке» В. В. Стасов анализирует костюмы действующих лиц с точки зрения верности их историческому прототипу, разделив первые на три категории: «верные, неверные и выдуманные». К первым он относит сценические костюмы Рогнеды, князя Владимира, Изяслава, Руальда. «Все они очень хороши и верны, потому что прямо взяты с древних наших памятников, рукописей и фресок. Покрой платья, все части его, узоры, цвет, разные мелкие подробности — со-

вершенно верно воспроизводят костюм древнего великого князя русского, его жены, сына и, наконец, его варяжского дружинника» [3, с. 186]. Вторые, полностью либо частично «неверные», — костюмы киевского народа и княжеского двора, — по причине ограниченности («скудости») исторических памятников были скопированы с византийских образцов. Третьи — костюмы жрецов, их окружения, шута и скоморохов, в целом представляли «пеструю, небывалую смесь». Появление этих персонажей было данью оперной традиции, в которой обязательно присутствовали «общие места» (пляски, балет), украшавшие спектакль. В то же время предметы обстановки, утварь и пр. бутафория в точности следовали археологическим образцам, что достигалось путем тщательной копировки формы и декора.

В оформлении популярных тогда опер А. Н. Серова «Юдифь» (1863), «Рогнеда» (1867) приняли участие архитектор Н. В. Набоков и художник Н. Л. Эллерт. При разработке эскизов к «Юдифи» Набоков опирался на современные исторические увражи. Древневосточные костюмы, включая головные уборы, обувь, оружие, довольно тщательно скопированы с ассирийских памятников. Однако при археологической обоснованности деталей сценических костюмов, само исполнение последних (рисунок, цвет) «выдавало руку мастера неопытного и наивного» [4, с. 61]. Тем не менее, эти сухие раскрашенные реконструкции, хотя и не несли в себе образного начала, знаменовали отход от отвлеченных романтических нарядов к археологически обоснованному костюму.

В 1867 году видный архитектор «русского стиля», историк искусств И. И. Горностаев, обладавший ценным Стасовым «солидным художественно-историческим знанием», создает новую постановку «Руслана и Людмилы» М. И. Глинки. Он разрабатывает (по просьбе сестры Глинки) эскизы декораций и костюмов специально для Пражской оперы. Критик восторженно отзываясь об изящных /живописных / великолепных / роскошных костюмах новой постановки, особенно Светозара, Людмилы, Руслана, Гориславы, Черномора и его свиты. Он отмечает древнерусские (скопированные с фресок), ориентальные («богатое соединение разнообразнейших костюмных красот Востока») и современные народные мотивы [5, с. 204–206]. Историко-бытовая убедительность спектакля явилась антитезой пышной романтической экзотике, характерной для предшествующей постановки, шедшей в декорациях А. Л. Роллера — этого «мага и волшебника» русского театра.

В другой опере М. И. Глинки «Жизнь за царя» внимание Стасова привлекли своей красотой /оригинальностью женские костюмы. «... мы видим русские рубахи и передники, очень простые, но в то же время чрезвычайно красивые: они все расшиты по подолу и по рукавам, разнообразными необыкновенно изящными русскими узорами» (составитель рисунков В. А. Прохоров) [2, с. 238–240]. Критик ратует за искоренение «заведенных» порядков, при которых опере отводится роль великолепно-

ного, эффектного представления с условными, выдуман-ными костюмами в итальянском вкусе. По его стойкому убеждению, необходимо приучать и публику, и исполнителей к новому, «небывалому», что находит выражение в «истинных, национальных костюмах» [2, с. 240].

Историко-археологическое течение в декорационном искусстве наиболее ярко проявилось в драматическом спектакле. В середине 1860–1880-х годов в петербургских театрах историко-бытовое направление возглавили декораторы М. А. Шишков и М. И. Бочаров. В 1867 году на сцене Мариинского театра была показана трагедия А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного». По личному распоряжению Александра II театру для этой постановки были выделены специальные средства. В создании спектакля принимали участие археологи Ф. Г. Солнцев, В. А. Прохоров, вице-президент Академии художеств Г. Г. Гагарин, декоратор М. А. Шишков, видный исторический живописец, иллюстратор В. Г. Шварц, выполнивший эскизы костюмов. Громадному успеху этой постановки в немалой степени способствовали не только разнообразные сценические эффекты, но и декорации, костюмы, впечатлявшие не только своим богатством, но и знанием русской «древности»: костюмы «превосходны, потому что взяты с уцелевших памятников и рисунков того времени». Отмечая все же некоторые недостатки, Стасов констатирует: «все главное соблюдено с точностью»; в общей сложности костюмы производили впечатление «чего-то восточного, богатого, тяжеловесного и неуклюжего» [6, с. 933–935]. В другой статье Стасов высоко оценивает рисунки художника, считая, что Шварц «изобразил не только костюмы, но и целые личности» [7, с. 292]. Причем это наблюдение относится не только к главному герою, но и образам Шуйского, Годунова и других персонажей. Художник создает эскизы-портреты, изображающие Иоанна Грозного в трех кульминационных моментах трагедии, в наиболее характерных его состояниях. Эти портреты коррелируются с «тремя видами» царя (по определению А. К. Толстого) в развитии сюжетной канвы драмы. Таким образом, костюмы «не только точно следовали археологическим образцам, но передавали и некоторые черты характеров их владельцев, потому и стали эталоном для многих спектаклей», которые ставились не только на русской, но и зарубежной сцене [8, с. 50–51].

В 1870 году на сцене того же театра состоялась постановка «Бориса Годунова» А. С. Пушкина, «роскошная, тщательная, научно-верная до невероятности» [9, с. 364]. Работе над оформлением «Бориса Годунова» предшествовали поездки декоратора Шишкова по городам России с целью изучения древнерусской архитектуры и сбора натурального материала. На шелкоткацких фабриках специально были изготовлены по старинным русским рисункам ткани для костюмов царствующих особ и др. При выполнении предметов обстановки (мебель, ковры), разнообразной утвари также руководствовались древними образцами. «С внешней стороны появление «Бориса Го-

дунова» представляет истинный феномен. Никогда еще наружная постановка пьесы не была совершена с такой тщательностью, с таким сохранением археологической правды...», — отметил Н. И. Костомаров [8, с. 51]. В сущности, эту же мысль высказал и В. В. Стасов: «еще никогда помощь современной русской исторической науки не играла такой значительной и видной роли в театре, как здесь» [9, с. 365]. Это относилось не только к декорациям, исполненным Шишковым и Бочаровым, но и к костюмам — «исторически верным», сделанным со «вкусом и знанием».

Становление русской исторической декорации непосредственно связано с Петербургом, а возникновение и формирование национальной школы бытовой декорации происходило в Малом театре в Москве. Однако и здесь при постановке исторических пьес опирались на труды известных историков, специалистов по древнерусской культуре, таких как Н. И. Костомаров, И. Е. Забелин, Ф. Г. Солнцев. В 1868 году на сцене Малого театра была поставлена «Смерть Иоанна Грозного». И здесь, не считаясь с материальными затратами, впервые «с таким вниманием к исторической достоверности», была воссоздана внешняя бытовая сторона русской жизни эпохи Грозного [10, с. 183]. Помимо декораций, предметов обстановки, утвари, скопированных с подлинных образцов, много внимания было уделено костюмам, хотя не обошлось и без недочетов (ошибки в деталях, пропорциональные издержки). Малый театр в исторических спектаклях также пошел по пути воссоздания внешнего исторического антуража — обрядов, внешних черт быта, красочных картин в духе модного тогда живописца «боярского жанра» К. Маковского. Создается даже определенный штамп в постановке «боярских пьес» [10, с. 490]. Примечательно, что «боярский, национальный», по определению К. С. Станиславского, костюм становится историческим костюмом на русской сцене. «Даже одежда простого народа на сцене стилизовалась под общий «боярский стиль» [11, с. 276–277]. Танцовщик и хореограф М. М. Фокин, выражая обеспокоенность по поводу стилевого эклектизма в балете, упоминает, что в постановке «Дочь фараона» «... в Древнем Египте Река Нева танцевала в костюме московского боярина» [12, с. 11].

Тот же подход — документально точное воссоздание облика старинных интерьеров, архитектуры, костюмов, — но в уже «Художественно-Общедоступном» (Московский Художественный театр), характерен и для декоратора этого театра В. А. Симова. Художник инициировал экспедицию участников будущего спектакля «Царь Федор Иоаннович» (трагедия А. К. Толстого) по древнерусским городам — Ростов Великий (кремль), Ярославль и др. с целью приобретения костюмов, предметов старины, пригодных для спектакля. Результаты этой экспедиции превзошли все ожидания. К. С. Станиславский в письме В. И. Немировичу-Данченко писал: «Почти все макеты для «Царя Федора» готовы. Ничего оригинальнее, красивее этого я не видывал. Теперь я спокоен и могу по-

ручиться, что такой настоящей русской старины в России еще не видывали. Это не а с т о я щ а я старина, а не та, которую выдумывали в Малом театре» [13, с. 126]. Критики также не обошли вниманием исторический антураж спектакля: «... Все — декорации, утварь, костюмы, каждое движение каждого отдельного лица, — все переносит Вас в старую Москву.<...> Костюмы точно сняты с плеч всех этих Шуйских и Мстиславских, хранились в сундуках и теперь снова перед вами» [8, с. 37–38].

Приступая к оформлению постановки «Снегурочки» по пьесе А. Н. Островского, Симов вместе с другими постановщиками отправляется весной 1900 года в этнографическую экспедицию на север (Вологда, Архангельск и др.). В ходе экспедиции в деревнях были приобретены деревянная утварь, музыкальные инструменты (берестяные свирели), домотканые изделия (паневы, рядна, холсты), шапки и другие старинные головные уборы. Основными методами художника при воссоздании исторического антуража были копирование с образцов и реконструкция по старым рисункам (увражи, альбомы). Не случайно, критика подметила, что все исторические спектакли театра (МХТ) густо насыщены предметами старины. Но это была «обжитая» старина, в которой каждый предмет, костюм обретал биографию, донося не только аромат эпохи вообще, а конкретного места действия [8, с. 50].

Таким образом, историко-археологическое течение, характерное в целом для русской художественной культуры середины XIX века, проявилось и в декорационном искусстве, включая и костюм. Опора на исторический прототип, точное «знание» (документально-точное следование образцу) — все это задавало основные векторы работы декоратора над спектаклем. Именно в этот период в театр приходят работать в качестве декораторов археологи, архитекторы, исторические живописцы, а консультантами становятся видные историки, специалисты в области древнерусского искусства. Историко-археологический подход, который утвердился в сценической практике, требовал от декораторов очень тщательного, скрупулезного, досконального воспроизведения архитектурных форм, интерьеров, костюмов, орнаментов. Таким образом, в основе работы декоратора лежал метод копирования, не носивший творческого характера. Это привело к «contre-épreuve» образов / мотивов национального искусства, без внесения в них элементов художественной фантазии, то есть без обогащения новациями — ассоциациями, аллюзиями, реминисценциями художника. Безусловно, «историзм как художественный метод сковывал творческие возможности декоратора, привязывая его к определенному художественному образцу» [14, с. 28]. Он исчерпал себя, не создав художественной почвы, на которой, в частности, сценография могла бы развиваться дальше, что в итоге привело к кризису театрально-декорационного искусства в конце XIX века. Реновация последнего будет связана с именами других крупных русских художников, пришедших в театр на рубеже веков («fin de siècle»).

Литература:

1. Березкин, В. И. Искусство сценографии мирового театра. Т. 12: Сценографы России в контексте истории и современной практики мирового театра. М., 2011.
2. Стасов, В. В. Еще по поводу постановки «Жизни за царя» // Стасов В. В. Собр. соч. Т. 3.: Музыка и театр. Литература. СПб., 1894.
3. Стасов, В. В. Археологическая заметка о постановке «Рогнеды». Письмо к Н. И. Костомарову // Стасов В. В. Собр. соч. Т. 3. СПб., 1894.
4. Давыдова, М. В. Очерки истории русского театрально-декорационного искусства XVIII — начала XX в. М., 1974.
5. Стасов, В. В. Опера Глинки в Праге // Стасов В. В. Собр. соч. Т. 3. СПб., 1894.
6. Стасов, В. В. По поводу «Иоанна Грозного» на русской сцене. Письмо к редактору // Стасов В. В. Собр. соч. Т. 3. СПб., 1894.
7. Стасов, В. В. Новые художественные издания. Рисунки В. Г. Шварца // Стасов В. В. Собр. соч. Т. 2. Критика художественных изданий и статей. Очерки жизни и деятельности художников. СПб., 1894.
8. Нехорошев, Ю. И. Декоратор Художественного театра Виктор Андреевич Симов. М., 1984.
9. Стасов, В. В. Постановка «Бориса Годунова» Пушкина // Стасов В. В. Собр. соч. Т. 3. СПб., 1894.
10. Зограф, Н. Г. Малый театр второй половины XIX века. М., 1960.
11. Кирсанова, Р. М. Сценический костюм театральная публика в России XIX века. Москва; Калининград, 1997.
12. Боулт Дж. Э. Художники русского театра. 1880—1930. М., 1990.
13. Станиславский, К. С. Вл. И. Немировичу-Данченко. 12 июня 1898, Москва // Станиславский К. С. Собр. соч. Т. 7: Письма. 1886—1917. М., 1960.
14. Давыдова, М. В. Художник в театре начала XX века. М., 1999.

Влияние культурных и национальных факторов на деловую культуру и коммуникацию

Михельсон Светлана Викторовна, аспирант
Красноярский государственный аграрный университет

Статья посвящена национальным и культурным факторам, которые характеризуют особенности деловой культуры и деловой коммуникации той или иной страны.

Ключевые слова: культура, коммуникация, деловая культура, бизнес, национальные особенности

Стремительные изменения в социально-экономических условиях мирового пространства привели к тому, что экономика и бизнес столкнулись с такими проблемами, которые им были неизвестны ранее. Коммуникация между партнерами стала основной проблемой бизнеса [10, с. 143].

Эффективная внутренняя и внешняя коммуникация стала стратегическим ресурсом для бизнеса. На этом фоне наблюдается взрыв интереса к культуре, к культурному разнообразию и межкультурному взаимодействию, особенно актуально предпринимаются массовые попытки исследования ценностей национальных культур применительно к культуре деловой. Это актуализирует поиски оснований межкультурного диалога в деловой сфере, требует переосмысления сложившихся традиций и новых теоретических поисков в смежных областях — лингвистике и культурологии, этике и менеджменте. Таким образом, вопросы межкультурного диалога приобретают особую актуальность [10, с. 143].

Актуальность исследования культурного аспекта в деловой культуре и в деловых коммуникациях так же обусловлена рядом причин. Взаимозависимость культур в современном мире становится с каждым днем все очевиднее и проявляется на всех уровнях жизнедеятельности человечества, в частности в деловой сфере. Повышенный интерес к проблеме культуры ведения бизнеса, ее роли в социуме и различных сферах общественной жизни тесно связан с проблемами культурологического характера.

Актуальным становится так же исследование процессов адаптации к инокультурной среде, где в качестве предмета исследования выступают не только новые ценностные стандарты, но и механизмы взаимодействия уже существующих норм культуры.

Культура в системе общественных отношений выступает как самое сложное и многогранное явление. Это положение мешает возможности в нескольких словах изложить сущность данного понятия и дать определение, т.к. слово — понятие «культура» является ключевым, и здесь

необходимо дать его определение в контексте нашего исследования, то есть о деловой культуре и ее влиянии на деловую коммуникацию.

Изучение деловой культуры в контексте деловых коммуникаций неизбежно ставит вопрос о глубинных основаниях, принципах, способах, смыслах деловой культуры. Такой подход предполагает определение тех составляющих культуры, которые в своем сосуществовании друг с другом образуют деловую культуру: ценностей, норм, правил, статики и динамики языка. В этом случае в качестве основного определения культуры в предпринимательском анализе примем: «культура (от лат. cultura — возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание), исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях». [11, с. 283].

Деловая культура — это достаточно сложное и противоречивое явление, которое рождается уже в определенной культурной среде. Деловая культура может быть определена как система отношений, выраженных в нормах, ценностях и знаниях в сфере трудовых отношений. Эта система регулирует деловую активность. Такая активность проявляется в организации труда, в навыках делового общения и правилах делового этикета, в искусстве вести дела. Анализируя понятие «деловая культура», А. Пригожин предлагает исходить из норм и ценностей трудообмена, обмена деятельностью и различать абстрактную деловую культуру (идеалы и ценности, которые иногда переходят в конкретные акты поведения, но часто присутствуют в нем в скрытом виде) и конкретную деловую культуру (стереотипы в служебном, должностном и т.п. поведении). Алехина А. включает в данное понятие более емкое содержание, чем культура ведения дела и переговоров. Она считает, оно охватывает отношение людей к труду и их взаимоотношения, культуру организации дела и умение поднять его на определенную высоту [3, с. 18]. С нашей точки зрения, в общем виде под понятием «деловая культура» можно понять соблюдение в деловом взаимодействии принятых «правил игры». Деловая культура — это культура бизнеса, присущая всем субъектам, участвующим в организации и осуществлении общественного производства в эпоху постиндустриального рыночного общества. В нынешнее время, такой феномен современного мира как деловая культура — это такой способ организации и мотивирования людей, который направлен на все большую эффективность извлечения прибыли.

Существует множество причин, прежде всего экономических, которые привели бизнес к тому, что он перестал выполнять ту функцию, которую выполнял пару сотню лет назад, а именно функцию отточки и переламывания культуры, приспособления ее под нужды модернизации. В нынешнее время бизнес стал приспосабливаться к сложившимся культурным особенностям. Особенно это касается тех стран, в которых он существует или переносится.

Национальные особенности деловых культур наиболее ярко проявляются в ситуациях кросс-культурных контактов и часто служат причиной непонимания, неприязни, негативного отношения. Деловая культура обладает сильной инерционностью, процесс развития ее основан на сохранении преемственности [4, с. 72–77]. Важнейшей характеристикой деловой культуры является ее взаимосвязь с внутренней тканью национальной культуры. Кроме того, принципы деловой культуры являются социально одобряемыми в большинстве национальных культур мира. Именно нематериальные элементы национальной культуры являются определяющими в становлении структуры деловой культуры. К ним относят традиции, правила, ценности, нормы, ритуалы, обычаи, модели поведения, язык и символы деловой культуры. Культура выступает как среда, внутри которой происходит функционирование деловой культуры в качестве субкультурного образования. Соответственно, возникает необходимость сделать небольшой сравнительный анализ деловых культур различных стран, а также показать влияние различных факторов национальной культуры на развитие деловой культуры и коммуникации.

Несколько мыслителей, таких как Г. Хофстеде, Тромпенаарс Ф. и Э.Т. Холл, сформулировали основы, в которых делается определение, насколько каждая национальная культура вписывается в сложный спектр взаимодействия. Эти фундаментальные знания могут помочь бизнесменам предвидеть и решать возможные конфликты, вызванные недоразумениями из-за культурных различий. Культурная осведомленность — это ключ к успеху. Г. Хофстеде, и его теория сопоставления культур, в которой наиболее широко известны ключевые культурные различия такие как: индекс дистанцированности от власти; индивидуализм и коллективизм; индекс избегания неопределенности; «мужской» и «женский» тип; краткосрочная и долгосрочная ориентация на будущее; потворство своим желаниям и сдержанность. Например, работники в Азии, Африке, Латинской Америке и арабском мире, скорее всего выкажут гораздо большее уважение своим менеджерам, чем их коллеги в странах таких как Дания, Израиль и Австрия, где подчиненные, как правило, часто ждут команды «сверху» и не проявляют собственной инициативы.

Большой проблемой, на сегодняшний день, является недопонимание между Западной и Восточной деловыми культурами. Россия, на наш взгляд, стоит между этими двумя огромными пластами. Например, западные бизнесмены, при общении думают в основном о себе. Им важно донести свою точку зрения до собеседника, а иногда даже навязать ее. Такая тенденция наблюдается и в России. В Японии бизнесмен всегда подчеркивает, что ему хочется узнать вашу точку зрения. Что же касается Китая, то они уважают чужие культуры и их достижения, но не считают их равными своей культуре и достижениям, во всем стремятся доминировать. Собственные приоритеты и ценности китайцы ставят гораздо выше чужих, и редко слушают мнение других людей, делают все по-своему.

То, как люди убеждают других и какие аргументы приводят, на прямую зависит от национальных религиозных, философских, образовательных традиций. Западный руководитель выстраивает цыпочку четких доводов и аргументов, интересуется мнением коллег и служащих. В Японии принят коллективный порядок принятия решений, все люди разделяют ответственность за результат и чувствуют свою сопричастность. В Китае руководитель — главное лицо и принимает решения самостоятельно, в дальнейшем отдает распоряжения сотрудникам, которые должны беспрекословно их исполнять. В России царит самодержавие: я — начальник, как сказал, так и будет.

В Западной культуре четко выражен индивидуализм. Там царит утверждение: «каждый получает по способностям». Для западного бизнесмена важно повысить свой материальный и социальный статусы. Поэтому в западных компаниях кипят страсти, ведь там есть всегда лидеры, которые быстро поднимаются по карьерной лестнице и аутсайдеры, которые считают, что их недооценивают. В западной культуре существует принцип: каждый должен добиться успеха, и победитель получает все!

В России каждый привык тянуть одеяло на себя.

В Японии превалирует коллективизм. Здесь не встретишь кричащего различия между богатыми и бедными, интеллектуалами и простыми людьми, здесь нет острых социальных конфликтов. У японцев существует четкое понимание того, что все они — члены одного сообщества, поэтому никого нельзя обижать.

Религия с играла большую роль в становлении деловой культуры. Протестантизм требовал рациональной власти над миром, что было невозможно без преобразования себя и мира. Конфуцианский рационализм отставил давно сложившийся образ справедливости, который следовало поддерживать. И даже сейчас, прежде чем приступить к переговорам, китайцы все основные вопросы предварительно решают через посредников. Ведь в таком случае не они, а посредник несет ответственность за надежность компании [2].

Говоря о такой восточной религии, как Конфуцианство, важно отметить, что данная религия учит тому, что человек должен во всем придерживаться середины. Данное правило следует соблюдать по отношению к другим людям, «стараясь не причинять другим того, чего себе не желаешь. Справедливость и честность, верность себе и своему слову, искренность как основа мирных и добрых отношений в общественной жизни и средство к устранению недоразумений, послушание и почтительность к старшим, кротость, терпение и вежливость ко всем без исключения непосредственно связаны с серединой, или гармонией» [6, с. 43].

Конфуцианство направляло людей на добросовестное отношение к делу. «Трезвые китайские головы» с древних времен считали очень важными вопросами развитие производства, бережливое расходование средств и устранение злоупотреблений в управлении. Для восточной

традиции, например, характерны такие ценности, как единство общества и человека, семья и уважение к родителям и старшим, самосовершенствование личности, гармония в межличностных отношениях, скромность. Эти признаки сохраняются и в деловой культуре, и в деловом языке. Часто это проявляется в излишнем аскетизме языка и интерпретируется, как недоверие ко всем представителям иных деловых культур.

Отношение протестанта к труду, к бизнесу во многом предопределила идея профессионального призвания, исходя из которой богатство морально оправдывается. Протестантские догмы осуждают желание быть бедным. Протестантизм способствовал распространению духа предпринимательства, рационализма, прагматизма, заострял внимание на качестве труда. Американцы привыкли воспринимать каждую фразу дословно. Ирония, скрытый смысл или языковые изыски сбивают их с толку.

В Православии, равно как и в Христианстве, труд (дело) становится своего рода деятельной молитвой и только тогда приобретает смысл, ведь он становится средством совершенствования, одухотворенности мира и человека [7, с. 85]. В данной религии обогащение подвергается осуждению. Христианское отношение к труду С. Н. Булгаков выразил так: «... поскольку христианство велит каждому блюсти в себе свободу от хозяйства, не допуская свободе до конца овладевать сердцем, повелевая оставаться духовно свободным от хозяйства при всяком хозяйственном строе, на столько же решительно оно никому не позволяет освобождать себя от труда под тем или иным предлогом» [1]. Это доказывают пословицы: «работа не волк, в лес не убежит», «от работы кони дохнут».

Местоположение страны тоже играет значительную роль в становлении деловой культуры и манеры общения.

В Японии важным фактором является ограниченность территории и изолированность от событий происходящих на материке. Для японцев характерна высокая степень оседлости, они жили на одном месте, научились тщательно прорабатывать ближнее пространство. Люди жили на ограниченном пространстве и даже не имели необходимости торговать. Им хватало всего. Соответственно, в манере общения нет никакой напористости или агрессии.

Многие исследователи полагают, что основные черты российской культуры и менталитета народа связаны с природными факторами. Так, Р. Льюис считает, что основными факторами формирования менталитета русского народа являются суровый климат и огромные пространства [8]. Ландшафтные условия (непроходимые леса), особенности климатической зоны (короткое суровое лето), особый вид хозяйственной деятельности славян (подсечное земледелие) предполагали только групповую деятельность, не позволяя развиваться индивидуальному земледелию, и как следствие, лишали индивида возможности существовать вне общины [5].

В Европе было развито скотоводство, требующее больших территорий и предполагающее постоянное пе-

ремещение. Европа все время стремилась к экспансии. Велись большие географические открытия, захватывались новые земли. Это выработало привычку к миграции и охоту к перемене мест.

Важно также отметить, что даже в своей стране бизнесмены и предприниматели отличаются в силу своего регионального расположения. Например, московский и сибирский бизнесмены; предприниматель из Техаса и Нью-Йорка. Так же существуют и дополнительные различия: тип предпринимательской сферы, масштаб сделки, возраст, образование и даже пол. Поэтому требуется разработка новых стратегий, ориентированных на активизацию не только национально-культурных потенциалов

общества, но и психических, ментальных и духовных внутриличностных ресурсов каждого человека. Это предполагает изучение не столько приспособления людей к иную культурную среду, сколько их включение в интегративные процессы, имеющие место в межкультурном взаимодействии, ориентированном на организацию поведения личности не только в стабильных, но в первую очередь — в неравновесных мультикультурных ситуациях. Нельзя не согласиться и с тем, что в большей степени деловые отношения между представителями разных стран зависят и от близости их культур. Необходимо также преодолевать кросс-культурные барьеры посредством глубокого исследования культуры партнера [9, с. 201].

Литература:

1. Булгаков, С. Н. Философия хозяйства / С. Н. Булгаков. // Сочинения: в 2 т. — М., 1993. — 603 с.
2. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма. Протестантские секты и дух капитализма. / М. Вебер. // Избранные произведения. — М. 1990. — 808 с.
3. Деловая культура российского общества. / «Круглый стол» ученых // Общественные науки и современность. — 1993. — № 3. — с. 18.
4. Дятлова, Е. В. Деловая культура китайских предпринимателей в России глазами русских современников (рубежи XIX—XX и XX—XXI вв.) / Е. В. Дятлова. // Изв. Алтайского гос. ун-та. — 2011. — № 4. — с. 72—77.
5. Захаров, Н. Л. Специфика социальной системы России. / Н. Л. Захаров. — Ижевск: Изд-во УдГУ, 2000. — 219 с.
6. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. / Ю. Н. Караулов. — 2-е изд., стереотип. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — с. 43.
7. Лапицкий, М. И. Труд и бизнес в зеркале религий. / М. И. Лапицкий. — М.: Изд. дом «Новый Век», 1998. — 144 с.
8. Льюис, Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию: пер. с англ. / Р. Д. Льюис. — М.: Дело, 1999. — 440 с.
9. Михельсон, С. В. Кросс-культурная этика России, Китая и США. / С. В. Михельсон // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Журнал теоретических и прикладных исследований. — 2016. — № 34. — с. 193—203.
10. Михельсон, С. В. Межкультурный диалог — ключ к будущему деловой культуры» / С. В. Михельсон // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. — 2015. — № 1. — с. 142—148.
11. Михельсон, С. В. Память культуры в языке деловых коммуникаций. / С. В. Михельсон // Вестник КрасГАУ. — 2013. — № 10. — с. 282—287.

Селфи: возвращение телесности в киберпространство

Могилевская Галина Исаевна, кандидат философских наук, доцент
Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону)

В статье исследуется феномен селфи, возникший в глубинах постсовременного общества. Автором изучаются особенности киберпространства в ракурсе интереса к селфи как новому явлению тела в пространстве виртуальности.

Ключевые слова: селфи, автопортрет, телесность, киберпространство, постсовременная культура, визуальность, виртуализация

Популярность селфи в настоящее время бьет все мыслимые рекорды, что не может не вызывать вопрос о причинах популярности данного явления. Наибольший интерес вызывает этот феномен у психологов, которые трактуют селфи как проявление нарциссизма,

которому подвержены люди «с истероидной акцентуацией характера, склонных к демонстративному поведению» [1], и некоторые исследователи (К. Томпсон) готовы видеть дальнейшую эволюцию этой естественной потребности в сторону ее усиления. Н. Карр полагает, что

под влиянием технической революции произошло изменение мышления фотографа, который в большей степени склонен производить новости о самом себе, нежели беспокоиться о сохранении памяти.

Простота самофотографирования, не претендующего на передачу внутреннего мира и создания целостного образа, делает затруднительной дефиницию этого понятия, поэтому интересной представляется позиция исследователей, отстаивающих мысль о том, что селфи ничем принципиально не отличается от автопортрета, являясь продолжением многовекового опыта изображения человеком самого себя, что селфи является результатом эволюции автопортрета от наскальных рисунков до шедевров современной живописи и фотографии [2]. Эти ученые полагают, что селфи, будучи автопортретом, представляет собой просто жанр фотографии, и его оценка не может отличаться от критериев оценки иных жанров искусства, и цениться может только по эстетическим соображениям. «Также как и любой популярный жанр не может быть симптомом для какого либо диагноза человека, но может быть симптомом для определения современной культуры и социума» [3]. Так ли уж селфи идентично традиционному автопортрету, или мы имеем дело с феноменом, далеким от искусства, как бы эстетично он не был выполнен. Автопортрет, хоть и является изображением художника, представляет автора, обращенного к Миру, выражает его отношение не столько к своему телу, сколько позиционирует роль автора в общении с Другими, селфи же не обращено ни к кому, кроме самого себя, оно не является коммуникацией, оно позиционирует лишь собственную телесность.

Изучая данный феномен, можно проследить историю селфи, и исходя из генезиса данного явления, попытаться выявить истоки его популярности. Неоднократно отмечалось, что автопортрет в фотографии родился задолго до появления селфи, что Р. Корнелиус в 1839, великая княжна Анастасия в 1914 сделали снимки своей внешности, что в первых автопортретах, сделанных с помощью фотоаппарата, прослеживается стремление к исследованию собственного лица, которое мы видим только посредством зеркала. И не зря в ряде исследований мы встречаем мысль о том, что селфи подчинено нашей потребности в саморедактировании (Дж. Килмер).

Несомненно, причину распространения селфи следует искать в простоте этого явления, ибо создание селфи не требует ни специальной подготовки, ни уникального оборудования. Однако, несмотря на внешнюю незамысловатость данного явления, нельзя не отметить, что популярность селфи трудно объяснить только модой или стремлением человека к самолюбанию. Распространенность селфи следует искать в особенностях постсовременной культуры, которая не только породила этот жанр фотографии, но и особенностями которой он постоянно воспроизводится.

Нам представляется, что селфи в полной мере отразило такие особенности постсовременной культуры как ее вир-

туализацию и визуализацию, в одно и то же время, соответствуя этим тенденциям, и в то же время, споря с ними.

Так, всеобщая компьютеризация и виртуализация превращают материю в номинальный объект, что не могло не сказаться на понимании проблемы телесности, которая ратворилась в виртуальном мире. Компьютерные технологии «загоняют человека в искусственные условия активизации как можно большего числа каналов, раздражающих и пробивающих перцептивную анемию и броню невозмутимости, ... пытаются деформировать как внутреннее, так и внешнее тело человека, его жесты, действия, поступки» [4, с.25]. Киберпространство нивелирует реальное тело, лишая его гендерных характеристик, превращает его в дигитальное тело, в результате чего формируется новая телесность искусственных существ. Эта виртуальная, новая телесность характеризуется отсутствием тела. Сам факт возможности моделирования внешности, модифицирования ее до неузнавания, умножения телесности приводит к такой особенности новой телесности как отсутствие тела как такового. Селфи — это своеобразный протест против новой телесности виртуального пространства, так как киберпространство элиминирует стремление человека к самоидентификации и самовыражению. Массовый человек «в лице селфи стремится покорить виртуальный мир, обжить его. Причем обжить не как абстрактный безжизненный конструкт, а «во плоти», по крайней мере в той «плоти», которая, приняв вид бинарного кода, оказывается перемещенной в Интернет» [5, с.80–81]. Селфи — это представление своего тела, пусть и приукрашенного доступными программами, в киберпространстве.

Виртуальный мир бестелесного отступает перед доминирующими особенностями постсовременной культуры, сориентированной на визуальный образ. В конце XX века произошла деформация социокультурного поля, так называемый, «иконический поворот» (Г. Бём), когда слово уступило место визуализации. В свое время Ж. Кое-Сен, анализируя особенности визуальной и вербальной коммуникации, отмечал принципиальное различие между ними. Философ полагал, что под влиянием визуальной информации происходит изменение самого субъекта, формируется особый мир (иконосфера). Визуальная коммуникация влечет переструктурирование мира субъекта, который в свою очередь, передает виртуальному миру собственную реальность, утрачивая контроль над своим воображением. Вербальное же сообщение не влечет за собой никаких материальных изменений [6].

Культура, отказавшись от рациональности, формирования духовности, заменила дух его противоположностью — телом, воззвав к «новой архаике», когда в центре ментальности и дискурса оказывается тело и плоть» [7, с. 37].

Постсовременное общество представляет телесность как форму самовыражения, будь это проявления сексуальности или особенности имиджа. Постмодернизм выводит духовность за границы самооценки человека, выставляя на первый план представление о себе как о телесном существе, что и предопределяет приори-

теты в принятии важных решений. Поэтому физическая красота превращается в главный способ самореализации человека, в модус автономности и субъективности. Визуальные нарративы занимают все большее место в постсовременной культуре, о чем свидетельствует Instagram, ставший доминирующей формой коммуникации, когда селфи, выложенные в социальную сеть, обретают характер повествования, показывая жизнь тела массового человека. Мир селфи не слишком многообразен, он включает в себя шесть основных видов, когда человек делает снимок рядом со «звездой», показывает себя за тренировкой во время пробежки или в спортивном зале, фотографируя пищу, стол, уставленный блюдами, демонстрируя себя за шопингом, пляжные селфи. Т. е. мир телесности — еда, одежда, даже фотографирование на фоне достопримечательностей — это отказ от Духа, это представление своего физического присутствия, как «Киса и Ося были здесь». Через социальные сети транслируются символы успеха, подтверждающиеся числом лайков.

Следует учитывать тот факт, что селфи изначально предназначены не для личных альбомов, они делаются для размещения в социальных сетях, в том числе и в Instagram. Это тем более удивительно, что социальные сети элиминируют реальную телесность, статусность и возраст, позволяя массовому человеку предстать анонимно, под маской, строго дозируя личную информацию, где человек может сформировать любой образ, где можно приписать себе те черты, которые ему и не присущи [8, с.517]. Селфи в социальных сетях удовлетворяет две потребности, с одной стороны, оно позволяет репрезентировать именно свою, а не новую виртуальную телесность, с другой являть не реальный, а желанный образ.

Для современной культуры свойственен отказ от неспешного созерцания, углубленного восприятия, поиска сущности. Визуальность, будучи ядром постсовременной культуры, порождает новое сознание, для которого характерна фрагментарность, сиюминутность, калейдо-

скопичность. Взгляд скользит по поверхности, образы сменяют друг друга; селфи в полной мере отражает эту новую темпоральность, запечатлевая мгновения тела, но это тело значимо, что и пытаются подчеркнуть с помощью других тел (селфи со звездами), с помощью знаковых событий (селфи на фоне похорон, автокатастроф), с помощью произведений искусства (селфи в музее). Современный человек, протестуя против поглощения телесности в виртуальном пространстве, не обладая способностью проявлять свою духовность, может компенсировать эту растворенность телесности, только подчеркивая значимость тела, возвращая его всеми доступными ему средствами в киберпространство. Потому стоит ли удивляться селфи, сделанными с риском для жизни, ибо представленность своего тела в экстремальных условиях как бы подтверждает право данного тела занять определенное место в киберпространстве.

Отдавая должное психологическому и историческому подходам к анализу селфи, исходя из распространенности селфи в молодежной среде, следует понять, какие особенности современной культуры фундирует этот жанр. Как бы ни привлекали к себе внимания исключительные случаи проявления селфи-мании, когда человек не может прожить день, не делая по 25 снимков и не размещая их в социальных сетях, нельзя данное явление сводить к какой-то личностной девиации, дающей пищу для размышления только специалистам в области психопатологии. Данный феномен культуры повседневности требует от исследователя анализа особенностей современной культуры, создающей условия для его возникновения и развития. Так как культура постсовременности все в большей степени становится визуализированной и виртуализированной, селфи оказалось в нужное время в нужном месте, органически вписавшись в «иконический поворот», превратившись в скорректированную репрезентацию телесности в Сети и став доминирующим методом самовыражения в виртуальном пространстве вообще, и социальных сетях в частности.

Литература:

1. Селфи — мода или диагноз? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/social/2014/07/02/selfi-moda-ili-diagnoz.html> (дата обращения: 04.07.2016)
2. Кандаурова, А. От Спаса Нерукотворного к селфи [Электронный ресурс]. URL: <http://chrdrk.ru/weekend/2015/6/11/selfie/> (дата обращения: 04.07.2016)
3. Гринькова, Е. А. Селфи — взгляд на историю культурного феномена // Современные научные исследования и инновации. — 2015. — № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/01/40930> (дата обращения: 04.07.2016)
4. Савчук, В. Конверсия искусства. — СПб.: Петрополис, 2001. — 288 с.
5. Б. Г. Соколов Реванш новоевропейского субъекта: селфи // Вестник СПбГУ. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. — 2016. — Вып. 1 — с. 72–81
6. См.: Cohen-Seat G. Problemes actuels du cinema et de l'information visuelle. P.: Presses Universitaires de France, 1959.
7. Тульчинский, Г. Л. Слово и тело постмодернизма: от феноменологии невменяемости к метафизике свободы // Вопросы философии. — 1999. — № 10. — с. 37.
8. Могилевская, Г. И. Социальные сети как актуальный способ самовыражения массового человека // Молодой ученый. — 2012. — № 4. — с. 517–520.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Историко-иконологический метод установления истории бытования иконы в Русском Православном храме

Агапова Оксана Владимировна, магистр;

Скворцов Александр Игнатьевич, кандидат искусствоведения, профессор

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Статья посвящена исследованию характера бытования храмовой иконы «Всех скорбящих радость» конца XVIII — начала XIX века из собрания Успенского кафедрального собора XII века города Владимира. Предлагаемый метод изучения базируется на системном анализе комплекса историко-архивных и иконологических материалов и проливает свет на глубокую связь памятника с социально-экономическими, культурными и художественными процессами в жизни России.

Ключевые слова: русская иконопись, Богоматерь «Всех скорбящих радость», иконология, атрибуция

В ходе консервационно-реставрационных мероприятий было установлено, что икона «Всех скорбящих радость» неоднократно поновлялась и имеет два слоя разновременных записей. Художественно-стилистический анализ раскрытого изображения позволил определить время написания иконы: конец XVIII — начало XIX века. В связи с этим стало ясно, что произведение имеет давнюю историю бытования в храме, и всегда было особо почитаемым.

Для восстановления истории бытования иконы использовано несколько методических подходов к разрешению проблемы: во-первых, материал рассмотрен в контексте ремонтно-восстановительных работ в соборе; во-вторых, проведен анализ архивных материалов по памятнику и, в третьих, изучена иконология произведения. Параллельно разрешались вопросы происхождения иконы и её историко-художественной оценки.

Изучение истории Успенского собора позволило установить условно три периода бытования иконы в интерьере: конец XVIII — первая половина XIX века; 1860—1940-е годы и 1940—2010-е годы.

Икона имеет большой размер - 114×55 см, а после её поновления — 114×76 см. Поэтому она могла использоваться только как храмовый настенный или настольный образ, выполненный по заказу. Обильное использование золочения и серебрения, а также следы существования предшествующего наборного оклада говорят о вложении существенных средств на её создание.

Значимым событием в истории Успенского собора, с которого следует начать исследование, является приезд во Владимир императрицы Екатерины II. Она посетила

собор 23 июня 1767 года и заметила его ветхость, бедность украшений. В 1768—1774 годах был сооружен новый иконостас, выдержанный в пышных формах елизаветинского барокко. На благоустройство собора, как известно, было выделено 14 000 рублей серебром, употребленных только на устройство нового иконостаса и резных элементов интерьера. Следовательно, рассматриваемая икона еще не могла быть написана в указанное время.

Общественное сознание России в XVIII и XIX веков было сугубо религиозным. Люди ежедневно посещали церковную службу, соблюдали посты, благоговейно поклонялись святыням — святым мощам и чудотворным иконам. Образ Богоматери «Всех скорбящих радость» пользовался особым почитанием как в народе, так и в царской семье. В Петербурге в 1771 году началась эпидемия оспы, которой заболел цесаревич Павел [6, с. 133]. Екатерина II дала обет сходить пешком в церковь «Всех скорбящих радость» и поклониться чудотворной иконе. Образ помог императрице в борьбе с эпидемией, которая свирепствовала по стране. После данного случая стали создаваться и распространяться многочисленные списки и новые изводы иконы. Эпидемия в 1771 году была и во Владимире. Болезнь длилась около двух месяцев. Предположительно, рассматриваемая нами икона появилась в кафедральном соборе спустя некоторое время. Она могла быть создана только после устройства иконостаса в 1774 году и должна была поддерживать стиль окружающих её художественных произведений.

В 1806 году была разрушена шатровая соборная колокольня, после чего проводился активный сбор средств на её восстановление. В 1808 году крестьяне села Ставрово

Данило Архипов сын Баженов и Иван Филиппов приняли подряд на строительство новой каменной колокольни [3, Л. 171]. Все силы и средства были направлены на её постройку. Поэтому в 1808–1810 годы исследуемая икона уже не могла быть написана.

Важные данные на поставленный вопрос дали описи церковного имущества. Наиболее ранняя Опись Успенского собора, на интересующий нас период, была выполнена в 1811 году. Она прикладывалась к Указу обязанностей пономарей и сторожей от 28 ноября 1811 года [3, Л. 125]. Полное её название «Краткая опись находящихся в большом Успенском соборе на образах серебряных, жемчужных и прочих драгоценных вещей, учиненной для верхней снятия по оной среднем сторожем при смене другим». В списке икон, подлежащих систематическому осмотру, под порядковым номером 13 указана икона «Всех скорбящих радость»: «На стене по правую сторону на образе Скорбящей Богоматери венец серебряный». То есть она размещалась в южной части храма. Подтверждает это и нижеследующий перечень находящихся там икон, например, образ Максимовской Богоматери. Как описывается в письменных источниках, он находился над гробницей митрополита Максима, захоронение которого расположено у юго-западного столпа. Исследуемая икона «Всех скорбящих радость» и одновременно икона, указанная в описи, имеют общую деталь — серебряный венец. Поэтому она, скорее всего, может являться искомой иконой.

Новый период обновлений в соборе отмечен в 1818–1820 годы. Было выполнено поновление живописи в алтаре храма — на стенах и своде [3, Л. 506]. В архивных документах сохранился «Реестр живописцев возобновлявших живопись» [3, Л. 508]. В следующем общем реестре указано, что «за живопись» штатному служителю Ивану Строкину 50 рублей [3, Л. 507]. Также документально известно, что проводилось изготовление резной рамы для размещенной в соборе картины «Крещение» (1812) итальянского художника Сальватора Тончи и её золочение [3, Л. 430], были позолочены также два балдахина над плащаницей и гробницей митрополита Максима [3, Л. 514, устроены и обложены серебром гробницы Святых князей Андрея Боголюбского и сына его Глеба. Также проводились ремонтные работы по фасадам и стенам храма.

Можно предположить, что в это время было выполнено поновление крайне разрушенных икон, в числе которых была и икона «Всех скорбящих радость». Именно к этому периоду нами была отнесена первая запись иконы.

В собрании дел Владимирской Духовной консистории за 1809–1839 годы, хранящихся в ГАВО, имеется Опись церковных ценностей и имущества собора за 1820 год [3, Л. 547]. В разделе «Образа на стенах и столбах» под номером 9 значится образ «Скорбящей Богоматери — на нем венчик серебряный» [3, Л. 556]. В описи не приводятся размеры икон, однако прослеживается порядок их месторасположения. Икона указана между образами

«Св. вмч. Георгий» — «венец и цата медные» и «Видение Максимом митрополитом Греком Пресвятой Богородицы». Они могли размещаться только с южной стороны, рядом с ракой с мощами князя Георгия и гробницей митрополита Максима. Иконы «Св. князь Георгий» и Богоматерь «Всех скорбящих радость» числятся по списку друг за другом и, вероятнее всего, располагались рядом не случайно. Богородица предстает как заступница и помощница страждущим, сиротам и убогим, обиженным и угнетенным. Князь Георгий Всеволодович является покровителем воинов и защитником. Войны и нападения врагов были частым явлением. В ходе военных действий было много убитых, раненых и калек. Поэтому иконы «Всех скорбящих радость» и «Св. князь Георгий» пользовались спросом и были особо почитаемы. Реконструкция предположительного месторасположения икон в интерьере собора по Описям за 1811 и 1820 годы показала, что икона располагалась в юго-западной части храма и находилась недалеко от входа-выхода из собора. Необходимо отметить, что икона располагалась рядом с теплым приделом Св. князя Георгия, что позволяло круглогодично подходить к иконе, а не только в летний период, когда был открыт основной объем Успенского собора.

Почитание Св. князя Георгия усилилось в 1850-е годы в связи с военными компаниями России. В 1852 году была обложена серебром правая сторона раки святого, а конец 1850-х годов ознаменован возведением теплого придельного храма в его честь. Придел был построен с северной стороны от основного объема Успенского собора в 1860 году по проекту владимирского епархиального архитектора Н. А. Артлебена. По рисункам того же архитектора мастером Шороховым был устроен предалтарный иконостас. Для украшения придела туда были перенесены некоторые иконы из основного собора.

Иконописная семья Шороховых упоминается во многих документах. Её мастера приглашались для поновления икон и стеновых росписей с 1849 года. Они принадлежали к династии художников-иконописцев, мастерская которых находилась в Боголюбове. Мастерская Шороховых выполняла заказы любой сложности и манеры письма, хорошо владела столярным делом, проявившимся в создании резных иконостасов. Изучаемая нами икона была поновлена, вероятнее всего в 1860-м году под новый оклад 1861 года. Дата изготовления оклада к иконе совпадает со временем постройки придела. На иконе были наращены боковые доски составного щита и выполнены новые шпонки. Работа проведена на высоком профессиональном уровне: хорошо подобрана толщина и обработана поверхность основы. На лицевой стороне иконы выполнены записи красочного слоя, которые скрывали вставки грунта в местах его утрат и наращенные доски. Предположительно, работа по поновлению иконы проводилась в мастерской Шороховых.

По замыслу архитектора, Георгиевский придел образцовывал центральную ось, направленную с севера на юг и объединял весь ансамбль. Прихожане входили с со-

борной площади, пересекая колокольню, Георгиевский придел и заходили через северную дверь в Успенский собор. Во время архитектурной реставрации Успенского собора в 1887—1891 годах вход в предел был перенесен на западную сторону. В связи с этим изменилась пространственная ориентация интерьера храма, порядок развески икон. В подрядном документе от 12 октября 1890 года Лев Париллов обязывался провести художественные работы в Георгиевском приделе: расписать своды, столбы и все окна орнаментами [1, Л. 38]. Вероятно, после росписи интерьера была частично изменена развеска икон, существовавшая на момент открытия придела в 1860 году. Поэтому невозможно вынести однозначного представления о первоначальном оформлении интерьера Георгиевского придела и нахождении там иконы «Всех скорбящих радость».

Следующая Опись церковных ценностей в Успенском соборе и Георгиевском приделе проводилась в 1894—1896 годах. Данные вносились в специальную описную книгу типографского образца. Согласно данной описи в Георгиевском приделе находилась икона «Божьей Матери всех скорбящих радость» (№ 17) «с венчиком серебряным позлащенным, в венце два простых камешка. Весу в оних с камнями 22 золотника, длина 1 аршин 12 вершков, ширина 17 вершков» [2, Л. 149]. Размеры иконы даны в древнерусской системе исчисления, поэтому, переведя в сантиметры, нами были получены следующие величины: высота — 123,8 см, ширина — 74,6 см. Сопоставив полученные и исходные размеры иконы (114×76 см) было выяснено, что ширина иконного щита почти схожа, а высота больше на 10 сантиметров. На иконе из описи имеется серебряный позолоченный венец, как и на окладе исследуемой иконы «Всех скорбящих радость». Таким образом, икона, указанная в Описи 1894—1896 годов, является искомым произведением.

По описи икона Богородицы находилась «по левую сторону амвона», после третьего столпа, то есть на восточной стене северо-восточного угла у северного входа в придел из колокольни. Рядом располагались иконы: «Виленской Богородицы», «Владимирских Чудотворцев» и «Нечаянная радость». Данные образы являлись наиболее почитаемыми в народе, поэтому были собраны вместе и располагались у входа (выхода) с северной стороны по оси север-юг. При этом её литургическое значение было сохранено. Икона Богородицы «Нечаянная радость» числилась за Успенским собором в Описи 1820 года и была в числе перенесенных в Георгиевский придел. В Описи 1894—1896 годов приводится описание украшений иконы, где «в двух клеймах золотыми буквами сказано о чуде, бывшем от этой иконы» [2, Л. 157 об.]. Приведенное уточнение, подчеркивает особую значимость указанных икон, а размещение у входа — потребность в широком обращении к ним прихожан.

Новый этап в бытовании иконы отмечен после 1917 года. Успенский собор поступил в ведение Главмузея Наркомпроса и Владимирского музея, которыми стало

активно и неоднократно изыматься церковное имущество. Имеется Опись Георгиевского придела 1923 года [4, Л. 59]. В северо-восточном углу на восточной стене находились иконы «Всех скорбящих радость» и «Нечаянная Радость». Размер иконы «Всех скорбящих радость» равен 1 аршин 12 вершков на 1 аршин 1 вершок, что составляет 123,8×75,4 см. Данные параметры близки к размерам изучаемой иконы с окладом. Проведя сравнительный анализ расположения икон в объеме Георгиевского придела по Описям 1894 и 1923 годов, было выявлено, что месторасположение иконы «Всех скорбящих радость» и рядом находящихся икон совпадает. Из этого следует, что на протяжении 27 лет иконы не меняли своего размещения. В Описи 1894—1896 годов в примечании к иконе «Всех скорбящих радость» значится, что она 17 мая 1922 года была взята на учет ГубКомом и оставлена в храме.

В 1924 году придельный храм Георгия передали музею, который первоначально использовал его под склад, а затем под антирелигиозный отдел. Предположительно, иконы со стен и столбов были сняты и убраны в ризницу, находящуюся на хорах Успенского собора.

Собор вновь был открыт для верующих только в 1944 году. Началось активное восстановление памятника. Постепенно проводилось обновление и его интерьеров. Из церковной ризницы возвращались сохранившиеся произведения. Иконы и утварь привозились из других мест, а также передавались прихожанами в дар, так как более чем за 20 лет пустования храма его внутреннее убранство было разорено. Предположительно, в данный период вернулась в интерьер Георгиевского придела и икона «Всех скорбящих радость».

В архиве ОАО «Владимирреставрация» хранится «Опись объектов, имеющих культурную ценность, находящихся в пользовании религиозных объединений», составленная 1 февраля 1984 года [5]. Она состоит из двух книг — собственно Описи и альбома с черно-белыми фотографиями ряда вещей. Интересующая икона Богородицы «Всех скорбящих радость» была найдена в списке культурных ценностей Георгиевского придела. Она указана на восточной стене под порядковым номером 444. Наименование и размеры иконы в Описи отличны от настоящих. В Описи икона числится как «Богородица Облачная» (124×87 см). Настоящее же название образа — Богородица «Всех скорбящих радость» (114×76 см). Составители Описи датировали икону первой половиной XIX века, техника исполнения — дерево, масло; оценочная стоимость — 400 рублей. В фотоальбоме к Описи приводится снимок иконы в имеющемся ныне окладе. Во время учета ценностей, то есть на 1984 год, икона «Всех скорбящих радость» располагалась сверху на втором с юга столбе Георгиевского придела. Икона находилась перед иконостасом, что также подчеркивало её значимость, сохранявшуюся на протяжении двух столетий.

Анализ фотографий, приложенных к Описи, позволяет отметить чрезмерное изобилие икон в объеме Георгиев-

ского придела. Из устного повествования работников собора следует, что последнее заметное изменение иконописной экспозиции в приделе было начато с назначением во Владимирскую епархию в 1990 году нового епископа Евлогия, по распоряжению которого интерьер привели в порядок, упорядочили количество и систематизировали развеску икон. На фотографии 2001–2002-х годов интерьера придела, опубликованной в книге А. И. Скворцова «Наследие земли Владимирской: Монументальная живопись» (2004), икона «Всех скорбящих радость» размещалась на первом предиконостанном столбе от Успенского собора и была обращена к западному входу. Она была перемещена на соседний столб с южной стороны, где и находится до настоящего времени.

В ходе историко-иконологического исследования памятника установлено, что икона происходит из главного храма и лишь впоследствии была перенесена в придельный. Но в литургическом пространстве двух храмов она всегда занимала важное место, поскольку находилась недалеко от входа-выхода и становилась первоочередной для поклонения. Смысловая и идеологическая нагрузка, скрытая уже в самом названии иконы, делали ее особо почитаемой и понятной для всех прихожан. Более чем двухсотлетнее пребывание иконы в сакральном пространстве храма — живое отражение глубочайших событий в жизни русского общества, свидетельство социальных потрясений и духовных прозрений в нем, установление его нравственных, религиозных и культурных ориентиров.

Литература:

1. ГАВО., Ф. 593. Оп I. Д. 20.
2. ГАВО., Ф. 593. Оп I. Д. 41.
3. ГАВО., Ф. 593. Оп I. Д. 44.
4. ГАВО., Ф. 1826. Оп I. Д. 40.
5. Власов, И. И., Михалкин, В. И. Описание объектов, имеющих культурную ценность, находящихся в пользовании религиозных объединений / Рукопись. Кн. 1–2. — Владимир; 1984. — Архив ОАО «Владимирреставрация». Ж-Вл-6. Инв. № 16716, 16906.
6. Иконопись эпохи династии Романовых. Собрание Виктора Бондаренко / сост.: Бекенева Н. Г., Горшкова В. В., Красилин М. М., Сосновцева И. В. / Альбом. — М.: КремлинАрт, 2008. — 460 с. — ISBN 978–5–91002–026–3.

ФИЛОЛОГИЯ

К вопросу о художественном своеобразии повести В. Раабе «Хроника Воробьиного переулка»

Блинова Инга Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

«Хронику Воробьиного переулка» (нем. «Die Chronik der Sperlingsgasse») можно рассматривать как в некоторой степени автобиографическое произведение немецкого писателя, представителя поэтического реализма 19 века Вильгельма Раабе. Отметим, что эта повесть принесла автору настоящий писательский успех.

В 1854 году вольнослушатель Берлинского университета Вильгельм Раабе приехал в Берлин, снял комнату в доме № 11 в переулке Шпрегассе и через полгода, потрясенный социальными контрастами прусской столицы, приступил к работе над рукописью. В повести переулочек получит название «Шперлинггассе» — «Воробьиный переулочек». Не только потому, что эта маленькая птичка — постоянный и привычный спутник большого и малого города. В калейдоскопе «Хроники» перед читателем предстают судьбы жителей Воробьиного переулочка: на первый взгляд ничем не примечательных, — подобно серым воробушкам, — простых, трудолюбивых, большей частью бедных людей, которые, несмотря на жизненные тяготы, нужду и вечные заботы, умеют радоваться новому дню и находят свое счастье в замкнутом мирке мещанского квартала.

Ведущий критик «Фоссише цайтунг» («Газеты Фосса») Л. Рельштаб дал весьма высокую оценку повести, первоначально опубликованной под псевдонимом Якоб Корвинус: *Ein reizendes Buch, warm wie die Märzsonne, die uns über die Blumenbretter ins Fenster schaut, heiter wie der Frühlingshimmel, doch zugleich sinnvoll ernst, mild melancholisch wie ein Herbstsonnenuntergang* [2, с. 432]. — *Восхитительная книга — теплая как мартовское солнце, которое светит нам в окно сквозь зелень цветов на подоконнике, радостная как весеннее небо, но в то же время полная серьезных мыслей и умеренно печальная как осенний закат* (перевод наш — И. Б.).

С точки зрения жанровой принадлежности «Хронику Воробьиного переулочка» принято называть повестью. Правомерным такое определение делают следующие признаки: небольшой объем произведения, отсутствие чет-

кого разграничения между главными и второстепенными персонажами, хроникальные сюжет и композиция, преобладание статических компонентов произведения. В повести в форме дневниковых записей и с помощью приема воспоминаний описываются явления жизни из прошлого и настоящего, свидетелями которых были рассказчик и/или другие герои «Хроники».

На первых страницах повести В. Раабе, говоря словами профессора Вахгольдера, жителя Воробьиного переулочка, главного героя «Хроники», ее «автора», особо отмечает: *Ich schreibe keinen Roman und kann mich wenig um den schriftstellerischen Kontrapunkt bekümmern; was mir die Vergangenheit gebracht hat, was mir die Gegenwart gibt, will ich hier, in hübsche Rahmen gefaßt, zusammenheften* [3, с. 11]. — Я пишу не роман, и меня мало волнует литературный контрапункт; то, что мне принесло прошлое, то, что мне дает настоящее, я хочу скрепить здесь, поместив в красивую рамку (перевод наш — И. Б.). Фраза «Ich schreibe keinen Roman» выполняет смыслообразующую и разъяснительно-пояснительную функции, дает автору неограниченную свободу повествования, позволяет использовать самые разнообразные техники подачи сюжетной информации: от прямого воспроизведения мыслей и чувств персонажей и диалогов до чтения чужого письма. При этом в произведении отсутствует строгость содержания. Автор не заботится о стройности композиции: *Ich weile in der Minute und springe über Jahre fort: ich male Bilder und bringe keine Handlung; ich breche ab, ohne den alten Ton ausklingen zu lassen: ich will nicht lehren, sondern ich will vergessen, ich — schreibe keinen Roman!* [3, с. 66]. — Я задерживаюсь на одной минуте и перескакиваю через годы; я рисую картины, но не развиваю действие; я прерываю рассказ, прежде чем он успел отзвучать: я не хочу поучать, но хочу забыть; я пишу не роман! (перевод наш — И. Б.). С ручейком сравнивает рассказчик свою летопись: *Einem Wässerchen will ich diese Chronik vergleichen <...>* [3, с. 20]. Автору важно познакомить читателя с историями обитателей здешних мест: с историями печальными, часто трагическими, сен-

тиментальными, порой забавными. Автору важно показать благородные душевные качества простых людей, их чувство человеческого достоинства, отзывчивость, трудолюбие. Повествование от первого лица придает повести интимный, субъективный и лирический характер. Основной тон повествования — умиротворенный, сердечный, неторопливый, часто юмористический. Благодаря специфическому типу повествования — сказу — создается ощущение живого разговора, «тихой беседы». Этому способствуют, помимо всего прочего, многочисленные синтаксические включения: обращения (Sieh! Beugt! Schaffe weiter! Lass sie sprechen! Horch! Leb wohl!), междометия (Oh, Ach, Pah, Hurra! Bravo! Holla! O je, o je!), а также восклицания (Ehrlicher alter Bursch! Arme, arme Mutter! Welch ein Tag! Wie die Jahre kommen und gehen! O glückliche Kindheit! O wie schön! Himmel!).

Пространственно-временная модель «Хроники» характеризуется четкостью пространственной локализации и размытостью временных рамок и представлена как бы двумя параллельными планами, связанными друг с другом, как правило, лишь рассказчиком и, в нескольких случаях, датой (т.е. совпадают дата дневниковой записи и дата описанных событий, например 2 декабря — день смерти Марии).

Первый план находит выражение в дневнике профессора Вахгольдера, охватывающем конкретный временной отрезок с 15 ноября по 1 мая. Место действия — Воробьиный переулочек и его окрестности. Пространственные и временные координаты второго плана, организующие художественный образ воспоминаний, не вполне конкретизированы. Они прерывны и часто выражены имплицитно. Их понимание требует определенное ментальное усилие читателя. Так, например, в следующем отрывке время предельно уплотняется, теряет свойство текучести, становится художественно-зримым: *Ich lebe durch kurze Jahre von schmerzlich süßem Glück; ich sehe während dieser Jahre eine feine blondlockige Gestalt lächelnd, wie unser guter Genius, Franz und mich umschweben und ihre schützende Hand ausstrecken über seine leicht auflodernde Wildheit und meine hinbrütende Traurigkeit; — ich sehe bald ein kleines Kind — Elise genannt in den Blättern dieser Chronik — des Abends aus den Armen der Mutter in die des Vaters und aus den Armen des Vaters in die des Freundes übergehen, mit großen, verwunderten Augen zu uns aufschauend* — [3, с. 17]. — *Я снова проживаю эти короткие годы щемяще-сладкого счастья; на протяжении этих лет я вижу нежный образ с белокурой локонами, который, как наш добрый ангел-хранитель, с улыбкой кружит надо мной и Францем, протягивая ладони и оберегая его легко вспыхивающую страсть и мою зарождающуюся печаль; — вскоре я вижу маленького ребенка, — прозванного на страницах этой хроники Элизой, — переходящего из рук матери в руки отца, а из рук отца в руки друга и глядящего на нас большими удивленными глазами* — (перевод наш — И. Б.). С целью до-

стижения эффекта уплотнения и компактного, но в то же время образного изображения прошлого автор употребляет конструкцию *accusativus cum infinitivo*, где глагол *sehen* стоит в настоящем времени. Сложное предложение делает возможным разнообразие связей и зависимостей между временными, причинно-следственными явлениями действительности. Большую роль играет при этом графическое оформление высказывания, а именно знаки препинания: точка с запятой и тире. Тире выполняет функцию своеобразных временных вех. Создается впечатление «просмотра» кадров из прошлого.

Одним из аспектов художественного своеобразия «Хроники» является наличие несколько типов проблематики. Наряду с социокультурным типом существуют также национальная, философская и идейно-нравственная проблематика. Исторический фон (наполеоновские войны, революция 1848 г., период Реставрации) и признаки романной проблематики (история любви Иоганнеса к Марии, Густава и Элизы, параллель «дядя Вахгольдер и Элиза») играют важную роль, создают содержательное своеобразие и влияют на стилиобразование произведения. В повести имплицитно упоминаются Крымская война 1853–1856 годов («*Auf der Ferne liegen blutig dunkel die Donnerwolken des Krieges*»), война между Грецией и Турцией 1827–1828 годов («*<...> was geht mich die Orientalische Frage an und der General Sabalkanskoi und die Schlacht bei Navarino?!*»), эпидемия холеры в середине 18 века («*<...> und über die Nähe haben Krankheit, Hunger und Not ihren unheimlichen Schleier gelegt <...>*»). Несколько раз автор обращается к теме эмиграционной волны в Америку («*<...> sie haben ihn im Jahr Achtzehnhundertundneunundvierzig nach Amerika gejagt <...>*»).

В срезе философской проблематики интерес автора направлен на осмысление закономерностей бытия человека, общества и природы, как в онтологическом, так и в гносеологическом аспектах. Например, в записях от 3 декабря можно найти размышления о человеческой жизни: *Sieh um dich, Johannes: Verkehrt auf dem grauen Esel «Zeit» sitzend, reitet die Menschheit ihrem Ziele zu. Horch, wie lustig die Schellen und Glöckchen am Sattelschmuck klingen, den Kronen, Tiaren, phrygische Mützen — Männer- und Weiberkappen bilden. Welchem Ziel schleicht das graue Tier entgegen? Ist's das wiedergewonnene Paradies, ist's das Schafott? Die Reiterin kennt es nicht; sie — will es nicht kennen! Das Gesicht dem zurückgelegten Wege, der dunkeln Vergangenheit zugewandt, lauscht sie den Glöckchen, mag das Tier über blumige Friedensauen traben oder durch das Blut der Schlachtfelder waten sie lauscht und träumt! Ja, sie träumt. Ein Traum ist das Leben der Menschheit, ein Traum ist das Leben des Individuums. Wie und wo wird das Erwachen sein?* [3, с. 25] — *Посмотри, Иоганнес: сидя задом наперед на сером осле, по кличке «Время», скачет человечество навстречу своей цели. Прислушайся, как весело звенят бубенцы и колокольчики*

на седле, украшенном коронами, тиарами, фригийскими колпаками, другими мужскими и женскими головными уборами. Куда движется серое животное? К вновь обретенному раю или на эшафот? Наездник этого не знает, вернее, не хочет знать! Взор обращен к пройденному пути, к темному прошлому, ухо чутко ловит звон колокольчиков; скачет ли зверь галопом по покрытым цветами мирным лугам, или бредет по залитым кровью полям сражений — всадник внимает звону и грезит! Да, он грезит. Сон — есть жизнь человечества, сон — есть жизнь человека. Каким и когда будет пробуждение? (перевод наш — И. Б.).

Специфический аспект мещанской действительности осмысливается, прежде всего, в системе социокультурной проблематики. Автор в специфической мягкой и юмористической манере изображает устоявшиеся, повторяющиеся черты бытия и сознания жителей Воробьиного переулка, которые образуют систему персонажей повести.

Это, в первую очередь, карикатурист Ульрих Штробель — «тот странный высокий человек из дома напротив в заношенном сером драповом пиджаке, с рыжеватой и довольно-таки жалкой шляпой в руке» («*jener sonderbare lange Mensch von drüben, im abgetragenen grauen Flausrock, einen ziemlich rot und schäbig blickenden Hut unter dem Arme*»), «отчаянный бродяга» («*der tolle Vagabond*»), «чьи зарисовки пером были действительно замечательными» («*dessen Federzeichnungen wirklich ganz prächtig waren*»). Небезынтересно, что Карл Хоппе, известный немецкий исследователь творчества В. Раабе, отмечает черты сходства между писателем и его персонажем Штробелем. Кроме художника видное место в повести занимает журналист, доктор философии Генрих Виммер — «долгое время главный герой и паяц Воробьиного переулка» («*eine geraume Zeit der Hauptheld und Faxenmacher der Sperlingsgasse*»), обладатель громового баса и солидного живота, который писал «отличные передовицы и плохие романы» («*der seine guten Leitartikel und schlechten Romane schreibt*»). Доктор Виммер, «который уже тогда не имел денег, но зато чувство юмора и хорошее расположение духа» («*Geld besaß er schon damals nicht, aber viel Humor und guten Mut*»), изгнанный позже властями из столицы Пруссии за свои

дерзкие и оппозиционные комментарии. Емкую характеристику Виммеру дал его давний друг учитель Родер: *Das ist ein sonderbarer Menschentypus: die personifizierte Gutmütigkeit unter dieser tollen, barocken Maske* [3, с. 72] — *Это удивительный тип человека: олицетворение добродушия под этой сумасбродной барочной маской* (перевод наш — И. Б.). И профессор Вахгольдер добавляет: *Und aussterben wird diese Art nicht in Deutschland, solange man noch die Namen: Bier, Romantik und Politik nennen hört* [3, с. 72] — *И подобный тип никогда не вымрет в Германии, пока существуют понятия: «пиво», «романтика» и «политика* (перевод наш — И. Б.).

Но главное место в сюжетной линии повести занимают, бесспорно, Мария Ральфф, урожденная Фолькман и Франц Ральфф — возлюбленная и друг, в одночасье, один за другим ушедшие в вечность. И, конечно же, Элиза Иоганна Ральфф, дочь Марии и Франца, которая «подобно солнечному лучу» озаряла жизнь Иоганнеса Вахгольдера. Именно их имена и образы можно встретить на каждой странице «Хроники Воробьиного переулка».

Среди персонажей второго, но никак не второстепенного, плана назовем «маленькую балерину», чья трагическая судьба никого не оставит равнодушным, «старую Марту» — верную служанку Марии и няню маленькой Элизы, котельщика Маркварта — свидетеля дней минувший и нынешних, плотника Вернера — любителя бесед на политические темы, его тещу Маргарет Карстен — неиссякаемый источник сказок, потешек и историй-воспоминаний, сапожника Бургера, вынужденного с семьей покинуть родину. А еще это Густав Теодор Максимилиан Берг — друг детства Элизы Ральфф и ее будущий супруг. Какими только эпитетами не наделял его профессор Вахгольдер! Это и *der Taugenichts der Gasse*, и *das mauvais sujet*, и *der Faulpelz*, *der Übeltäter*, *der Missetäter*, *der Schlingel*, *der Bengel*, и, наконец, *das Genie*. На страницах «Хроники» место нашлось и для Рецензента — собаки доктора Виммера, «почтенного, черного пуделя».

Так появляется перед читателем галерея образов окраинной улицы столичного города. Так возникает «Хроника Воробьиного переулка» — безыскусная, идиллическая летопись Шпреегассе 50-х годов 19 века.

Литература:

1. Hoppe, K. Wilhelm Raabe als Zeichner. — Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1960.
2. Raabe, W. Sämtliche Werke, Bd.: 1, Die Chronik der Sperlingsgasse. Ein Frühling. — Göttingen, 1965. S. 432.
3. Raabe, W. Chronik der Sperlingsgasse. — Verlag Philipp Reclam jun. Leipzig, 1989.

Трагедия личная и общечеловеческая в романе Жоржа Перека «Исчезновение» («La Disparition»)

Гавришева Галина Петровна, кандидат филологических наук, доцент;
Албанский Владимир Владимирович, студент
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

В статье с позиций герменевтического подхода к анализу текста по Г.-Г. Гадамеру рассматриваются некоторые ключевые аспекты романа «Исчезновение» Жоржа Перека, известного французского писателя и кинорежиссёра второй половины XX века.

Ключевые слова: Жорж Перек, «Исчезновение», герменевтика, Г.-Г. Гадамер, УЛИПО, липограмма

Цель данной статьи: с позиций современного герменевтического подхода по Г.-Г. Гадамеру к анализу литературного текста рассмотреть некоторые ключевые аспекты романа «Исчезновение» [10] известного французского писателя и кинорежиссёра второй половины XX века Жоржа Перека; в частности — выявить амбивалентную роль формы анализируемого произведения, позволяющей интерпретировать фабулу как имплицитно выраженную тему Холокоста, войны и смерти, как трагедию личную и общечеловеческую, которой отмечены биография и творческая судьба Ж. Перека.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: сформулировать актуальность и целесообразность герменевтического подхода; кратко охарактеризовать начальный период творчества Ж. Перека, в частности, его роман «Вещи» и участие в группе УЛИПО; дать определение «липограммы» и интерпретировать выбор формы романа «Исчезновение» его автором; обосновать интерпретацию имплицитного смысла анализируемого произведения фактами биографии писателя.

Изучение литературного произведения, по мнению ведущих отечественных и зарубежных специалистов, на современном этапе имеет тенденцию оформления в самостоятельную отрасль филологической науки. Интерес к литературоведческим исследованиям подтверждается возросшим количеством научной информации в данной области — монографии, статьи, переводы, терминологические словари, каталоги и т.д. В этих условиях первостепенное значение приобретает применение новых методов и подходов к изучению литературы: инструментарий устаревшего стиля научного мышления не даёт возможности углубить существующие представления об объекте научного интереса. В лучшем случае исследователю удастся лишь расширить объём существующих знаний об этом объекте [2, с. 3–4].

Современный принцип системного подхода к изучению литературы представляет собой не метод, а совокупность методов, поскольку каждый из них, если он не претендует на универсальность, может открыть какую-то сторону изучения художественной литературы [2, с. 34–35]. Герменевтика — одна из ведущих когнитивных практик на со-

временном этапе. Именно благодаря герменевтическому подходу к анализу текста следует отметить **актуальность** данного исследования.

«Герменевтика ныне является в ряде стран основой литературоведения и критики, выполняет функцию вскрытия в художественном тексте культурных традиций как сущности человеческой истории» [4, с. 218]. С середины XX века произошёл своего рода «герменевтический ренессанс». Систематизатором герменевтической философии, а в известном смысле создателем универсальной герменевтики является немецкий теоретик Ганс-Георг Гадамер, ученик Мартина Хайдеггера, немецкого философа-экзистенциалиста.

В определении произведения Г.-Г. Гадамер вступает в полемику с предшествующей герменевтикой, в рамках которой произведение рассматривалось как объективная наличная данность, которая таит в себе некую совокупность готовых смыслов, предназначенных для интерпретационного выявления. С точки зрения Г.-Г. Гадамера, произведение не является завершённым, застывшим, готовым, объективно данным. Это становящийся, динамический феномен, который проходит в своём развитии несколько этапов и обладает собственной историей. Согласно учению Г.-Г. Гадамера о художественном произведении, а именно — произведение обладает, это с одной стороны, прошлым, т.е. его создал определённый человек в рамках конкретного исторического контекста, существует изначальная семантика, непосредственно связанная с биографической и культурно-исторической ситуацией его создателя [5, с.81]. С другой — Г.-Г. Гадамер отмечает, что определённый элемент художественной семантики вкладывает в произведение каждый читатель. По Г.-Г. Гадамеру, для понимания произведения факторы его создания не имеют принципиального значения. Только ситуация интерпретатора (а именно читателя, т.к. чтение всегда интерпретативно) обладает значимостью в акте понимания, потому что именно он (читатель-интерпретатор) и обеспечивает произведению его непосредственное воплощение, «вызывая его из небытия» [5, с. 82].

Итак, в рамках заданной тематики настоящей статьи, а также положенной в её основу методики исследования

художественного произведения по Г.-Г. Гадамеру, был выбран в качестве объекта роман Ж. Перека «Исчезновение» (1969). Следует также отметить, что, несмотря на имеющиеся переводы произведений Ж. Перека в литературном пространстве России, его творчество всё ещё остаётся пробелом в отечественном литературоведении.

Жорж Перек (1936–1982), как отмечалось выше, является представителем современной французской литературы второй половины XX века, прозаик, автор повестей и романов. Ж. Перек в молодости живо интересовался литературой и психологией. Он изучал психосоциологию, получил разностороннее образование. Обучался в Сорбонне на филологическом факультете, затем в университете г. Туниса. Кроме того, Ж. Перек также был кинорежиссёром. Самый известный его фильм — «Человек, который спит» (1974), снятый по одноимённому роману, написанному в 1967 г.

Первая книга писателя, которая принесла ему известность, признание критики и одну из самых почётных во Франции премий — «Ренодо» (1965) — это роман «Вещи» («Les Choses»). В нём автор изобразил подлинную картину рождения во Франции 60-х годов общества потребления. Единственным содержанием духовного мира персонажей — молодой супружеской пары — становится приобретение вещей. Смысл истории — подмена понятия «жить» понятием «иметь». Истинным героем становятся вещи. В 60–70-е годы в литературе получает распространение социальный термин — «вещизм» («chosisme»). Писатель осуждает «вещизм» как отрицательную тенденцию французского общества своего времени. Подзаголовок романа — «Одна из историй шестидесятых годов» («Une histoire des années soixante»).

«Социолог по образованию, Ж. Перек предлагает читателю исследование проблемы, имеющей социально-исторический и психологический аспекты» [3, с. 148]. В то же время, современный французский критик, отмечая виртуозное стилистическое мастерство автора, называет эту книгу Ж. Перека данью уважения Гюставу Флоберу, тем более, что и сам автор в своих интервью неоднократно называет Флобера среди тех писателей, которых он больше всего любит и часто перечитывает. В данном случае имеет место интертекстуальность, о чём сам Ж. Перек заявляет, что в своём творчестве он придерживается жанровых и стилистических ориентиров, своеобразных «образцов» («modèles»), таких как — Джойс, Кафка, Флобер, Жюль Верн, Кено, равно как и классиков еврейской литературы [13, с. 305].

Далее выходят такие его творения, как «Что за велосипед с хромированным рулём в глубине двора?» («Quel petit vélo à guidon chromé au fond de la cour?», 1966), «Человек, который спит» («Un homme qui dort», 1967), в 1969 г. выходит роман «Исчезновение».

После успеха первого романа Ж. Перек становится членом группы УЛИПО (1966) (OULIPO — **O**uvroir de **l**ittérature **p**otentielle — Цех потенциальной литературы), которая была создана в 1960 г. писателем Раймоном Кено

и математиком Франсуа Ле Лионнэ. УЛИПО продолжает свою деятельность и сегодня, и находится в поисках новой эстетики, которая основывается на систематическом использовании совокупности целого ряда различных приёмов. Основные из них унаследованы из литературной традиции: лексикографические ограничения, плагиаты, пародии, смесь жанров, неологизмы; а другие — заимствованы из математики и точных наук: алгебраические манипуляции, математические уравнения в качестве базы поэтических и романтических структур. Не случайно Ж. Перек является постоянным составителем кроссвордов для парижских еженедельников.

С этого периода (1966), подчиняясь уставным правилам литературной группы, Ж. Перек, со свойственным ему чувством юмора, стремится придать новые черты своим будущим произведениям, в которых отныне присутствуют некоторые лингвистические ограничения («contraintes»), нередко в игровой форме. Тем не менее, несмотря на кажущуюся развлекательность его литературных текстов, Ж. Перек не теряет из виду смысловые, глубинные аспекты содержания. Литературные критики единодушны в оценке писателя, когда подчёркивают подчас трагическое содержание его воспоминаний в форме невинной шутки или игры [8, с. 1515].

Родители Ж. Перека — Ицек Перец (1909–1940) и Цирла Шулевич (1913–1943), — евреи польского происхождения, эмигрировали во Францию после 1917 года. По отцовской линии Перек был в родстве с писателем Ицхоком-Лейбушем Перецем (1852–1915), который является классиком еврейской литературы на идише и иврите, и оказал значительное влияние на её развитие в период до Первой мировой войны. В 1940 г. отец писателя был призван в армию и погиб в том же году в результате ранений. В 1943 г. его мать была депортирована в Освенцим, где и погибла. Ребёнок, круглый сирота, до конца войны находился в различных детских приютах, пока его не разыскала в 1945 г. сестра отца — Эстер Биненфельд. Она и её муж усыновили мальчика. Однако через всю последующую жизнь писателя красной нитью пройдёт мотив смерти и исчезновения родителей, что также отразится и в его творчестве.

Холокост и его воспоминание волнуют европейские умы с конца Второй мировой войны не только как историческое, но и как поворотное событие нового периода человеческой мысли. Большая часть послевоенной литературы выполняет функцию разъяснения того, что не сразу стало известным и даже замалчивалось. В дальнейшем, когда были открыты мемориальные комплексы, выставки фотодокументов и архивных материалов в местах массового уничтожения жертв фашизма, публицистическая и художественная литература доносит до читателя правду о невероятной жестокости, бесчеловечных зверствах, которые происходили в этих лагерях смерти [9, с. 137]. Невероятно трудно представить массовые мучения, ещё труднее передать словами трагедию каждой человеческой судьбы. Об этом пишет современный культуролог К. Ги-

урис в связи с судьбой семьи Перека. Заглавие её публикации — «Comment parler de l’indicible?», что в буквальном переводе означает: «Как рассказать о том, что невозможно выразить словами?» [9]. Помещая Холокост среди наиболее значимых событий XX в. и эпохи постмодерна, необходимо также принимать в расчёт его значимость в коллективной памяти. Безусловно, следует отметить, что не только в частности Освенцим, ставший эпонимом, но и само событие в целом является памятным местом в истории [9, с. 138].

Ещё ребёнком писатель, таким образом, был глубоко потрясён произошедшим событием, этой коллективной травмой еврейства. Его творчество принадлежит к традиции, которая находится в поисках личности, как бы окончательно затерянной в концентрационных лагерях. История как временная категория для Перека представляет собой субститут не только семантический, но и реальный, поскольку отражена в личной судьбе писателя, когда его детство было полностью заменено войной и лагерями в его воспоминаниях о родителях [9, с. 149].

В 1975 г. выходит роман «W, или Воспоминание детства» («W ou le Souvenir d’enfance»), который полон загадок прошлого. Эти загадки проявляются то в качестве фигур умолчания (эллиптических эпизодов) из воспоминаний автора, то как мистические интервалы, описывающие воображаемую (дистопическую) страну W. В самом начале романа автор пишет: «У меня нет воспоминаний детства. Приблизительно до двенадцатилетнего возраста моя история сводится к нескольким строчкам: я потерял отца в 4 года, мать — в 6 лет; провёл военное время в различных приютах Виллар-де-Ланса — одной из провинций на юге Франции. В 1945 г. сестра моего отца и её муж меня усыновили» [11, с. 3]. Нехватка не только родителей, но и еврейского наследия играет важную роль в композиции романа, как и в судьбе писателя [9, с. 146]. Перек отмечает: «я пишу, потому что они оставили во мне неизгладимый след, который воплотился на письме: воспоминание о них — это смерть на письме («écriture»); письмо («écriture») — это воспоминание об их смерти и утверждение моей жизни» [12, с. 11].

Как отмечалось выше, Ж. Перек акцентирует на интертекстуальное, а также автотекстуальное написание своих книг. Так, он говорит: «Каждая из моих книг для меня — часть целого: это целое вписано, в свою очередь, в ещё большее целое («ensemble»), которое станет общим для книг, чтение которых вызывает и питает моё желание писать». И далее «... в некотором смысле, возможно, я думаю, что это поможет связать воедино мои различные книги, создать сеть («réseau»), в которой каждая книга имеет один или несколько элементов из предыдущей: эти автоссылки появляются в романе «Исчезновение» (который начинается как бы истолкованием без буквы E предыдущего романа — «Человек, который спит»). Аналогичные приёмы более или менее осознанно развиваются в произведениях «Тёмная лавочка», «Просто пространства», «W, или Воспоминание детства»; но больше всего

проявляются в романе «Жизнь, способ употребления», где используются элементы, взятые практически из всех моих предыдущих книг» [12, с. 12].

После вступления писателя в 1966 г. в УЛИПО творчество Ж. Перека обозначилось отныне вышеуказанными ограничениями («contraintes») в написании произведений. Для Перека превзойти эти ограничения значило одновременно бороться против пустот в своей собственной памяти и в восприятии Истории. Создавая эллипсы в биографии, он переживает действия, которые никогда не совершал из-за потери родителей и личного недостатка, который он определяет как отсутствие еврейства («Judéité»). Проанализировав этимологию своей фамилии, он неожиданно узнал, что на иврите Peretz означает — «дыра». В это время он как раз писал роман «Исчезновение». Это произвело на него символическое неизгладимое впечатление. Ж. Перек приходит к выводу, что он не только связан с самой идеей отсутствия/недостатка весьма волнующим способом, но также обнаруживает, что не осталось в живых ни единого кровного родственника с фамилией его семьи. Можно предположить, что эллиптическое, недосказанное изображение его жизни маскирует таким образом настоящие пустоты памяти (нехватка воспоминаний детства и еврейской идентичности). Авторские эллипсы — это не что иное, как попытка смягчить безысходную внутреннюю боль [9, с. 147].

Что касается романа «Исчезновение», то здесь проблема восстановления памяти выражается в вымышленной раздробленности: многочисленные рассказы возникают как кусочки пазла, который приобретает форму благодаря коллективной памяти братьев и кузенов главного героя произведения — Антона Вуаля (Antone Voyl).

«Исчезновение» представляет собой крупнейший роман-липограмму XX в. Здесь уместно дать определение термина «липограмма», «липограмматический роман». В стилистике текста термин «липограмма» (от греч. *leipo* — «отсутствовать» и *gramma* — «буква») используется в значении выпадения звука в результате отказа от определённой буквы: например, отказ от буквы и звука [г] в лирической поэзии. Термин был введён в начале XVII в. во французской филологической науке и воспринимался как стилистическая техника наряду с аллитерацией, ассонансом, унивокализмом и т.д. Произведения с отсутствующей буквой называют «липограмматическими». В XX в. подобные опыты воспринимаются как технические упражнения [1, с. 458–459].

В одном из своих интервью [14] писатель отмечал, что его роман — не единственное липограмматическое произведение эпохи. Имеется в виду вышедший в 1939 г. роман американского писателя Эрнеста Винсента Райта «Гэдсби» («Gadsby»). Данный роман не содержит буквы E. По этому принципу построен и роман Ж. Перека. Аллюзия произведения Райта в романе «Исчезновение» присутствует кроме того в имени одного из персонажей, а именно лорда Гэдсби Райта. Без буквы E книга была переведена на английский, немецкий и итальянский языки.

На русском языке роман издан в 2005 г. и получил название «Исчезание» (вместо «Исчезновение»): в переводе В. Кислова отсутствует буква *О*, одна из наиболее часто употребляемых букв в русском языке. Как отмечает современный критик Г. Сальседа, роман «Исчезновение» являет собой одновременно богатство и вершину липограмматического написания [11, с. 1].

Фабула романа сосредоточена вокруг главного персонажа — Антона Ву́аля, который однажды исчезает загадочным образом. Затем также при загадочных обстоятельствах было совершено покушение на друга Антона Ву́аля — Хассана Ибн Абу. Похороны последнего становятся местом встречи основных действующих лиц романа, которые решают отправиться в поместье Азенкур с целью отыскать знаки, которые помогли бы понять причину исчезновения Антона Ву́аля. В то время, пока гости в Азенкуре разыскивают хоть какие-нибудь намёки на произошедшее, происходят ещё две смерти. Автор проводит читателя тысячью невообразимых путей, текст становится романом со вставными эпизодами, где каждая новая интрига является загадкой. Несмотря на забавную сторону многочисленных отступлений и сплетений интриг, лейтмотивом романа продолжает оставаться лишь одна тема — исчезновение, олицетворением которого является не только полное удаление из текста автором буквы *E*, но также смерть Антона Ву́аля, тело которого не будет найдено, как и судьба впоследствии умерших всех членов его семьи.

Однако, чтобы обнаружить глубинный смысл этого произведения, недостаточно распутать все интриги, предложенные автором. Текст по своей форме восходит к замыслу писателя, который использует романное пространство как место столкновения персонажей, а не только как лабораторию для осуществления лингвистических опытов. Ж. Перек хочет, чтобы неискущённый читатель

прочёл роман, не заметив отсутствия буквы *E*, однако никто не сможет этого сделать, не почувствовав аномалии, исходящей из текста. В самом деле, с первой страницы роман поражает читателя не только сюжетом, но и своеобразием языка: арго, латинские, итальянские слова, неологизмы, англицизмы и научный сленг образуют новый жаргон, являющийся карикатурой на университетское наречие. В то же время, текст представляет собой набор риторических жанров. Рассказы, диалоги, поэмы, литании, научные тексты, политические декламации используются либо кстати, либо наоборот.

Ж. Перек не просто создал произведение без единой буквы *E*, он просчитал все возможные варианты, которые сама буква предлагала в качестве структурного элемента и как образующее начало действия; позиция буквы в алфавите и среди гласных (соответственно пятая и вторая), а также различные формы её написания (в частности черты, характеризующие написание заглавной буквы и прописной, похожей на полуоткрытый круг (см. рис.1)). Так, роман состоит из 26 глав (по числу букв во французском алфавите) и 6 частей (по количеству гласных), однако внимательный читатель заметит, что отсутствует часть 2 и глава 5. Буква *E* также организует систему персонажей романа: основные действующие лица являются выходцами могущественного рода, который состоит из 26 членов, каждый из них, в свою очередь, ведёт свою многоступенчатую генеалогию, порой до 6-го колена [11, с. 1].

Весьма интересно отметить игру слов, связанную с буквой *E*: факт отсутствия буквы в романе по-французски звучит как «*E est absent*» («*E* отсутствует»), или «*E disparu*» («исчезнувшая буква *E*»). Если заменить *E* на «*eux*» (местоимение 3 лица, мн. ч. — «они»), то образуется следующее: *eux est absents/ eux disparus* («*их* нет, *они* отсутствуют, *они* исчезли»). Понятно, что

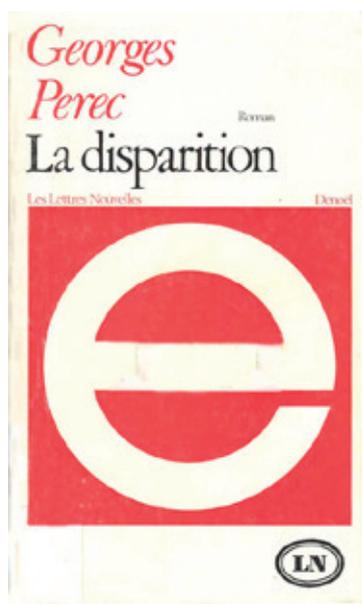

Рис. 1. Обложка романа «Исчезновение»

с грамматической точки зрения данные предложения, допустимые в устной речи, построены неверно, правильнее было бы сказать — *ils sont absents/ ils sont disparus*. Однако не стоит забывать, что Перек был авангардистом и носителем французского языка, он свободно относился к построению фраз, в отличие от иностранцев, которые изучают стандартный французский язык согласно установленным канонам. Таким образом, вместе с местоимением «eux» — «они» прослеживается аллюзия судьбы семьи Перека в частности, как и всех пропавших в концентрационных лагерях в целом. Можно также предположить, что буква E является отсылкой к тётке Перека — Эстер (Esther), имя которой начинается с этой буквы и, которая усыновила его после гибели родителей.

К тому же следует отметить, что Ж. Перек достаточно владел ивритом и знал, что французская буква E эквивалентна «hé» (придыхательное) на иврите. Эта буква воплощала собой принцип жизненного дыхания, сознание и, соответственно, саму жизнь. Изымая эту гласную из текста, Ж. Перек предлагает своим читателям не обращать внимания на отсутствие буквы для простого восприятия смысла, речь идёт о другом прочтении — интертекстуальном. Здесь уместно отметить эпиграф к роману «Жизнь, способ употребления» — «Смотри во все глаза, смотри», заимствованный из одного из романов Ж. Верна. Очевидно, автор мог бы и в этом случае обратиться к читателю с подобным советом, чтобы побудить его увидеть не только форму, но и скрытое в ней имплицитное содержание. На уровне символов стоит отметить роман, который пишет Антон Вуаль. Этот роман внутри романа рассказывает историю персонажа по имени Энья и пародирует знаменитую встречу Эдипа со Сфинксом, а также представляет одно из первых описаний буквы E. Сфинкс спрашивает: «*Есть ли животное, // Тело которого состоит из не полностью // замкнутого круга, // Заканчивающегося чертой, скорее прямой?*» [5, с. 20]

Текст представляет здесь неожиданный, новый смысл буквы E, это очередная авторская аллюзия. Писатель использует античный миф об Эдипе, который на вопрос Сфинкса ответил: «Человек!» Читателю как бы предлагается символический смысл прописной буквы E — e (ещё раз см. рис. 1) — человека как эмбриона, как знак рождения, обозначающий связь Вуаля с членами своей семьи, обречённой на смерть, и который (знак) в этом случае являет собой аллюзию собственной судьбы автора, как и закодированную иллюстрацию геноцида. В контексте романа это слово не случайно, всякая ссылка на него содержит в себе конкретные исторические и политические составляющие. Так, что касается политической подоплёки, роман начинается в своём предисловии с описания политических волнений, не обозначенных датой, тем не менее, из текста понятно, что речь идёт о бунте в университетском городке «парней 68-го». Романное время описанного террора и политического смятения

можно интерпретировать как символ событий этого времени, а также как аллюзию видения международной политической обстановки (май 1968-го в Париже, Пражская весна и её последствия и т.п.).

С первой главы, когда история об Антоне Вуале только начинается, смерть уже выглядит обычным явлением на фоне данного политического кризиса, описанного в предисловии. По прихоти романтического побища в произведении мишенью становится семья, обесславленная посредством отличительного знака, которым и является буква E. Таким образом, хотя Холокост здесь прямо не упоминается, этот опыт был пережит самим Ж. Переком. Тоска и напряжение перед отсутствием буквы E превращается в сквозную метафору исторического и политического опыта поколения автора. Символический смысл буквы E в контексте романа в некоторых эпизодах созвучен жёлтой звезде Давида, отличительному уничижительному знаку еврейства в период фашистской оккупации.

Наконец, чтобы утвердить политические параметры своего произведения, Перек в конце романа добавляет следующий постскрипtum, целиком взятый из публикаций УЛИПО: «... *оживляя наводящее на мысли отношение, на котором зиждется значение, он участвовал, он сотрудничал в формировании мощного абразивного течения, которое, критикуя ab ovo непродуктивный субстрат, который хорош для Труайя, Мориака или Блондена, скажем, для грубого солдафона с набережной Конти, из «Фигаро» или откуда-то ещё, смог бы в ближайшем будущем открыть для романа вдохновляющее знание, новую силу повествовательного арсенала, который считался уничтоженным!*» [5, с. 147]

Процитированные имена отражают некоторые литературные или политические предпочтения и в большей или меньшей степени, придерживаются «правильного» гуманистического сознания XX в., которое утверждает, что ничто не изменилось, не изменяется или не изменится.

Таким образом, в период написания романа в Европе остро чувствовалось нарушенное политическое равновесие, усиливалось чувство тревоги и опасности. На наш взгляд, сознательно полемический и разоблачительный постскрипtum Ж. Перека раскрывает видение Человека в его отношениях с Миром, хотя речь идёт как бы о романе, где в обстановке политического анархического насилия и атмосферы загородного дома «философствуют» и пируют, а тем временем исчезают люди. Но те из них, кто остаётся, кто выживает, так слабо понимают происходящее, что все их усилия напрасны: их размышления зияют на пустоте, любая попытка глобального понимания смысла исчезновения приводит к изначальной постановке вопроса [7, с. 20–21].

Итак, в результате исследования художественного произведения на основе принципов анализа по Г.-Г. Гадамеру, был выявлен так называемый «изначальный универсум смыслов», изначальная семантика, непосредственно свя-

званная с биографической и культурно-исторической ситуацией его творца. Однако, что же лежит вне изначальной семантики романа? Г.-Г. Гадамер отмечает, что определённый элемент художественной семантики вкладывает каждый читатель, каждый «исполнитель произведения» [6, с. 82]. Тема исчезновения у Ж. Перека становится непреходящей. Он поднял проблему, исходя из собственного жизненного опыта. Холокост ввёл европейскую культуру в страшный шок — людям трудно было поверить, что европейская цивилизация могла позволить совершиться столь ужасным преступлениям. Эти события стали причиной серьёзного кризиса веры в человечество, прогресс и цивилизацию. Феномен фашизма навсегда должен остаться предупреждением для тех, кто и далее склонен выражать расистские и антисемитские взгляды, которые уже когда-то, ещё ранее этих событий, звучали радикально и казались только словами, но люди увидели, к какой страшной трагедии могут привести простые лозунги.

Тему исчезновения можно понимать и шире — это *исчезновение* целого народа (народов) не только в эпоху войн, но и сегодня — в эру тотальной индустриализации и глобализации мира. История уже знала подобные исчезновения народов и культур, укажем хотя бы примеры из античности. Достаточно вспомнить, что в эпоху Римской

империи исчезли этруски, погиб Карфаген, а затем и потомки карфагенян.

Возвращаясь к предмету настоящего анализа, сформулируем основные выводы исследования. Герменевтика нового времени перенесла в теорию понимания правило, по которому целое надлежит понимать на основании части, а часть — на основании целого. Анализ деталей произведения, его формы, своеобразия замысла, фактов биографии автора, как и особенности изображаемого и реального времени, — это те части, которые способствовали интерпретации данного художественного текста — романа «Исчезновение» Жоржа Перека.

Следующий вывод относится ко взаимоотношению между произведением и читательским восприятием: именно оно ведёт к пониманию текста. Тем не менее, с точки зрения принципов герменевтики, первоначальное понимание никогда не бывает полным. Это открывает перспективы для дальнейшей более полной и углублённой интерпретации творчества французского прозаика.

Таким образом, анализ романа с позиций современной герменевтики позволил выявить особенности текста в контексте биографии писателя и трагической судьбы его семьи, тему Холокоста, войны и смерти как личную и общечеловеческую трагедию XX века.

Литература:

1. Введение в литературоведение: Учеб. пособие / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, А. Я. Эсалнек и др.; Под ред. Л. В. Чернец. — М.: Высш. шк., 2004. — 680 с.
2. Зинченко, В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И. Методы изучения литературы. Системный подход: Учебное пособие. — М.: Флинта: Наука, 2002. — 200 с.
3. Кирнозе, З. И., Пронин В. Н. Практикум по истории французской литературы. — М.: Просвещение, 1991. — 160 с.
4. Нефёдов, Н. Т. История зарубежной критики и литературоведения: Учеб. Пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит».. — М.: Высш. шк., 1988. — 272 с.
5. Перека, Ж. Исчезновение: [роман] / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.e-reading.club/book.php?book=112826> (дата доступа: 16.07.2016).
6. Турьшева, О. Н. Теория и методология зарубежного литературоведения: Учебное пособие. — М.: Флинта: Наука, 2012. — 160 с.
7. Béhar, S. La Disparition des manipulations sur le langage pour interpréter le réel [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://escholarship.org/uc/item/4j7246jk> (дата доступа: 16.07.2016).
8. Dictionnaire encyclopédique de la langue française. Le Maxidico. — P.: Edition de la connaissance CLE, 1996. — 1718 p.
9. Gyuris, K. Comment parler de l'indicible? — Trois étapes de la littérature de l'Holocauste [Электронный ресурс] // Tableaux changeants (anthologie des étudiants de l'Atelier d'Etudes françaises Aurélien Sauvageot du Collegium Eötvös József). — 2013. — pp. 137–155. — Режим доступа: http://honlap.eotvos.elte.hu/uploads/documents/kiadvanyok/Tableaux%20changeants/Tableaux_changeants.pdf (дата доступа: 16.07.2016).
10. Perec, G. La Disparition. — Paris: Gallimard, coll. «L'Imaginaire», 1989. — 319 p.
11. Salceda, H. La reconstruction de la mémoire dans «La Disparition» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://associationgeorgesperec.fr/IMG/pdf/HERMES_SALCEDA.pdf (дата доступа: 16.07.2016).
12. Sirvent, M. Georges Perec ou le dialogue des genres. — Amsterdam & New York: Rodopi, 2007. — 229 p.
13. Vercier, B., Lecarmet J. La littérature en France depuis 1968. — P.: Bordas. — 320 p.
14. Georges Perec et «La Disparition» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ina.fr/notice/voir/109345611> (дата доступа: 16.07.2016).

Lexico-semantic analysis of publicistic style

Jumaeva Nilufar, senior teacher;
Samadova Charos Bahromovna, student
Karshi State University (Uzbekistan)

Жумаева Нилуфар Гуломовна, старший преподаватель;
Самадова Чарос Бахромовна, студент
Каршинский государственный университет (Узбекистан)

The publicistic style of the language became a separate style in the middle of the 18th century. Unlike other styles, it has two spoken varieties, namely the oratorical sub-style and the radio and TV commentary. The other two sub-styles are the essay (moral, philosophical, literary) and journalistic articles (political, social, and economic).

Publicistic style is characterized by coherent and logical syntactical structure, with an expanded system of connectives and careful paragraphing. Its emotional appeal is achieved by the use of words with the emotive meaning but the stylistic devices are not fresh or genuine. The individual element is not very evident. Publicistic style is also characterized by the brevity of expression, sometimes it becomes a leading feature. [1: 78]

The oratorical style is the oral subdivision of the publicistic style. Direct contact with the listeners permits a combination of the syntactical, lexical and phonetic peculiarities of both the written and spoken varieties of language. The typical features of this style are: direct address to the audience; sometimes contractions; the use of colloquial words. The SDs employed in the oratorical style are determined by the conditions of communication. As the audience relies only on memory, the speaker often resorts to repetitions to enable his listeners to follow him and to retain the main points of his speech. The speaker often uses simile and metaphor, but these are generally traditional, because genuine SDs may be difficult to grasp.

The publicistic style is used in public speeches and printed public works, which are addressed to a broad audience and devoted to important social or political events, public problems of cultural or moral character. The publicistic style of language became discernible as a separate style in the middle of the 18th century. Publicistic style is a perfect example of the historical changeability of stylistic differentiation of discourses. In ancient Greece, e.g., it was practiced mainly in its oral form and was best known as oratorio style, within which views and sentiments of the addresser (orator) found their expression. It falls into three varieties, each having its own distinctive features. Unlike other formal styles, the publicistic style has spoken varieties, in particular, the oratorical sub-style. The development of radio and television has brought into being a new spoken variety — the radio and television commentary. The other two are the essay and articles in newspapers, journals and magazines. [9: 64]

The general aim of the publicistic style is to exert influence on public opinion, to convince the reader or the listener

that the interpretation given by the writer or the speaker is the only correct one and to cause him to accept the point of view expressed in the speech, essay or article not merely by logical argumentation, but by emotional appeal as well. The oratorical style is the oral subdivision of the publicistic style. The most obvious purpose of oratory is persuasion, and it requires eloquence. This style is evident in speeches on political and social problems of the day, in orations and addresses on solemn occasions as public weddings, funerals and jubilees, in sermons and debates and also in the speeches of counsel and judges in courts of law.

The following extract from «Posthumous Papers of the Pickwick Club» by Charles Dickens is a parody of an oration:

– «But I trust, Sir», said Pott, «that I have never abused the enormous power I wield. I trust, Sir, that I have never pointed the noble instrument which is placed in my hands, against the sacred bosom of private life, of the tender breast of individual reputation;

– I trust, Sir, that I have devoted my energies to-to endeavor's-humble they may be, humble I know they are-to instill those principles of-which-are-».

– Here the editor of the Eatonswill Gazette appearing to ramble, Mr. Pickwick came to his relief, and said-«Certainly». [3: 437]

The stylistic devices employed in oratorical style are determined by the conditions of communication. If the desire of the speaker is to rouse the audience and to keep it in suspense, he will use various traditional stylistic devices. But undue prominence given to the form may lead to an exaggerated use of these devices, to embellishment.

Certain typical features of the spoken variety of speech present in this style are:

a. direct address to the audience by special formulas (*Ladies and Gentlemen!*; *My Lords!*; *Mr. Chairman!*; *Honorable Members!*; *Highly esteemed members of the conference!*; or, in less formal situation, *Dear Friends!*; or, with a more passionate coloring, *My Friends!*). Expressions of direct address can be repeated in the course of the speech and may be expressed differently (*Mark you! Mind!*).

b. Special formulas at the end of the speech to thank the audience for their attention (*Thank you very much!*; *Thank you for your time*).

c. the use of contractions I'll; won't; haven't; isn't and others:

d. features of colloquial style such as asking the audience questions as the speaker attempts to reach closer contact.

Like the colloquial style, oratory is usually characterized by emotional coloring and connotations, but there is a difference. The emotional coloring of the publicist style is lofty; it may be solemn, or ironic, but it cannot have the lowered connotations (jocular, rude, vulgar, or slangy) found in colloquial speech. The vocabulary of speeches is usually elaborately chosen and remains mainly in the sphere of high-flown style.

In conclusion, we would like to say that political, ideological, ethical, social beliefs and statements of the addresser are prevailingly expressed in the written form, which was labeled publicist in accordance with the name of the corresponding genre and its practitioners. Publicist style is famous for its

explicit pragmatic function of persuasion directed at influencing the reader and shaping his views, in accordance with the argumentation of the author.

The style is a perfect example of historical changeability of stylistic differentiation of discourses. In Greece, it was practiced in oral form in accordance with the name of its corresponding genre. Publicistic style is famous for its explicit pragmatic function of persuasion directed at influencing the reader and shaping his views in accordance with the argumentation of the author. We find in publicistic style a blend of the rigorous logical reasoning, reflecting the objective state of things and a strong subjectivity reflecting the author's personal feelings and emotions towards the discussed subject.

References:

1. Arnold I. V. «Стилистика современного английского языка». Л., 1973.
2. Akhmanova O. Linguostylistics. Theory and Method. MGU, M., 1972.
3. Dickens Ch. «Posthumous Papers of the Pickwick Club», Feedbooks, published 1832 source <http://en.wikisource.org>
4. Burlak T. F. «Stylistics lexical and text levels».
5. Chatman S., Levin S. Essays on the Language of Literature. Harcourt, N.Y. — 1962.
6. Crystal D. and Davy D. Investigating English Style. Longmans, Ldn, 1969.
7. Essays on Style and Language, ed. by Fowler R Ldn, 1967.
8. Galperin I. R. «Перевод и стилистика» — В сб.: Теория и методика учебного перевода. М., 1960.
9. Galperin I. R. — «О понятиях «стиль» и «стилистика». «Вопросы языкознания», 1973. № 3.
10. Galina Goumovskaya «Publicistic style».
11. Murry J. Middleton. The Problem of Style. Ldn, 1961.
12. Pyotrovsky R. G. «О некоторых стилистических категориях». «Вопросы языкознания», 1954.

Особенности перевода официально-деловых текстов с китайского и русского языков (на материале деловых писем)

Леонова Дарья Юрьевна, преподаватель

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Коммуникативное задание текста делового письма — наладить и поддержать контакт и сообщить актуальную информацию.

На ряду с когнитивной, эмоциональная информация также играет важную роль в деловом письме. Ведь она содержится в тех первых словах, с которых начинается основной текст письма, и кроме того — именно ее передача составляет трудность для начинающего переводчика.

Деловые письма обладают правовой значимостью, поэтому их стиль должен удовлетворять определенным требованиям. Текст письма не должен допускать нескольких толкований. Официальный язык должен отличаться точностью и красотой математической формулы. Отсюда общие требования к тексту делового письма: лаконичность, ясность и точность изложения. Текст должен быть изложен грамотно в соответствии с действующими правилами орфографии и пунктуации в официально-деловом стиле.

По сути, язык официальных документов — это своеобразный набор клише, штампов, стандартов, отличающихся известной унификацией.

Стандартизированные словосочетания облегчают восприятие текста, ускоряют подготовку официального письма.

В официальном письме необходимо четко и кратко излагать существо дела, соблюдая нейтральность тона [1, с. 307–308]. Деловые письма юридических лиц (предприятия, фирмы, кооператива, общественной организации...) излагаются: от третьего лица единственного числа (фирма «уведомляет», «сообщает», «просит», «предупреждает», «примет меры...») или от первого лица множественного числа («сообщаем», «предупреждаем», «направляем», «отказываемся», «просим...»).

Изложение каждого аспекта содержания следует начинать с нового абзаца. Разбивая текст официального

письма на абзацы, мы облегчаем его восприятие адресатом. Считается, что средняя длина абзаца должна составлять 4–5 предложений. Однако в текстах официальных писем часто встречаются абзацы, состоящие из одного предложения. Но какова бы ни была длина абзаца, всегда следует помнить, что он является внутренне замкнутой смысловой единицей.

Стиль официальной переписки может измениться в зависимости от языка и традиций различных стран, однако он подчиняется некоторым общим правилам, определяемым международной практикой. Любой документ, будь то вербальная нота или коммерческое письмо, содержит несколько обязательных позиций: обращение, комплимент, подпись, дата, адрес. [1, с. 307–309]

Текст делового письма открывается формулой приветствия. Это именно формулы и поэтому нет необходимости переводить их дословно.

В каждом языке для различных формул приветствия имеются готовые соответствия. В нашем случае это только те формулы, которые относятся к этикету официального общения. Например, в русском: «Глубокоуважаемый господин!».., «Уважаемая г-жа!».., «Дорогие коллеги!», а в китайском «尊敬的先生...», «尊敬的小姐...», «尊敬的同事们...».

Здесь необходимо запомнить, что в обращении «Уважаемые господа!» в китайском языке допустимо использование двух формул: «尊启者!» и «尊敬的先生们...»

Также в приветствии делового письма ярко выражен такой прием переводческой трансформации, как *перестановка*. Например, в русском языке «Здравствуйте, уважаемый господин Ли!», а в китайском «尊敬的李先生, 您好!». Русское приветствие «Здравствуйте» и китайское «您好» находятся в разных частях фразы. [3, с. 6–14]

В обращении содержится очень важная эмоциональная информация. Хотя на первый взгляд может показаться, что применение чисто формальных приветственных оборотов не служит передаче чувств от источника к реципиенту.

В процессе коммуникации люди испытывают различные эмоции. Однако существует два полюса эмоций: агрессивные и доброжелательные. Агрессивные эмоции направлены на разрыв контакта, доброжелательные — на его развитие и закрепление. В ходе истории коммуникации человек выработал языковые средства, способствующие стабилизации контакта, его развитию и закреплению.

Эти средства — формулы вежливости. Именно формулы, своего рода сигналы, маркеры доброжелательных эмоций. В каком бы состоянии человек ни находился (расстроенном, раздраженном, злобном), употребив формулы вежливости, он просигналил партнеру о том, что он хорошо к нему относится, уважает его лично и его деятельность. Таким образом формулы вежливости закладывают фундамент стабильных положительных эмоций.

Для тех же целей служат формулы вежливости, включаемые в основной текст письма, а также формулы про-

щения. Из многочисленных формул вежливости из арсенала общенационального языка, применяемых человеком в жизни, переводчику делового письма пригодятся только формулы официально-делового этикета. Примерами таких формул служат: «не сочтите за труд», «убедительная просьба», «очень просим», «С уважением...», «Всего доброго...», «Всего самого наилучшего...»

Нельзя использовать формулы просторечно-разговорного стиля, например: «Привет!», «Здравствуй, милый!..», «Пока!», «Бывай!», «Счастливо!», «Слушай, а ты...» и т.д. Точно такой же эффект стилистического несоответствия вызовут формулы высокого стиля: «Достопочтенный!..», «Дражайший!».., «Засим остаюсь Ваш покорный слуга...»

Следует отметить, что в современной деловой переписке все чаще стали встречаться письма, где отсутствует формула приветствия и названо только имя адресата и предмет письма. Это характерно для ситуации переписки, когда с адресатом уже налажен устойчивый контакт [1, с. 308].

Формулы вежливости создают позитивное эмоциональное обрамление когнитивной информации, содержащейся в письме, и от того, насколько точно переводчик их воспроизвел, зависит правильность ракурса, под которым подается эта когнитивная информация.

Когнитивная информация включает в себя термины, номинативность стиля (преобладание существительных), общий фон письменной литературной нормы с редкими включениями компонентов устной литературной нормы. Официально-деловой вариант письменной литературной нормы включает большое число застывших оборотов речи, не имеющих, однако, статуса фразеологизмов, поскольку они не являются общезыковыми, так называемых клише («заранее благодарны», «пользуясь случаем», «в дополнение к нашему предложению»).

Плотность информации повышена за счет передачи количественных данных цифрами и за счет общезыковых сокращений. Однако контекстуальные сокращения в деловом письме не приняты. [1, с. 307–309]

Пассивные конструкции в деловом письме встречаются в разделах, близких к научному стилю: в технологических описаниях, при обсуждении правовых норм. Основной же текст пишется от имени фирмы в форме 1-го лица множественного числа («мы»), либо — реже — от 1-го лица единственного числа, но тогда принадлежность к фирме в тексте формулируется («Я, как представитель производственного совета предприятия...»). Эмоционально окрашенная лексика и эмоциональный синтаксис отсутствуют. Мнения и суждения выражаются с помощью лексики с оценочной семантикой в рамках литературной нормы («крайне нежелательно», «весьма благоприятное впечатление» и т.п.).

К доминантам перевода текста делового письма относятся языковые средства, обеспечивающие конструктивный контакт и передачу объективной информации. Они включают в себя формулы вежливости в рамках

официально — делового стиля, термины, общий фон нейтральной письменной литературной нормы, цифры, сокращения, имена собственные, титулы, звания, должности, обращение от 1-го л. мн. ч., лексика с оценочной семантикой в рамках письменной литературной нормы. Также сюда можно отнести такие единицы перевода, как: фонема (при переводе имен собственных), слово (при переводе терминов, титулов, званий и должностей), словосочетание (при переводе клишированных оборотов официально — делового стиля), предложение (при переводе формул контакта).

В деловой переписке используются следующие виды ответов: однозначные, независимые от контекста эквиваленты (термины, обозначения титулов, званий и должностей, имена собственные); варианты соответствия (лексика в рамках письменной литературной нормы); трансформации (формулы контакта, некоторые синтаксические структуры письменной литературной нормы).

Эмоциональная информация в деловом письме сглажена и нормализована; она лишь создает благоприятный фон для восприятия основного для этого текста вида информации — когнитивного. [1, с. 309]

Анализ перевода деловой корреспонденции (на материале китайского и русского языков)

Письмо 1. [2, с. 10]

尊敬先生们，您们好！

请按附寄的明细表寄来零件报价一式三份。在报价中请注明详细的品名，型号，技术性能，材料（在需要时），明细表每一项的价格和重量以及可能的供货期限和总体积（立方米）。同时也请单独开列包装和运费。如可能，请告知报价发寄的准确日期。

贵方由于某种原因一旦不能确保报价，请尽快通知我方。

致以谢意。

此致

姓名

日子

附：上述材料，共四张。

回信时望注明此文编号。

Перевод.

Здравствуйте, уважаемые господа!

Просим выслать в наш адрес предложения в 3-х экземплярах на поставку запасных частей в соответствии с прилагаемой спецификацией.

В предложении просим Вас указать полное наименование, тип, технические характеристики, материал (где это необходимо), цену и вес по каждой позиции спецификации, а также возможные сроки и общий объем поставки в куб. метрах.

Просим также отдельно указать стоимость упаковки и транспортировки.

Просим Вас сообщить по возможности более точную дату высылки Вашего предложения в наш адрес.

В случае если Вы по каким-либо причинам не сможете разработать предложение, мы будем Вам признательны за Ваше сообщение об этом в максимально короткие сроки.

Заранее благодарим Вас.

С уважением

(подпись)

(дата)

Приложение: упомянутое на 4-х листах.

(При ответе просим сослаться на наш номер)

В данном письме мы можем наблюдать такой вид трансформации, как *перестановка*. Как уже упоминалось выше, в китайском и русском языках приветственное слово «Здравствуйте» находится в разных частях фразы: «Здравствуйте, уважаемые господа» и «尊敬的先生们，您们好».

Также в данном примере письма можно заметить *добавление*: китайское «贵方由于某种原因一旦不能确保报价» и русское «В случае если Вы по каким-либо причинам не сможете разработать предложение. В китайском варианте предлог «如果», которые переводится, как «Если» опущен. Следовательно русские вариант данного предложения расширен.

Следует отметить также использование устойчивых фраз, характерных для деловой переписки: 贵方, которое в переводе звучит как «Вы», но ни в коем случае не как «Ваша сторона»; 致以谢意 является штампом и переводится стандартной фразой «Заранее благодарим Вас».

Еще одной устойчиво фразой, используемой в деловой переписке, является китайской 此致, что на русский переводится как «С уважением».

Письмо 2. [3, с. 39–40]

Уважаемые партнеры!

Благодарим Вас за приглашение на банкет по случаю десятилетия со дня образования Вашей компании.

Нам было очень приятно получить от Вас это приглашение, и мы искренне надеялись, что сможем присутствовать на банкете, но, к сожалению, обстоятельства изменились, и мы вынуждены отказаться от приглашения.

Дело в том, что у нас возникли довольно серьезные проблемы с установкой нового оборудования. Мы должны постоянно присутствовать на заводе до тех пор, пока оборудование не будет установлено и подготовлено к работе.

Надеемся, что наш отказ не обидит Вас, и мы сохраним добрые отношения с Вашей компанией.

Надеемся также, что Вы обязательно пригласите нас на следующий день рождения компании.

С уважением,

торговая компания «Мика»

(подпись)

(дата)

Перевод.

Уважаемые партнеры,

Благодарим Вас за приглашение на банкет по случаю десятилетия со дня образования Вашей компании.

Мы искренне надеялись, что сможем присутствовать на банкете, но, к сожалению, обстоятельства изменились, и мы вынуждены отказаться от приглашения.

事情是这样的，我们在安装新设备时出现了非常严重的问题，因此在此设备未安装并调试成功前我们需要一直坚守在工厂。

希望我们的缺席不会影响您的心情，我们同贵公司继续保持良好的合作关系。同时也希望您务必邀请我们参加贵公司下一年的成立庆典。

此致，

“米卡”交易公司

姓名

日子

В данном примере делового письма следует обратить внимание на разделение одного предложения на два. Данное явление мы можем наблюдать в начале китайского варианта письма: «受到您的邀请我们感到非常荣幸，真心希望能够出席。但是非常遗憾，因为情况有变我们无法参加». В приведенном отрывке два китайских предложения соединены в одно русское. В оригинале информация выглядит так: «Нам было очень приятно получить от Вас это приглашение, и мы искренне надеялись, что сможем присутствовать **на банкете, но, к сожалению**, обстоятельства изменились, и мы вынуждены отказать от приглашения».

Такое явление в переводе относится к грамматическим трансформациям.

Также еще одним видом грамматической трансформации, представленной в данном варианте письма, является объединение предложений при переводе. Пример: «Дело в том, что у нас возникли довольно серьезные проблемы с установкой нового **оборудовании. Мы должны** постоянно присутствовать на заводе до тех пор, пока оборудование не будет установлено и подготовлено к работе» и «事情是这样的，我们在安装新设备时出现了非常严重的问题，因此在此设备未安装并调试成功前我们需要一直坚守在工厂». Данный вариант перевода делает его более лаконичным, что соответствует правилам перевода официально-деловой лексики.

Следует отметить использование союзов, характерных для делового стиля. Примерами таких союзов могут служить **因此**, **并**.

При переводе писем с китайского языка на русский необходимо принимать во внимание такой тип переводческих трансформаций, как *транскрипция*.

При транскрипции воспроизводится звуковая форма иноязычного слова. Использование данного типа трансформации характерно при переводе названий организаций, имен и т.д.

Рассмотрим пример письма и применением транскрипции при переводе.

Письмо 3. [3, с. 57]

收件人：张杨总工程师

地址：中国，广州市，努力路，20，“金花”电器工厂

主题：您的索赔函回答

尊敬的张先生，

在此向您表达我真诚的歉意，我们发给您的设备不是您所订购的型号。这完全是我们的错误。

因为我们把您2009年9月份的订单同2008年11月份的订单弄混了，我们准备把您受到的设备发回来并在最近两

周内把您需要的型号发给您。错发设备返还的运输费用及您所订购型号设备发货的运输费用均由我公司承担。

再一次为所犯的错误向您致歉。我保证，永远不会再发生类似的事件，在贵公司订单准备发货时，我们将予以高度关注。

致以敬意并希望能继续伙伴，

你过来·马林，“新技术”工厂销售部部长

姓名

日子

Перевод.

Кому: главному инженеру, г-ну Чжан Яну

Куда: КНР, г. Гуанчжоу, ул. Нули, 20, завод электроприборов «Цзиньхуа»

Тема: ответ на рекламу

Уважаемый г-н Чжан!

Приносим Вам свои искренние извинения за поставку тех моделей оборудования, которые не были указаны в заказе. Мы полностью признаём свою ошибку.

Так как мы перепутали Ваш заказ на сентябрь 2009 с заказом на ноябрь 2008, мы готовы принять полученное Вами оборудование назад и выслать Вам нужные модели в течение ближайших двух недель. Мы готовы взять на себя транспортные расходы на возврат ненужного оборудования и отправку Вам тех моделей, которые Вы заказали.

Еще раз приносим свои извинения за ошибку. Обещаем Вам, что подобное не повторится в будущем, и мы будем предельно внимательны при подготовке заказов Вашей компании к отгрузке.

С уважением и надеждой

на продолжение совместной работы,

Николай Малин, директор отдела продаж

завода «Новые технологии»

(подпись)

(дата)

При переводе названий организаций и имен с китайского языка на русский используется такой тип трансформации, как транскрипция. В выше предложенном примере письма имеется пример перевода при помощи транскрипции. Название китайского города транскрибируется в русский язык и в результате получается Гуанчжоу.

Следует принять во внимание, что иероглиф 市 в переводе с китайского на русский опускается, образуя еще один вид трансформации — *опущение*.

Что касается имен, то, при переводе китайских имен на русский язык, они также транскрибируются. Например, **张杨** в русском языке пишется и читается, так же как и слышится в китайском языке: Чжан Ян.

При переводе русских имен и фамилий на китайский язык тоже принято использовать транскрибирование: Николай — 你过来.

Еще одной особенностью перевода с китайского языка на русский является то, что в китайском языке всегда сначала упоминается название компании, а потом род дея-

тельности и должность представителя, например: «“新技术”工厂销售部部长», а в русском переводе это будет звучать как: «... директор отдела продаж завода «Новые технологии»».

Из приведенных выше примеров можно сделать вывод, что все деловые письма имеют одинаковую структуру, несут в себе одинаковую смысловую нагрузку. При ведении деловой переписки не должно возникать трудностей с оформлением, так как вся деловая корреспонденция имеет строго определенную структуру.

В процессе деловой переписки с китайскими партнерами (и не только с китайскими) не следует пренебрегать вежливыми формами общения. Но и не следуют использовать формулы высокого стиля.

Литература:

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение / И. С. Алексеева. — М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 352 с.
2. Готлиб, О. М. Коммерческое письмо: Китайско-русские соответствия / О. М. Готлиб. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: АСТ: Восток — Запад, 2006. — 256 с.
3. Корец, Г. Б. Китайский язык: Деловая переписка / Г. Б. Корец. — М.: «Живой язык», 2010. — 224 с.

Специфическое в оценочной природе оппозиции «легкий-тяжелый» (light-heavy, жиңел-авыр)

Махмутова Диля Фаниловна, магистрант
Башкирский государственный университет

В статье представлен пример исследования оппозиции «легкий-тяжелый» в русском, английском и татарском языках, в котором выделяются семантические зоны смыслового пространства данной оппозиции, помогающие выделить специфическое в оценочной природе оппозиций данных языковых сообществ. Выделенные семантические зоны показывают особенности в осмыслении и понимании человеком окружающего мира посредством данной оппозиции.

Ключевые слова: оппозиция, легкий — тяжелый, универсальное, специфическое, оценка, семантическая структура, семантическая зона, метафора

Key words: opposition, light — heavy, the universal, the specific, valuation, semantic structure, semantic zone, metaphor

Национальная специфика языковой ментальности фиксируется той частью языковой картины мира, которая не покрывается системой универсальных логических понятий. Национальную специфику самого говорящего при таком подходе можно определить как «совокупность национальных свойств личности, включающих в себя способ мышления и отражения действительности, психический склад и самосознание» [11].

В русском, английском и татарском языках возникают специфические значения в семантическом поле языкового пространства оппозиции «легкий — тяжелый» (легкий — тяжелый, light — heavy, жиңел — авыр),

При ведении деловой переписки с китайскими партнерами необходимо хорошо быть знакомым с правилами транскрибирования китайских звуков в русском языке.

При переводе делового письма с русского языка на китайский необходимо употреблять активный залог, избегая употребления частицы 被.

Допускается дробление слишком длинных предложений исходного языка на несколько предложений в языке перевода.

Кроме всего перечисленного выше, стоит помнить, что нельзя использовать различные термины для обозначения одних и тех же явлений или предметов. Стоит быть предельно внимательными, избегать повторений и бессмысленных выражений.

которые подчеркивают своеобразие оппозиции и помогают увидеть национальные особенности языковых единиц оппозиций в рассматриваемых языках. При анализе этих диад мы опирались на толковые словари русского, татарского и английского языков [1; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10].

Рассматривая семантические зоны данных диад в русском, английском и татарском языках, мы обнаружили, что у исследуемых слов есть значения, которые не антонимичны во всех этих языках. Так, в семантической зоне «легкого» (легкий, light, жиңел) нет противоположного значения с «тяжелым» (тяжелый, heavy, авыр) в следующих случаях:

1. неосязаемый по весу; воздушный: *легкий пух, легкая ткань; light fabric — легкая ткань, light canvas — легкий холст, жиңел материаллар — легкие материалы, жиңел тукума — легкая ткань;*

2. легкомысленный: *легкие нравы, легкое поведение, девица лёгкого поведения (о проститутке), light conduct — легкое поведение, light women (a woman of easy virtue) — легкая женщина (легкого поведения), a light head (опрометчив, безрассуден), жиңел акыллы — несерьёзный, легкомысленный, ветреный, жиңел акыллылык — легкомыслие, жиңел уйлы — легкомысленный, легкая голова;*

3. приспособленный для быстрой езды: *легкий экипаж, light carts — легкие тележки, light carriage (crew) — легкий экипаж, карета, жиңел тарантас, жиңел арба, жиңел чана;*

4. свободный, без усилий: *легкий голос, light voice, жиңел тавыш;*

5. едва заметный: *легкая улыбка, легкий вздох, light touch — легкое прикосновение, light the knock on the front door — легкий стук в дверь, жиңел сулап жиберу (жиңел сулап кую — легкий вздох, легко вздохнуть), жиңелчә генә баш ию — лёгкий поклон;*

6. непринужденный, игривый, изящный, свободный, текучий: *легкий слог, легкое остроумие, легкая насмешка, light laugh — легкий смех, жиңел көлемсерәү — легкая усмешка, тормышка жиңел караш — лёгкое отношение к жизни.*

Рассмотрим семантическую зону «тяжелого» (*тяжелый, heavy, авыр*), у которой нет противоположного значения с «легким» (*легкий, light, жиңел*):

1. имеющий вес и объём больше обычного: *тяжелые виноградные гроздья, тяжелые капли, тяжелые волосы, косы, heavy bunches of grapes — тяжелые виноградные гроздья, heavy hair — тяжелые волосы, heavy drops — тяжелые капли, авыр чәч толымнары — тяжелые косы, тяжелые волосы, авыр йөзем тәлгәше — тяжелые виноградные гроздья, авыр тамчылар — тяжелые капли;*

2. только ж. разг. — сниж. беременная: *да она, кажется, тяжелая! ходила тяжелая третьим ребёнком, heavy with child — беременная, тяжелая, heavy with young, аның авыры бар — она беременна, тяжелая, авырга калу, авырга узу — забеременела, тяжелая;*

3. связанный с болезненным ощущением тяжести (от усталости, недомогания и т.п.): *от духоты голова стала тяжёлой, тяжелое от усталости тело, тяжелый желудок (переполненный, перегруженный излишней пищей), a heavy head — тяжелая голова, heavy eyes — тяжелые глаза, ашказанга авыр — желудку тяжело, баш авырта — голова болит (тяжелая);*

4. большой и грузный:

а. большой и грузный (о человеке, животном): *грузный, тяжелый мужчина, тяжелая лошадь,*

a heavy person — тяжелый человек, авыр, симез кеше — тяжелый, толстый человек;

б. большой; грузный (о теле, его частях): *тяжелое оплывшее тело, тяжелые опухшие ноги, тяжелый кулак, тяжелые руки, heavy legs — тяжелые ноги, авыр йодрык — тяжелый кулак, авыр куллар — тяжелые руки, авыр гәүдәле — тяжелое тело;*

1. разг. с трудом поддающийся воспитанию, воздействию; доставляющий много хлопот и волнений: *тяжелый класс, тяжелый подросток, тяжелая публика (плохо, трудно воспринимающая то, что происходит на сцене), heavy buyer — тяжелый покупатель, a heavy teen — тяжелый подросток, авыр балалалар — тяжелые дети, авыр гаилә — тяжелая семья;*

2. выдерживаемый, переносимый с трудом; обременительный:

а. выдерживаемый, переносимый с трудом; обременительный: *тяжелые условия, тяжелые налоги, тяжелое бремя, heavy taxes — тяжелые налоги, a heavy burden of responsibility — тяжелое бремя ответственности, авыр көн — тяжёлый день, авыр шартлар — тяжелые условия, обстоятельства, авыр салым — тяжелые налоги;*

б. затруднительный, заключающий в себе трудности: *ставить в тяжелое положение, тяжёлая ситуации, тяжёлый случай (разг. выражает различные оттенки отношения к происходящему или услышанному: пассивное сочувствие, понимание степени трудности, вероятность преодоления затруднений и т.п.), a really heavy relationship — тяжелые отношения, heavy situation (grave, difficult) — тяжелая ситуация, авыр хәл — тяжелый случай (авыр очрак);*

с. требующий больших усилий для преодоления, с трудом изживаемый: *тяжелое наследство досталось нашей стране, тяжелые последствия Чернобыля, тяжелое наследие прошедших десятилетий, heavy consequences — тяжелые последствия, авыр мирас — тяжелое наследство, авыр нәтижәләр — тяжелые последствия;*

3. причиняющий душевные страдания, мучительно, болезненно переживаемый: *тяжелое горе, тяжелая утрата, тяжелое известие, a heavy sorrow — тяжелая печаль (тяжелое горе), heavy loss — тяжелая потеря, авыр кичерешләр — тяжёлые переживания, авыр газап — тяжелое мучение, авыр кайгы — тяжелое горе;*

4. тягостный, мрачный, гнетущий (о чувствах, мыслях, настроении и т.п.): *тяжелые мысли, тяжелое настроение, тяжелое впечатление, уйти с тяжёлым сердцем, с тяжёлым чувством (в мрачном, подавленном настроении, состоянии, то же, что скрепя сердце), heavy thoughts — тяжелые мысли, (with) a heavy heart — тяжелое сердце (с тяжелым чувством), heavy at heart — тяжело на сердце, авыр уйлар — тяжелые мысли, авыр сагыш — тяжелая тоска;) выражающий мрачное, подавленное настроение: *смотреть тяжёлым**

взглядом, тяжёлый, срывающийся голос, тяжёлый тон, а *heavy vote* — тяжёлый голос, *heavy look* — тяжёлый взгляд, *авыр караш* — тяжёлый взгляд, *авыр хэсрэтле тавыш* — тяжёлый печальный голос;

б. большой, сильный:

а. большой, сильный: *тяжелое преступление, тяжёлая вина, тяжелое оскорбление, тяжелое прозрение, heavy offense* — *тяжелое преступление, heavy (serious) crime* — *тяжелое преступление, heavy insult* — *тяжелое оскорбление, авыр жинаять* — *тяжкое (тяжёлое) преступление, авыр гаеп* — *тяжёлая вина*;

б. глубокий, значительный: *тяжелые повреждения, тяжёлый политический кризис, тяжёлые последствия, тяжелые экономические потрясения, heavy consequences* — *тяжелые последствия, авыр нәтижэләр* — *тяжелые последствия*;

с. чрезмерный, действующий сильно; изнуряющий: *тяжелая жара, тяжёлая испарина, тяжёлый пот, heavy perspiration* — *тяжёлый пот, авыр тир* — *тяжёлый пот*;

б. находящийся в опасном положении, состоянии (о больном): *тяжёлый больной, тяжело больной, тяжёлый сердечник*, в зн. сущ. *палата для тяжёлых, тяжёлых на отделении нет, heavy disease (ill)* — *тяжёлый больной, авыр чирле* — *тяжело больной*;

7. глухой, сильный; низкий (о звуках): *тяжёлый гул, шум, тяжёлый храп, тяжёлый стон, тяжёлый кашель* (глухой, надсадный), *густой, тяжёлый бас* (очень низкий по звучанию), а *heavy sound* — *тяжёлый звук, а heavy thud* — *тяжёлый стук, авыр сулау* — *тяжёлый вздох, авыр ыңгырашу* — *тяжёлый стон*;

8. веское, важное: *тяжелое слово, heavy words, авыр сүз*;

9. первая в каждом такте, отбивающая меру: *тяжёлая нота, heavy note, авыр нота*.

От слова *тяжёлый* появилось слово *тяжкий* (бол. в перенос. знач.) — *тяжкое время (авыр вакыт), тяжкая ответственность (авыр жаваплык), тяжкие грехи, heavy sins, авыр гәнаһлар*.

Установив соотношение в семантической зоне у исследуемых оппозиций, мы пришли к выводу, что значений с отрицательной оценкой («тяжёлый») больше, то есть человек по своей сути мыслит часто не позитивно.

Наше исследование основывается на чётком разделении универсального и национально-специфического в оценочной природе культурных оппозиций. Подобного рода исследования позволяют говорить в семантике как об общем, универсальном компоненте культур, так и о своеобразном, специфическом содержании в языковой ментальности конкретного народа через сравнение оппозиций в разных языковых сообществах.

Так, мы обнаружили специфические, противоположные значения в отдельных языках. Например, можно выделить специфическую семантическую зону оппозиции «легкий — тяжёлый» присущую только:

— русскому языку: горн. чистый угольный порошок: *легкий мусор*, горн. печной под из легкого мусора: *легкая набойка* — горн. смесь угольного порошка с глиною — *тяжёлый мусор; тяжёлая набойка* — в плавильной печи, под, сбитый из этого, а легкая набойка из одного угольного мусору; *тяжёлая сыпь* — горн.: рудная за-сыпка, в которой более руды и флюсов; в легкой более угля;

— английскому языку:

1. тонкими штрихами; не жирный: *the thickness of the font was kind of perfect for our logo, not too bold and not too light* — толщина шрифта идеально подходит для нашего логотипа, не слишком жирный и не слишком тонкий; *light type* — широкий, толстый, или грубый; не тонкий: *heavy lines drawn in charcoal* — *тяжёлые линии, нарисованные углем*;

2. *light smoker* — *легкий курильщик, light drinker* — *легкий пьющий, easy (light) drug addict* — *легкий наркоман (наркомания)* — *heavy smoker* — *заядлый курильщик, а heavy drinker* — *тяжело пьющий, пьяница, алкоголик, heavy drug addict* — *тяжёлый наркоман (наркомания)*.

Также мы выделили специфические, непротивоположные значения в отдельных языках. Например, можно выделить специфическую семантическую зону «легкого» присущую только русскому языку:

1. кажущийся невесомым, изящный (о постройках, сооружениях и т.п.): *легкая беседка в саду, легкий минарет мечети*;

2. кто является, когда о нем говорят: *легок на помине*;

3. болтлив, все передает: *он легонек на язык*;

4. небогатая: *легонькая свадьба*;

5. которая возит одни письма, не посылки: *легкая почта*;

6. рыхлая и небольшая: *легкая пороша*;

7. тише: *ступай легче*.

В словаре Даля от слова *легкий* появилось слово *легковой*: *легковой извозчик, живейный, дрожечный, не ломовой*; а также *легота, льгота* ж. *льга*, простор. *легкота* (свобода, воля):

1. особые права, преимущества перед другими: *льгота кому на торговлю, монополия*;

2. облегчение от податей, повинностей, налогов, работ, большая свобода в чем-либо: *переселенцы на льготы, им дана льгота на три года, они свободны от податей; льготные годы, срок; льготные крестьяне*, напр. *белопашцы, богатому жить льготно*.

Также с помощью сложения двух корней (первая часть составных слов, обозначающая *легкий*, напр. *легкодумный* [3; 9]), появились такие слова как:

1. *легковерие* — ср. готовность или склонность верить всему без разбору, *легковер м.* — *верка ж.* — кто легко и без толку всему верит, *легковерность, жиңел ышанучан* — *легковерный* (на татарском без сложения двух корней);

2. *легкозерный хлеб* — плевелистый;
3. *легкоимный*, — *имчивый* — кого легко ловить; идущий в ловушку;
4. *легкоконный* — относящ. до *легкой конницы*: гусаров, уланов, конных егерей, казаков (тяжелая: кирасиры, а средняя: драгуны);
5. *легкокрылый* — быстрый и неутомимый в полете, *легконогий* — скорый и спорый на ходу, на бегу;
6. *легконравый* — веселый, шуточный;
7. *легкопашня* — вологодск. плохой крестьянин, ленивый пахарь;
8. *легкоплавкий металл* — не стойкий в огне, который легко плавится, *легкоплавкость*; *жиңел эрүчән* — *легкоплавкий* (на татарском без сложения двух корней);
9. *легкоранное ружье* (которое легчит или не резко бьет);
10. *легкоатлет* (*жиңел атлет*) (на татарском без сложения двух корней).

В старину на Руси от слова *легкий* произошли слова: *легчить* — спускать волоски кому, (стар.) остричь, говор. о князьях, царях: *Борис Салтыков легчил, снимал, спустил волоски государю Алексею Михайловичу; -ся, облегчаться*; твер. сымать верхнюю одежду; стар. пускать се бе кровь; о животном холоститься, страдать. *вылегчить жеребца, труд излегчается, облегчается рвением, подлегчать рычагом, перелегчить вьюк, перевьючить полегче, ему полегчало, легченье* ср. действ. по знач. глг. *легчина* ж. *легость, облегчение, легишить* твер. пск. *облегчать, делать что льготнее, легче, легкой* м. (пустослов).

В татарском языке есть значение «чокнутый, тронутый, свихнувшийся (человек)» (разг.): *акылга жиңел* — умом тронутый, жиңел булып киту (жиңелю) — с ума сойти. Также есть такие значения как:

1. *жиңел баштан* — спьяну, по пьянке;
2. *жиңел жайдан гына* — сразу, не откладывая в долгий ящик;
3. *жиңел укылышлы* — разборчивый (почерк).

Обнаружена специфическая семантическая зона «тяжелого», присущая только:

— **русскому языку:**

1. ископаемое барит, сернокислая баритовая соль: *тяжелый шпат*;
1. *тяжкость* — свойство, качество по прилаг.; в диалектах;
2. *тяжкой* (сущ. м. (дух)) и *тяжкая* (ж. (сила)) — сев. вост. злой, нечистый;
3. *тяжкун* (перм.) — некошный, нелегкий, недобрый, сатана, бес;
4. *тяжелка* — петля, веревка, на коей ведут связня, узника;
5. *тяжелко* (ср. сев. вост.) — простой зипун, кафтан, сермяга, обшитый сверху по пояс холстом, или весь холщовой, подбитый куделью; вообще худой, будничный, рабочий зипун, обиванец;

6. *тяжак* (урал.) — то же, тяжело, грубый, будничный кафтан.

Также с помощью сложения двух корней (первая часть составных слов, обозначающая *тяжелый* [3; 9]) появились такие слова как:

1. *тяжелогрузное судно* — для тяжелого груза, клади, *heavy freight* — *тяжелогрузный* (на англ. без сложения двух корней);
2. *тяжелодум* — кто тяжел, ленив или медлен на думу, либо нерешительный;
3. *тяжелоатлет* (*авыр атлет*) (на татарс. без сложения двух корней);
4. *тяжелораненый* (*авыр яралы*) (на татарс. без сложения двух корней);
5. *тяжкосердие* (жестокосердие), *тяжкосердый человек*;
6. *тянигуз* (м. сиб.) — долгий изволок, подъем в гору; — **английскому языку:**

1. тяжелые, быстрые скачки: *heavy racing*;
2. тяжелая толпа (сленг), используют, или готовы использовать насилие или жестокость: *the heavy mob*;
3. тяжело нести, достижения, или выполнять: *heavy demands* — *высокие требования*;
4. (неофициальный) использование в большом количестве: *this car is heavy on petrol* — *этот автомобиль является тяжелым на бензин*;
5. (сленг) большой, сильный человек, особенно тот, кого наняли для защиты: *heavies* (*тяжелый*), (неформальн.) *важный человек: political heavies* — *политические тяжеловесы, heavy politician* — *тяжелый политик*;
6. (британское неформал.) серьезные газеты: *the Sunday heavies*;

— **татарскому языку:**

1. *авыр сабырлылык* — спокойствие, сдержанность, невозмутимость, хладнокровность, степенность;
2. *авыр башы* — основная (главная) тяжесть (трудность, часть) (чего);
3. *авыр гәүдәле* — неуклюжий.

Однако, не стоит забывать еще про такие значения, которые являются общими только для некоторых языков. Например, есть семантическая зона «легкого — тяжелого», общая для русского и английского языков:

1. неглубокий, неосновательный (о чувствах): *легкая печаль, легкая досада, легкий сон* (неглубокий, некрепкий), *light sleep* — *легкий сон, light kiss* — *легкий поцелуй* (нежный, тонкий) — сопряженный с неприятными, болезненными физическими ощущениями: *тяжелый сон, тяжелое похмелье, тяжелый запой, тяжелая тошнота, heavy slumber* — *тяжелый сон, a heavy cold* — *тяжелый холод*;
2. без раздумья, без тревоги: *с легким сердцем, with a light heart* — *с легким сердцем, light dancing through my head* — *легкий танец в моей голове* — с ощущением беспокойства, озабоченности: *с тяжелым сердцем* — *with heavy heart*;

3. *легкий макияж, мейк-ап, light make-up — тяжелый макияж, heavy make-up (мейк-ап);*

4. неполновесный, маловесный: *легковесный, light weight, легковесный хлеб, легковесная монета* (обрезанная или истертая) — *тяжеловесный товар* — (тяжелый, веский), *heavy weight; тяжеловес* — ископ. ценный камень: сибирский топаз, *тяжеловесовые серьги;*

5. нетяжелое, невеское: *легкое ружье, light (machine) gun — легкое оружие, пулемет* — тяжелое, значительное: *heavy (machine) gun — тяжелое оружие, heavy weapons — тяжелое оружие.*

В русском, татарском языках есть выражение *с лёгким паром, жиңел пар белән* — приветствие или пожелание доброго здоровья тому, кто только что попарился или помылся. Приветствие изначально связано с посещением бани. Тем, кто направляется в баню, окружающие желают: «Лёгкого пару без угару!» После посещения бани обычно говорят: «С лёгким паром!» Есть две версии возникновения этого оборота:

1. в русских банях самое жаркое место было почти под самым потолком, где находился полук-помост, на котором парились; пар поднимался от раскаленных камней, политых водой; шедшему в баню желали легкого пару, т.е. такого пару, который быстро поднимается от раскаленных камней вверх;

2. в банях пар мог смешиваться с угарным газом, от которого люди нередко угорали; этот пар, в отличие от легкого, хорошего пара, называли тяжелым; поэтому желали легкого пару.

Обнаружили семантическую зону «легкого», специфичную и непротивоположную «тяжелому», которая является общей для русского и английского языков:

1. непрочная, неспоряя: *легкая память, easy memory;*

2. отходчивое, незлопамятное: *легкое сердце, a light heart.*

Литература:

1. МАС: Малый академический словарь. — М., 1957–1984.
2. Махмутова, Д. Ф. Универсальное в оценочной природе оппозиции «легкий — тяжелый» (легкий — тяжелый, light — heavy, жиңел — авыр) [Текст] // Филологические науки в России и за рубежом: материалы III междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2015 г.). — СПб.: Свое издательство, 2015. — с. 97–100.
3. СД: Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1978.
4. СК: Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб., 2004.
5. СОШ: Ожегов С. Н., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М., 1998.
6. Татарско-русский большой словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: (<http://tatar.com.ru/dict/a.php>), <http://tatar.com.ru/a.php>, <http://tatarstan.ru/about/dictionary.htm>.
7. Татарско-русский словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://tatar_russian.academic.ru/20287; http://tatar_russian.academic.ru/1407.
8. Толковые словари английского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dictionary.infoplease.com>, <http://dictionary.reference.com>, <http://www.askoxford.com>, <http://www.merriam-webster.com>.
9. ТСУ: Толковый словарь русского языка / Под ред. А. М. Волина и Д. Н. Ушакова. — М., 1940.
10. ТТС: Татарский толковый словарь / Под ред. Л. Т. Махмутова. — Казань, 1977.

А также выявили семантическую зону «тяжелого», непротивоположную «легкому», которая является общей для:

— **русского и английского:**

1. массивный, крупный (о лице, его частях): *тяжелый подбородок, тяжелые черты лица, heavy features — тяжелые черты;*

2. вызывающий, оставляющий неприятное, тягостное чувство, впечатление: *тяжелое зрелище, тяжелый разговор, тяжёлое, неловкое молчание, a heavy silence — тяжелое молчание (тяжелая тишина), a heavy discussion — тяжелая дискуссия;*

3. большое количество, количество или размер; очень большой; массивный: *тяжелый снегопад, тяжелый дождь, a heavy snowfall — тяжелый, сильный снегопад, heavy rain — сильный дождь, a heavy blow to the head — тяжелый удар по голове, heavy traffic — сильные, движения, интенсивное движение* (на дорогах);

4. с ударением, на которую налегают, или долгая — *тяжелая гласная, heavy vowel;*

— русского и татарского: баритовая, барит, окись бария — *тяжелая земля, авыр жир.*

Таким образом, данное исследование «культурных» оппозиций помогает разграничить универсальное (которое я рассматривала в статье «Универсальное в оценочной природе оппозиции «легкий — тяжелый» (*легкий — тяжелый, light — heavy, жиңел — авыр*)» [2]) и специфическое в разных языковых сообществах, позволяет говорить о специфике той или иной лингвокультуры, совпадающих только в нескольких языках, но не прослеживаемых в других.

Итак, культурная составляющая языковой ментальности, которая существует на основе общего компонента, определяет различие образов мира разных ментально-лингвальных сочетаний, при этом воздействует на состоянии языковой картины мира каждого национально-лингвокультурного сообщества.

11. Фирсова, Е. В. Национальная специфика речевого поведения личности // Донской юридический институт: Личность, речь и юридическая практика: Межвуз. сборник научных трудов. Вып.2 — Ростов-на-Дону: ДЮИ — 1999. — с. 69–73.

Опустошение духовных и моральных ценностей человека в научно-фантастических постапокалиптических романах трилогии Д. Глуховского «Метро 2033–34–35»

Орлов Сергей Вячеславович, магистр
Океанский университет Китая (г. Циндао)

Ocean University of China, (China, Shandong province, Qingdao city)

Постапокалиптика в современной культуре — целое направление, включающее в себя романы, рассказы, комиксы, а также компьютерные игры. Тема постапокалиптического существования человечества — область безудержной фантазии, где есть место и ядерным взрывам, и монстрам, и суровой борьбе за выживание. При этом остросюжетность как неотъемлемая характеристика направления не должна исключать глубокую содержательность. В первую очередь это касается произведений литературы, а именно — их аксиологической составляющей. Данная статья посвящена анализу трилогии Д. Глуховского «Метро 2033–34–35» с точки зрения системы ценностей человечества в катастрофическом состоянии его бытия, «внимания к человеческой личности и её судьбе» [2, 17].

Для анализа поэтики трилогии Д. Глуховского в современном литературоведении используются понятия антиутопии, постапокалиптики, какотопии [1, 41–43]. Думается, что в этом ряду должно занять значимое место такое понятие, как мифологизм. Как отмечает исследовательница А. В. Григоровская, писатель выстраивает в своей антиутопии «деградативную модель общества» [2, 13]. Выжившие после ядерной катастрофы люди спускают в московское метро, где образуются своеобразные обособленные станции-государства со своими системами правления, кастами — коммунистов, фашистов, религиозных сектантов, демократов, людей-кроликов, властителей и жертв, своими правительствами, идеологией, культурами, бытом, отношениями и атрибутикой (яркий пример — поклонение бюсту Сталина) и т. д. Д. Глуховский не просто рисует масштабный образ мира, подчиняющегося новому чудовищному порядку, ежедневно продолжающего всё больше и больше нравственно распадаться. Писатель создаёт неомифологический роман, в котором в одном хронотопе сосуществуют, как бы оживают наиболее значимые для него, с точки зрения аксиологии, исторические эпохи, времена — средневековья, сталинизма, пещерного периода и другие. Таким образом, тема актуальных ценностей людей, выживших после ядерной катастрофы, становится центральной и даже сюжетообразующей, а какотопия метро превращается в аллюзию на всю человеческую историю с её архетипами, основной из которых — насилие в различных его формах. Идея неомифологии

Д. Глуховского заключается в том, что сложившиеся «схемы» сознания и ценностные ориентиры людей, как выясняется, никуда не исчезают, не умирают, а трансформируются, «реанимируются» в наиболее кризисные моменты, принимая подчас уродливые, жестокие формы.

Важно то, что кризис от переживания общей нестабильности и духовной ситуации в России (и — добавим — в мире), по признанию самого автора, — причина появления первого романа трилогии и, соответственно, продолжения работы над последующими частями. Как отмечает Д. Глуховский в своём интервью, на развитие сюжета прямо повлияли события, случившиеся в России и в мире в первом десятилетии XXI века. Они заставили задуматься о многом, подтолкнули его к тому, чтобы написать «Метро 2035» и в итоге превратить историю метро в трилогию [3]. С одной стороны, третью книгу можно читать отдельно от других частей, поскольку у неё свой сюжет, внешне, фабульно независимый от предыдущих романов. Мир тот же: через двадцать лет после Третьей мировой войны, которая полностью уничтожает человеческую цивилизацию, выживают только те, кому удалось добежать до ближайшей станции московского метро — самого большого в мире противорадиационного бункера. Развивается новая, если можно так сказать, антицивилизация, в которой все сражаются против всех, в которой есть только настоящее и нет будущего. С другой стороны, первый и второй романы помогают глубже понять то, что происходит, раскрыть саму личность Артёма и конфликт ценностей. В мире, возникшем под землёй, новый герой не может существовать. Точнее, он не может и не хочет принять этот мир, потому и находится в поиске единомышленников.

Для какотопической подземки характерно состояние постоянной ненависти людей друг к другу, соперничества и подавления, стремления доминировать любой ценой, основанное на борьбе за биологическое выживание, дух насилия и смерти, а не созидания. В таких условиях неизбежно происходит обесценивание главного — человеческой жизни и, по сути, идёт война всех против всех [2, 16], где нет места гуманизму, милосердию, состраданию и другим ценностям, прошедшим многовековую проверку. Происходит сюжетная «переакцентировка»: хтонические чудовища теперь занимают «надземье», куда опасно вы-

ходить из тьмы, а человек, только внешне принадлежащий к виду *Homo sapiens*, внутренне сам приобретает звериную сущность. Задумаемся: а ведь между человеком и зверем испокон веков стоит именно культура, мораль, духовные ценности, которые Д. Глуховский и подвергает анализу.

В трилогии «Метро» есть центральный герой — Артём, «путешествующий» из книги в книгу, внутренне объединяющий части повествования, встречающийся с самыми разными людьми и проходящий через испытания дружбой, любовью, страхом, ненавистью и т.д. На наш взгляд, Артём Чёрный — герой инициальный, ему автор доверяет особую миссию. Эта миссия окончательно выясняется в третьей части трилогии. Артём надеется найти на Земле другое место, пригодное для осмысленной жизни, и вывести людей из метро наверх, под солнце, небо, на свежий воздух, освободить от затхлости и сырости подземных коридоров. В плане мифопоэтики трилогии Д. Глуховского у Артёма есть признаки мифологического культурного героя. Он выступает в роли символического строителя нового Ноева Ковчега. Прямо это не показано, но в подтексте библейский мотив угадывается.

Символично, наш взгляд, и имя героя: оно происходит от древнегреческого *Ἄρτεμις*, что означает «невредимый, обладающий безупречным здоровьем», а также «посвящённый богине плодородия Артемиде». Здесь речь идёт, конечно же, не о физическом здоровье, а о здоровье нравственном, о своеобразном «иммунитете» против опасных «болезней» ума и души, разъедающих личность изнутри. Именно поэтому фантастика с её традиционными «атрибутами» (детальями, образами, мотивами, сюжетами, темами) у Д. Глуховского играет второстепенную роль. Писателя беспокоит, по его словам, то, «почему мы так мало изменились внутренне, оставаясь по сути пещерными людьми, несмотря на все технологические прорывы последних двухсот лет, и какие открытия ближайшего будущего способны нас переменить. Мы умеем уничтожить всю планету в доли секунды, и не умеем понять свою ответственность перед ней» [3]. Н. Ловицкий в статье «Хронотоп романа Д. Глуховского «Метро 2033» ставит в этом же контексте вопрос глобально: автор трилогии «Метро» размышляет об ответственности человечества за судьбу земной цивилизации в целом [4, 118].

В. Петрук отмечает, что «Метро 2035» — это, пожалуй, самая политическая книга жанра, поскольку её реалии, как зеркало, отображают современную ситуацию в нашей стране и мире. Это происходит «настолько зеркально, что невольно задумываешься: а почему в анонсе написано, что это «фантастика»?» [5]. Дело в том, что фантастика в данном случае — это не сущность, а как бы художественная «оболочка», позволяющая донести до читателей внутреннее философское содержание. Нельзя считать перипетии трёх романов «квестом», лишённым внутреннего содержания. Это содержание обнаруживается, проявляется через анализ, столкновение ценностей. Артём на наших глазах бьётся о стену непонимания, неверия, отчаяния от того, что происходит. В третьей книге

выясняется истинное положение вещей: оказывается, идёт гигантская политическая игра, в которой чётко распределены и кукловоды, и жертвы. «Невидимые наблюдатели» умело выращивают «людей-кроликов» — ту самую толпу, которой нужен не герой, не перемены, не духовность, а новые хозяева, лидеры, манипулирующие человеческой массой. Выстроена иерархия, фундамент которой — антигуманизм. В топосах и героях романов трилогии узнаются реалии, типы, ситуации нашего времени: обитатели бункера, чинуши, «сильные мира сего», которые поглощают «сложные салаты» в укрепленном убежище, восхищаются восковой статуей Сталина, играют в шахматы. Шахматы — это тоже зловещий символ: на клетчатой доске двигаются на самом деле не фигуры из дерева или слоновой кости, а люди из плоти и крови. Метро разрастается, ширится, подобно огромной Гидре, которой Артём как искатель правды мечтает отрубить голову [5]. Материальный, стадный инстинкт в трилогии торжествует неоднократно. Позиция Д. Глуховского: человек легко поддается по влиянию этого инстинкта, начинает действовать мощный механизм, а единицы несогласных, смотрящие на мир не через стёкла противогазов, прямо рискуют жизнью, начиная с ним противостояние. Действительно, насколько легче выбрать сытую жизнь в убежище, легче предавать, отнимать, присваивать, чем быть человеческим. Кстати, в этом смысле обратим внимание на то, что в романах о метро преобладает лексика с негативной семантикой, что очень значимо для раскрытия аксиологической темы.

Подведём итоги анализа трилогии Д. Глуховского. «Метро 2033–34–35» — это книга о Человеке, о будущем, о надежде. Артём не является воином, узурпатором по своей человеческой природе. И именно это — его главное достоинство, преимущество перед всеми так называемыми «сильными» персонажами книги — перед «летягами», «тимурами», «хантерами» и другими оголтелыми боевиками. Артём — человек будущего, незримый строитель Нового Ноева ковчега. Люди войны умеют только сражаться, они ориентированы на это целиком и полностью с того момента, как они в первый раз кого-то убили. Инстинкт крови и власти заставляет очериваться, брать в руки оружие, делает взгляд холодным, а душу — жестокой. Для того чтобы чувствовать себя «на месте» в подземной реальности, чтобы быть частью системы, обязательно нужен враг. Без войны члены новой популяции людей метро просто никто. Это культура может бесконечно развиваться. А война, насилие, в принципе, лишены развития, разве что кроме орудий и методов убийства и подавления, лишены возможности развития в самой своей сущности. Можно сколько угодно оттачивать навыки приспособленчества к подземным реалиям, навыки выживания и убийства, но будущее в постапокалиптическом мире всё равно за такими, как Артём. На самом деле человечество за тысячелетия своей истории не создало ничего выше, чем истинные ценности, основанные на духовности. Вот о чём написана и заставляет задуматься трилогия Д. Глуховского «Метро 2033–34–35».

Литература:

1. Григоровская, А. В. Роман Д. Глуховского «Метро 2033» как особая жанровая форма // Духовные основы славянской культуры в народном сознании поколений: Материалы 32-й науч. — практ. конф. (Тюмень, 23 мая 2009 г.). — Тюмень: Вектор Бук, 2009. — с. 41–43.
2. Григоровская, А. В. Пространственно-временная организация и мотивная структура в антиутопии 2000-х годов («ЖД» Д. Быкова и «Метро 2033» Д. Глуховского). Автореф. на соиск. уч. степ. канд. филолог. наук. — Тюмень: Изд-во Тюмен. госуд. ун-та, 2012. — 22 с.
3. Кульков Евгений. Дмитрий Глуховский: Тема «Метро 2033» для меня исчерпана, пора умолкнуть // Комсомольская правда. — 14 июля 2015 г. — <http://www.spb.kp.ru/daily/26406/3281548/>
4. Ловицкий, Н. Хронотоп романа Д. Глуховского «Метро 2033» // Международный журнал экспериментального образования. — Выпуск № 6, 2014. — с. 117–118. — <http://cyberleninka.ru/article/n/hronotop-romana-d-gluhovskogo-metro-2033>
5. Петрук Вера. Нужна ли людям правда? Рецензия на роман Дмитрия Глуховского «Метро 2035». — <http://vet-apetruk.ru/reviews/nuzhna-li-lyudyam-pravda-retsenziya-na-roman-dmitriya-gluhovskogo-metro-2035>

О знании технической терминологии

Паршина Татьяна Вячеславовна, магистрант

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Знание технической терминологии как компонента специальной составляющей переводческой компетенции [17], формирует фундаментальную основу понимания технической сути термина, его грамотного перевода, обеспечивает принятие техническими переводчиками правильного переводческого решения.

Ключевые слова: *технический перевод, технический переводчик, знание технической терминологии, виды технических терминов, способы перевода технических терминов, учебный терминологический словарь, перевод технической терминологии, аббревиатура, лексическая единица, терминологическая лексика, терминологические словосочетания*

Квалифицированный технический перевод невозможен без знания технических/специальных терминов.

Техническая терминология — это слова или словосочетания, обозначающие конкретные или абстрактные понятия той или иной области техники (инструменты, приборы, устройства, механизмы, детали, рабочие операции, единицы измерения и др.) [1].

Процесс познания технической терминологии студентами—переводчиками неразрывно связан с изучением вопросов о трудностях и ошибках при переводе технической терминологии, о терминах в научных текстах, о видах технических терминов, о сокращениях в технических текстах, о способах перевода технических терминов, о формировании и ведении учебного терминологического словаря. Рассмотрим эти важные для обучающихся вопросы.

О трудностях и ошибках при переводе технической терминологии

Терминология (специальная/техническая) является одной из сложнейших. Она включает в себя технические и научные термины.

Сложность работы переводчика в области технического перевода определяется многими факторами, в частности [13]:

— многочисленностью технических терминов — ни переводчик, ни специалист технического профиля не могут знать все термины;

— технические термины стремительно развиваются вместе с развитием науки и техники; выпуск отраслевых специальных словарей или словарей технических терминов, отражающих новые термины, всегда отстает на несколько лет;

— не решена проблема унификации терминов; термины узкопрофессиональной области понятны только небольшому кругу переводчиков;

— существует проблема вариативности технических терминов. Морозов М. М. [15, вып. 12] в пособии «Техника перевода научной и технической литературы с английского языка на русский» так говорит об этой проблеме: «... огромное большинство... терминов... не специальные слова, но специальные значения, которые даже в самой технике не являются фиксированными и переливаются множеством вариантов». Ученый советует «подходить к термину не как к самодовлеющей смыс-

ловой единице, а как к вечно изменчивому элементу контекста».

Приведенные выше факторы не являются исчерпывающими, а проблемы, связанные с переводом технических/специальных терминов, заслуживают особого, пристального внимания ученых, практиков, исследователей.

Что касается ошибок, допускаемых переводчиком при переводе специальных терминов, то, по мнению автора, заслуживает внимания обобщенный опыт переводчиков в методическом пособии «Научно-технический перевод с русского языка на английский» Всесоюзного центра переводов [13], 1991 года. Рассмотрим некоторые причины и источники ошибок.

Одна из основных причин ошибок, допускаемых переводчиком при переводе специальных терминов, заключается в непонимании научной или технической сути предмета перевода в целом и термина в частности. Отсюда следует неверный выбор термина, ведущий к искажению смысла.

Примеры:

1. Сочетания «уплотнение линии» переводчик перевел как «sealing the line», хотя по контексту речь идет о частотном уплотнении линии связи «multiplexing».

2. В переводе предложения «Допуск по длине валика не должен превышать 5 мм» из спецификации «Allowance for the shaft length must not exceed 5 mm» переводчик обнаруживает непонимание в данном контексте технической сути термина «допуск». Здесь речь идет о допустимом отклонении от расчетной длины валика, а не о припуске, и перевод должен быть следующим «A tolerance in the shaft length shall not exceed 5 mm».

Источником ошибок в переводе специальных терминов является полное несходство терминов в русском и английском языке. Например, переводчик перевел термин «монтаж» (по контексту речь идет о видеомонтаже) как «mounting» вместо правильного «edit mode».

Еще одной причиной ошибок является употребление в русском языке нестандартных терминов. Так, термин «прозвонить цепь» был переведен как «ring through the line» вместо правильного «test the line».

Следует отметить и такую трудность при переводе терминов, когда переводчик не находит нужный ему термин ни в одном из имеющихся у него словарей. Наиболее правильным решением в такой ситуации будет осуществление поиска термина в англо-русских словарях по аналогичным тематикам.

Таким образом, залогом успеха в переводе терминов является понимание переводчиком технической сути понятия и термина. Конечно, обязательно нужна и переводческая практика, формирующая навык перевода терминов.

О терминах в научных текстах

Профессиональная деятельность технического переводчика немислима без перевода научного текста.

Что такое научный текст? Так, ученые Буре Н. А., Быстрых М. В., Вишнякова С. А. [3] характеризуют научный текст как логичный, точный, строгий и информативный. Ученые отмечают, что в научном тексте употребляются определенные лексико-грамматические средства, специальные структурные схемы, логическая организация текстового материала, терминология.

Исследователь Рождественский Ю. В. [20] рассматривает научный текст (научная проза — в терминологии Рождественского Ю. В.) с точки зрения состава лексических единиц и представляет его как совокупность категорий: термины, слова литературного языка, научная терминология и общенаучная лексика.

Тем общим, что объединяет ученых в описаниях научного текста, является терминология. В научных текстах — монографиях, научных публикациях, учебных материалах, отчетах о научно-исследовательской работе мы находим термины.

Рождественский Ю. В. попытался вывести универсальные классы терминов, которые встречаются в научных текстах независимо от предметной направленности последних.

Это следующие классы: философские термины, научные термины, технические термины, измерительные термины, номенклатурные названия, термины-команды, термины искусств, термины-прогностики. Выделив универсальные классы терминов, ученый предупреждает, что при переводе терминов, наряду с использованием терминологических и информационных словарей, необходимо учитывать сегодняшнее, настоящее время, ибо значение терминов по смыслу может изменяться.

По мнению автора, приведенные выше универсальные классы терминов, не являются исчерпывающими и будут дополняться. Так, в отчетах по научно-исследовательской работе применяются методологические термины, в учебных материалах — педагогические термины.

Таким образом, технический переводчик, осуществляя перевод научного текста по определенной предметной области должен быть готов к переводу не только технических терминов, но и других терминов, в частности, научных, философских, методологических, педагогических.

О видах технических терминов

Одним из авторитетных исследователей, внесших большой вклад в изучении технического перевода, является Климзо Б. Н. [8]. В своей книге «Ремесло технического переводчика. Об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы» Климзо Б. Н. выделяет следующие виды терминов, на которые переводчику рекомендуется обратить внимание:

- имплицитные термины-кальки;
- «хитрые» двухкомпонентные термины;
- многокомпонентные термины.

Имплицитные термины-кальки. Термины, которые получены способом калькирования, и по существу импли-

цитны (неясны), что Климов Б. Н. объясняет склонностью англоязычных авторов к импликациям.

Например, *instantaneous depth* — «текущая глубина» вместо «текущее значение глубины»; *plastic design* — «пластический расчет» вместо «расчет с учетом пластических деформаций».

«Хитрые» двухкомпонентные термины. Термины, в которых нужно при переводе менять местами первый и второй компоненты, то есть определение становится определяемым, и наоборот.

Например, *blended cements* — цементные смеси, а не «смешанные цементы», *power output* — выходная мощность, а не «выход мощности».

Многокомпонентные термины. Под такими терминами Климов Б. Н. имеет в виду не терминологические словосочетания (смысл которых понять относительно легко), а термины, составленные из нескольких слов (компонентов) без каких-либо грамматических связей между ними.

По мнению Климова Б. Н., в большинстве случаев, определяемое слово находится в самом конце многокомпонентного термина, и осмысление термина выполняется с помощью контекста при движении от последнего слова к первому с добавлением отсутствующих смысловых компонентов. Ученый наглядно подтверждает это примером:

перевод многокомпонентного термина «*an upstream one D static pressure tap*» начинается с перевода компонентов в указанной ниже последовательности:

1. *tap* — отбор (из контекста);
2. *pressure* — давление;
3. *static* — статическое;
4. *one D* — один диаметр (трубопровода);
5. *upstream* — находящийся выше по потоку.

Таким образом, окончательный перевод будет выглядеть следующим образом: «отбор статического давления перед измерительной диафрагмой на расстоянии, равном одному диаметру трубопровода».

Еще одним видным исследователем в вопросах изучения технической терминологии можно считать Нелюбина Л. Л. [16], который подразделяет технические термины на три группы:

1. **Термины, обозначающие реалии иностранной действительности, идентичные реалиям российской действительности.** Понимание и перевод терминов этой группы не представляет собой трудности.

2. **Термины, обозначающие реалии иностранной действительности, отсутствующие в российской действительности, но имеющие общепринятые русские терминологические эквиваленты.** Адекватный перевод таких терминов достигается путем подбора соответствующих русских аналогов и путем адекватной замены. Большое значение при переводе терминов этой группы приобретает контекст, который позволяет вывести общее значение термина из значений его компонентов.

3. **Термины, обозначающие реалии иностранной действительности, отсутствующие в российской дей-**

ствительности и не имеющие общепринятых русских терминологических эквивалентов. Перевод этих терминов представляет наибольшую трудность, поскольку правильный перевод не может быть сделан без тщательного, этимологического анализа его компонентов.

Приведенные выше классификации видов технических терминов авторитетных исследователей в области технической терминологии интересны именно своим авторским подходом, основанным на большой переводческой практике.

Классификация технических терминов связана с общей классификацией терминов.

Основателем российской терминологической школы по праву принято считать Д. С. Лотте [11], [12], посвятившего свою жизнь вопросам разработки и упорядочения терминологии, вопросам отбора и построения научно-технических терминов.

В России проблемы терминологии исследуются представителями различных терминологических школ и центров, таких как, например, Московская школа (В. П. Даниленко [6], В. М. Лейчик [10] и др.), Санкт-Петербургская школа (Р. Г. Пиотровский [18], А. С. Герд [4] и др.), Горьковская школа (Нижний Новгород) (Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин [5] и др.).

Отечественные терминологические школы исследуют довольно обширный круг аспектов терминоведения, в том числе и различные подходы к классификации терминов. Например, Горьковская школа терминоведения уделяет внимание, в частности, моделям терминообразования, проблемам автоматизации терминологических исследований, русской филологической терминологии.

В частности, представитель Горьковской школы терминоведения, Головин Б. Н. [5] в основу своей классификации терминов ставит их морфолого-синтаксическую структуру, и выделяет два типа терминов:

1. термины-слова;
2. термины-словосочетания.

Термины-слова, в свою очередь, ученый разделяет в соответствии с морфемной структурой слова на следующие виды: непроизводные (модель, образ); производные (излучение, обкатка); сложные (адаптометр, атмосфера); аббревиатуры (КПД, САПР).

Термины-словосочетания Головин Б. Н. классифицирует в соответствии с типом их структуры:

1. Простые словосочетания, состоящие из двух знаменательных слов, одно из которых является главным, а другое зависимым: силовая установка, производственная мощность.

2. Сложные словосочетания, в которых зависимые слова определяют различные аспекты значения главного слова: упорядочение в сплавах, теория автоматического управления.

Ученый также подробно разбирает виды терминов-словосочетаний по морфологическому типу главного слова: субстантивные словосочетания (главное слово — существительное), адекативные словосочетания (главное

слово — прилагательное), глагольные словосочетания (главное слово — глагол).

В итоге, хочется заметить, что, подходы исследователей, ученых, практиков к определению видов терминов вообще и, в частности, технических терминов различны по своей внутренней структуре; каждый из подходов исследователей, ученых, практиков заслуживает пристального внимания и изучения, особенно внимания и изучения обучающихся — будущими техническими переводчиками.

Автор обращает внимание на значение классификации терминов/технических терминов для студентов-переводчиков и работающих технических переводчиков:

- изучение классификации терминов/технических терминов студентами-переводчиками углубляет и совершенствует переводческую подготовку;

- осуществление исследований классификации терминов/технических терминов формирует (обогащает) научное мировоззрение технических переводчиков (будущих технических переводчиков), их переводческую культуру;

- знание и использование классификации терминов/технических терминов в работе технических переводчиков обеспечивает им принятие правильного переводческого решения.

О сокращениях в технических текстах

Особое место в технических текстах занимают сокращения. Существуют различные подходы к их классификации.

Так, исследователи Мкртчян Г.А., Вечерина Е.А., Чепракова Л.А. в статье «Научно-технический термин, научно-техническая терминология» [14] делят сокращения, встречающиеся в английских научно-технических текстах, на аббревиатуры и акронимы.

Аббревиатуры образуются от начальных букв значительных слов словосочетания. Например, АС — alternating current (переменный ток); АСД — analog-digital conversion (АЦП, аналого-цифровое преобразование).

Акронимы образуются из разных сочетаний букв (из первых букв, от первых нескольких с последней и др.). Например, laser (Light Amplification by Stimulated Emission of Radiation — оптический квантовый генератор); HERALD (Harbor Echo Ranging and Listening Device — базовая гидроакустическая установка).

В Методических рекомендациях для переводчиков и редакторов научно-технической литературы Всесоюзного центра переводов, 1988 года [23] приводятся две разновидности буквенных аббревиатур:

- сочетание букв и цифр (SQ71 — прибор SQ-71; 315NCR — аппарат 315NCR); сочетание букв, цифр и целых слов (Phillips DS 714 — аппарат «Филлипс DS-714»;

- Агипс ЕСС — устройство «Аринк ЕСС»).

Исследователь Смекаев В.П. [22] делит сокращения на общепринятые и исключительные. Общепринятые (лексические) сокращения входят в состав языка вместе

с полными терминами или словосочетаниями и употребляются как в устной речи, так и в письменном тексте: radar-акроним — radio detection and ranging — определение направления и расстояния с помощью радиоволн, РЛС-радиолокационная станция или радар; g-грамм; kw-киловатт. Значения общепринятых сокращений приводятся в словарях.

Исключительные (текстовые) сокращения употребляются авторами или издательствами, чтобы избежать повторения длинных названий. Такие сокращения объясняются в тексте или в примечаниях. Подобный прием могут использовать и переводчики при техническом переводе.

Приведенные выше примеры наглядно показывают, сокращения представляют собой специфический языковой материал, отличающийся от обычных лексических единиц, который будет усложняться с развитием науки и техники.

Для будущих технических переводчиков важно знать, что при расшифровке сокращений следует учитывать, что «расшифровка», сама по себе, не всегда раскрывает истинное значение сокращения.

Необходимо, по мнению автора, предпринять следующие действия:

- внимательно изучить контекст;

- обратить внимание на то, что при первом употреблении в тексте перевода, сокращение сопровождается его расшифровкой;

- изучить справочные материалы к переводному тексту (если таковые имеются);

- обратиться к словарям сокращений, акронимов, аббревиатур, а также к терминологическим словарям (желательно проработать несколько словарей).

О способах перевода технических терминов

От правильного выбора способа перевода технического термина зависит качество перевода всего технического текста в целом.

Возрастающий интерес ученых, практиков, исследователей к определению способов перевода терминов обусловлен стремлением найти оптимальные пути перевода этих сложных лексических единиц.

Так, Коваленко А.Я. [9], Попов С.А. [19], Судовцев В.А. [24], Смекаев В.П. [22], Ивлиева Н.В., Красноперова Ю.В. [7] в своих исследованиях описывали следующие способы перевода терминов, в частности, транскрипция и транслитерация, описательный перевод, способ перестановки компонентов термина, способ перевода компонентов термина в определенной последовательности, использование причастных и деепричастных оборотов при переводе термина. Приведенный список способов перевода терминов не является исчерпывающим. Определение и описание способа перевода термина проходит тернистый путь в несколько десятилетий, и в основе своей содержит колоссальный теоретический и практический материал.

Такой же путь определения и описания проходят способы перевода технического термина. В основе работы по выявлению, определению и описанию способа перевода технического термина находится накопленный теоретический и практический материал по ряду отраслей науки и техники. Учеными, исследователями анализируются технические термины различные по своей структуре, предметным областям и способам их перевода. Итог кропотливой работы ученых, исследователей очень дорог не только для обучающихся, но и для всего переводческого сообщества — приходится по крупницам собирать материал о способах перевода технических терминов из различных источников.

Одними из таких источников являются выпуски обзорной информации Всесоюзного центра переводов научно-технической литературы и документации, в частности, выпуск 18 «Лингвистические проблемы терминологии и научно-технический перевод», часть 2 [27]. Составители этого выпуска, Лейчик В. М. и Шелов С. Д. подробно рассматривают следующие основные способы перевода научных и технических терминов:

а. выявление в переводящем языке эквивалента термина языка оригинала (Например, «iron» — «железо»). Применение этого способа возможно в тех случаях, когда страны достигли одного и того же научного, технического или общественного уровня.

б. придание существующему в языке перевода слову или словосочетанию нового значения под воздействием термина языка оригинала (Например, термин «noise» — «шум» в терминосистеме вычислительной техники). Данный способ Лейчик В. М. рекомендует использовать, так как он не ведет к увеличению числа новых, в том числе заимствованных терминов, и удобен для усвоения специалистами.

с. калькирование, которое подразделяется на структурное (Например, «control torque» — «управляющий момент») и семантическое (Например, «gear box» — «коробка приводов»);

д. заимствование (Например, «interface» — «интерфейс» в области вычислительной техники). Данный способ приветствуется если термин «приходит» в язык перевода вместе с новым объектом, который он называет в языке оригинала.

е. прямое использование интернационализмов (Например, «technology» — «техника»);

ф. описательная конструкция (Например, «digital watch» — «часы с цифровой индикацией»). Данный способ используется преимущественно для безэквивалентных терминов.

В итоге хочется заметить, что знание способов перевода терминов для студентов-переводчиков является надежной основой успешной работы с терминологией.

Знание основных способов перевода технических терминов предоставляет обучающимся широкие возможности для решения трудной задачи — задачи перевода технических терминов.

О знании терминологии и об учебных терминологических словарях

Вопрос о знании терминологии будущими техническими переводчиками является одним из основных в подготовке студентов-переводчиков к будущей профессиональной деятельности.

Под знанием терминологии понимается знание и грамотное использование слов или словосочетаний, отражающих то или иное техническое понятие при переводе [17].

Основополагающим в получении знаний о терминологии и в формировании навыков работы с терминами, по мнению автора, является ведение обучающимися персонального учебного терминологического словаря (гlossария). Ведение учебного терминологического словаря (далее — словарь) требует от обучающихся внимательного и прилежного отношения. Первые шаги по созданию и ведению словаря обучающиеся должны делать под руководством преподавателя, который вооружает студентов методикой создания и ведения словаря. Под методикой создания и ведения словаря, автор понимает, теоретическую часть (правила по отбору терминов, правила о том, какие лексические единицы считать терминами) и практическую часть (порядок внесения в словарь терминов и их значений, внесение в словарь пояснений о терминах, примеров использования терминов, внесение своих личных наблюдений о применении терминов). Приведенные составляющие части методики создания и ведения словаря не являются исчерпывающими. По мнению автора, работе по созданию словаря обучающимися обязательно должна предшествовать лекция о порядке формирования и ведения учебного терминологического словаря.

Обучение студентов-переводчиков порядку ведения словаря необходимо вести серьезным образом. Ведение словаря обучающимися не заканчивается с окончанием университета. Работа только начинается после окончания высшего учебного заведения, и словарь будет пополняться в ходе практической деятельности.

Таким образом, от внимательного и системного подхода к изучению терминов, умения анализировать термины, учитывать их в словаре зависит качество работы будущего переводчика.

Специалисты в области обучения терминологии студентов обращают внимание на ключевые моменты работы с терминами.

Так, Бисько И. А. [2] обращает внимание на то, что в словаре термин может быть выражен существительным или словосочетанием, в котором опорное слово является существительным.

Основной задачей, в процессе обучения терминологии, исследователь определяет усвоение иноязычных терминов и семантических отношений. При этом качественными чертами процесса обучения терминологии будущих специалистов являются непрерывность и системность.

Сергеевнина В. М. [21] полагает, что не во всех случаях возможно исключить из состава терминологий прилагательные, причастия, наречия и глаголы. Эти части речи так же, как и имена существительные, способны обозначать специальные понятия процесса и признака, поэтому их следует фиксировать в учебных терминологических словарях как многокомпонентные субстантивные словосочетания и их сокращения.

Исследователь рекомендует включать в словарь только те значения терминов, которые имеют непосредственное отношение к будущей специализации обучающихся.

Таким образом, исследователи предлагают обучающимся следовать определенному порядку в процедуре внесения терминов в словарь, в частности:

— обращать больше внимания на термины, имеющие отношение к будущей профессиональной специализации;

— учитывать не только термины, но и семантические отношения между ними;

— системно и непрерывно вести терминологический словарь в процессе переводческой деятельности.

Ведение персонального учебного терминологического словаря играет важную роль в расширении знаний студентов-переводчиков о терминах. Обучающиеся, пополняя словарь терминами, могут распределять лексические единицы по тематикам, предметным областям, выбранной специализации.

Терминологические словари по различным областям науки и техники [25], [26] содержат большое количество терминов и терминологических словосочетаний. Они могут послужить основой для формирования обучающимися своего словаря. Например, обучающийся вносит в свой словарь термин *trajectory* [26] (см. таблицу 1).

Таблица 1

Термин	Значение термина	Контекст	Перевод контекста	Терминологические словосочетания
Trajectory	1. Траектория, путь. 2. Кривая или поверхность, образующая постоянный угол со всеми кривыми...	In practice, it is recognized that plumes will not always exhibit a simple trajectory.	На практике же оказывается, что дымные струи не всегда имеют простую траекторию.	1. Trajectory of electron — траектория электрона; 2. Admissible trajectory — допустимая траектория; 3. Ballistic trajectory — баллистическая траектория ...

Обучающиеся, взяв за основу описание термина *trajectory* из терминологического словаря, могут дополнить запись о термине в своем словаре собственными комментариями, примерами употребления данного термина в контексте, замечаниями и предостережениями.

Положительный эффект ведения словаря студентами-переводчиками заключается в том, что будущий специалист, работая с термином в словаре, продумывает термин, осмысливает термин, вносит свои комментарии по использованию термина, и запоминает термин. Это важно.

Залог успеха в работе с терминологией заключается в систематическом прорабатывании терминов. Срабаты-

вает философский закон перехода количества в качество. Непрерывно работая с терминами, внесенными в словарь, анализируя термины, анализируя применение терминов, обучающиеся, в конечном счете, овладевают правильным применением терминов при переводе.

В итоге хочется заметить, что ведение персонального учебного терминологического словаря формирует у обучающихся твердое представление о терминологической лексике, знание терминологической лексики, знание способов ее употребления, и обеспечивает формирование у студентов-переводчиков устойчивого навыка грамотного перевода терминов и терминологических словосочетаний.

Литература:

1. Базылев, В. Н. Технический перевод. Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник / Отд. языкознания; Отв. редактор канд. филол. наук Раренко М. Б. — М., 2010. — 260 с.
2. Бисько, И. А. О значении учебного терминологического словаря. Всесоюзная конференция «Совершенствование перевода научно-технической литературы и документации. Москва, 1988. — 270 с.
3. Буре, Н. А., Быстрых М. В., Вишнякова С. А. Основы научной речи. Учебное пособие. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ: М.: Издательский центр «Академия», 2003. — 272 с.
4. Герд, А. С. Формирование терминологической структуры русского биологического текста. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 112 с.
5. Головин, Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. — М.: Высш. шк., 1987. — 104 с.
6. Даниленко, В. П. Русская терминология (Опыт лингвистического анализа). — Издательство «Наука», 1977. — 245 с.
7. Ивлиева, Н. В., Краснопёрова Ю. В. Способы перевода терминов авиастроения (на материале технической документации) [Электронный ресурс] URL: amgpgv.ru (дата обращения: 04.07.2016).

8. Климзо, Б. Н. Ремесло технического переводчика. Об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы. 3-е изд., исправленное и дополненное — М.: «Р.Валент», 2011. — 488 с.
9. Коваленко, А. Я. Общий курс научно-технического перевода: Пособие по переводу с англ. языка на рус. — Киев: «Фирма «ИНКОС», 2003. — 320 с.
10. Лейчик, В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 4-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 256 с.
11. Лотте, Д. С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики. Ответственный редактор: академик И. И. Артоболевский. Издательство Академии наук СССР, Москва, 1961. — 162 с.
12. Лотте, Д. С. Как работать над терминологией: основы и методы. Ответственный редактор: академик В. С. Кулебакин, Изд. «Наука», Москва, 1968. — 78 с.
13. Люткин, И. Д. Научно-технический перевод с русского языка на английский. Методическое пособие для переводчика-практика. Всесоюзный центр переводов научно-технической литературы и документации. М., 1991. — 123 с.
14. Мкртчян, Г. А., Вечерина Е. А., Чепракова Л. А. Научно-технический термин, научно-техническая терминология. Московский авиационный Журнал «Труды МАИ» № 17, 2004 от 18.11.2004 [Электронный ресурс] URL: mai.ru/science/frudy/.
15. Морозов, М. М. Техника перевода научной и технической литературы с английского языка на русский. — М.: ИН-ЯЗ, 1932–1936. Вып. 1–12.
16. Нелюбин, Л. Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект): учеб. пособие / Л. Л. Нелюбин. — 3-е изд. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. — 216 с.
17. Паршина, Т. В. Педагогический подход к формированию специальной составляющей переводческой компетенции студентов-переводчиков в высшем учебном заведении [Текст] / Т. В. Паршина // Теория и практика образования в современном мире: материалы VIII междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2015 г.). — СПб.: Свое издательство, 2015. — с. 152–155.
18. Пиотровский, Р. Г. К вопросу об изучении термина // Учен. зап. Ленингр. ун-та. Т. 161. Сер. филол. наук. 1955. № 6.
19. Попов, С. А. Технический перевод и деловая коммуникация на английском языке: Учебное пособие / Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. — Великий Новгород, 2006. — 153 с.
20. Рождественский, Ю. В. Перевод научной прозы с точки зрения характера терминологии, встречающейся в научных текстах. Всесоюзная конференция «Совершенствование перевода научно-технической литературы и документов», 7–9 сентября 1988 года, М., 1988.
21. Сергеевнина, В. М. Из опыта составления учебных терминологических словарей для студентов неязыковых ВУЗов. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2011, № 6 (2). — с. 624–627.
22. Смекаев, В. П. Учебник технического перевода (английский язык) Н. Новгород: НГЛУ им Н. А. Добролюбова, Вектор ТиС, 2006. — 316 с.
23. Смирнов, И. П. Методические рекомендации для переводчиков и редакторов научно-технической литературы ВЦП. Всесоюзный центр переводов научно-технической литературы и документации, Москва, 1988. — 74 с.
24. Судовцев, В. А. Научно-техническая информация и перевод. Пособие по английскому языку: Учеб. пособие. — М.: Высш. шк., 1989. — 232 с.
25. Англо-русский и русско-английский автомобильный словарь / М. В. Тверитнев. — М.: АБВУ Press, 2009. — 376 с.
26. Новый англо-русский словарь по электронике: в 2 тт. Ок. 100000 терминов и 7000 сокращений. / Ф. В. Лисовский. — Т. 2: M-Z. — М.: АБВУ Press, 2009. — VI с., — 866 с.

Особенности перевода предсказаний в романах фэнтези

Пустоветова Алёна Олеговна, студент
Южный федеральный университет

Данная статья посвящена особенностям перевода предсказаний в англоязычных романах фэнтези, популярность которых значительно возросла в последнее время. Хронологические рамки: 1950 — настоящее время. Автор рассматривает понятие профетических текстов и их характерные черты. Особенности перевода профетизмов проанализированы на примере пяти известных произведений, написанных в жанре фэнтези: серия книг о Гарри Поттере (Дж. К. Роулинг), фэнтези-сага «Песнь Льда и Огня» (Джордж Р. Р. Мартин),

тетралогия «Наследие» (Кристофер Паолини), серия «Меч Истины» (Терри Гудкайнд) и цикл «Хроники Нарнии» (Клайв Ст. Льюис).

Ключевые слова: фэнтези, перевод, пророчество, профетические тексты, образность, книжная лексика, антонимический перевод, переводческая трансформация

The article is devoted to the peculiarities of translation of prophecies in English language fantasy novels whose popularity has increased significantly in recent years. The chronological framework: 1950 — present days. The author considers the notion of prophetic texts and their characteristic features. The peculiarities of translation of prophetisms are analyzed by the example of the five famous works written in the fantasy genre: series of books «Harry Potter» (J.K. Rowling), a fantasy saga «A Song of Ice and Fire» (George RR Martin), «Inheritance Cycle» (Christopher Paolini), a series «Sword of Truth» (Terry Goodkind) and «Chronicles of Narnia» (C.S. Lewis).

Keywords: fantasy, translation, prophecy, prophetic texts, figurativeness, bookish vocabulary, antonymic translation, translation transformation

Жанр фэнтези представляет собой относительно новое явление в литературе, получившее большое развитие на Западе. Так как романы данного жанра завоевали любовь читателей по всему миру, на данный момент активно осуществляется переводческая деятельность, которая позволяет всем желающим познакомиться с творчеством зарубежных писателей. Как известно, в романах фэнтези большую роль играют профетические тексты, наличие которых является отличительной чертой большого числа текстов жанра. В связи с этим возникает необходимость проанализировать переводы текстов, содержащих пророчества. В данной статье мы рассмотрим некоторые особенности перевода профетических текстов на материале следующих произведений: серия книг о Гарри Поттере (Дж. К. Роулинг), фэнтези-сага «Песнь Льда и Огня» (Джордж Р. Р. Мартин), тетралогия «Наследие» (Кристофер Паолини), серия «Меч Истины» (Терри Гудкайнд) и цикл «Хроники Нарнии» (Клайв Ст. Льюис).

Профетические тексты представляют собой сложные высказывания, в которых сформулированы знания о неких событиях будущего, которые не могут быть заранее объективно спрогнозированы [2, с. 25]. Эти события недоступны для восприятия автора, они отдалены от него как в пространстве, так и во времени, так как принадлежат прошлому или будущему [3, с. 47]. Все многообразие профетических текстов объединяется тем, что в их основе лежит семантический концепт «прогноз». Данный концепт обуславливает вероятностный характер предсказания, следствием которого является абстрактное и обобщенное содержание пророчества, допускающее двоякое толкование [5, с. 208–209]. При этом профетические тексты представляют собой культурную универсалию, которая находит различное воплощение на протяжении всей истории человечества [1, с. 15]. В каждой культуре профетизмы имеют отличительные черты, которые обусловлены отношением людей к предсказаниям и пророкам, а также духовными и нравственными традициями, господствующими в том или ином обществе [6, с. 66].

Профетические тексты в фэнтези имеют ключевое значение, так как они во многом определяют дальнейшее развитие событий и развязку сюжетных линий. Профетизмы передают сразу несколько видов информации: когнитивную, оперативную (которая представляет собой некую инструкцию, следование которой позволит герою достичь поставленной цели), эмоциональную (тексты часто имеют тревожный характер и вызывают определенные эмоциональный отклик у тех, кому открывается содержание пророчества) и эстетическую (пророчества очень образны и иногда представлены в стихотворной форме) [7, с. 151]. В связи с этим перевод профетических текстов требует особой аккуратности.

Обращаясь к анализу профетизмов в оригинале и в переводе, можно выделить ряд особенностей.

1. Сохранение образности

Для профетических текстов характерны образность и символичность, которые позволяют выйти за пределы языка и передать «невывыказываемое» [2, с. 26]. При переводе метафоричность и символизм должны быть сохранены без изменений, потому что трактовка пророчеств всегда двусмысленна и предполагает как прямое, так и переносное понимание содержания. В связи с этим образ, положенный в основу предсказания, должен остаться неизменным, даже если этот образ чужд для культуры переводного языка.

В фэнтези-саге Дж. Р. Р. Мартина можно встретить следующее пророчество:

The glass candles are burning. Soon comes the pale mare, and after her the others. Kraken and dark flame, lion and griffin, the sun's son and the mummer's dragon	Стекланные свечи горят. Скоро придет бледная кобылица, а за ней и другие. Кракен и тёмное пламя, лев и грифон, сын солнца и скомороший дракон.
---	--

Образ горящих свечей свидетельствует о возвращении магии, однако в прямом значении речь идет о свечах Марвина-Мага в Цитадели. На «бледной кобыле» прибывает гонец из Астапора, умирающий от кровавого поноса. После его смерти болезнь охватывает целое поселение, и «бледная кобыла» реализуется в своем метафорическом значении — болезнь и несчастье. В другом переводе (Виленская) можно найти вариант «сивая кобыла», что более характерно для русского языка. Однако такой перевод несколько искажает образность. Эпитет «бледный» вызывает некоторые ассоциации с болезнью и допускает двоякость толкования пророчества, в то время как «сивый» связывается в сознании человека только с мастью лошадей серо-сизого цвета. Кроме того, здесь можно провести параллель со всадником Апокалипсиса: «... и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя «смерть»; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли — умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными.» [4, с. 279; Откр. 6:7–8]. Что касается других образов — кракен, тёмное пламя, лев, грифон, сын солнца и скомороший дракон — они все имеют метафорическое либо метонимическое значение. Так, кракен — это Виктарион Грейджой, на гербе которого изображен кракен, темное пламя — жрец Р’глор Мокорро, имеющий темную кожу, татуированную языками пламени, и т.д.

В пророчестве Мэгги Лягушки мы читаем:

Melara: Will I marry Jaime? Maggy: Not Jaime, nor any other man, Worms will have your maidenhead. Your death is here tonight, little one.	Мелара: Я выйду замуж за Джейме? Мэгги: Ни за Джейме, ни за кого другого. Твою девственность получают черви. Ты умрёшь сегодня ночью, малышка.
--	---

Образ червей в данном случае метафоричен лишь отчасти, так как Мелара утонула в колодце.

В данной цикле одним из самых таинственных, но в то же время ключевых предсказаний является пророчество об Азоре Ахай:

Here will come a day after a long summer when the stars bleed and the cold breath of darkness falls heavy on the world. In this dread hour a warrior shall draw from the fire a burning sword. And that sword shall be Lightbringer, the Red Sword of Heroes, and he who clasps it shall be Azor Ahai come again, and the darkness shall flee before him.	В древних книгах Асшая сказано, что придёт день после долгого лета, когда звёзды прольют кровь и холодное дыхание тьмы коснется мира. В этот страшный час некий воин вынет из огня пылающий меч, и меч этот будет Светозарным, Красным Мечом Героев, и тот, кто владеет им, будет новым Азором Ахай, и тьма расступится перед ним.
---	--

В данном случае невероятно большое значение имеет как можно более точный перевод с сохранением всех образов, так как сразу несколько персонажей произведения могут подходить под указанное описание с реализацией условий как в буквальном, так и в метафорическом смысле.

Например, если рассматривать условие о пылающем мече, то красная жрица Мелисандра заставила Станниса вынуть из огня волшебный меч, в то время как меч Джона просто обгорел во время пожара, что позволяет обоим персонажей рассматривать как потенциальных героев пророчества.

В цикле «Меч Истины» существует следующее пророчество:

On the red moon will come the firestorm. To quench the inferno, he must seek the remedy in the wind. Lightning will find him on that path, for the one in white, his true beloved, will betray him in her blood.	С красной луной придет огненный шторм. Чтобы погасить пожар, он должен искать ответ у ветра. И на этом пути его поразит молния, ибо та, что в белом, его истинная любовь, предаст его своей кровью.
--	---

Здесь образность создается посредством цветопередачи, которая полностью отражена в переводе. Также важна роль природных стихий — огня и ветра.

2. Активное использование в переводе книжной и устаревшей лексики

При анализе переводов можно заметить, что отдается приоритет использованию высокопарной и устаревшей лексики, что придает тексту торжественность и подчеркивает его судьбоносный характер.

В книге «Гарри Поттер и узник Азкабана» профессор Трелони произносит пророчество:

Оригинал	РОСМЕН	Мария Спивак
... The dark lord will rise again with his servant's aid, greater and more terrible than ever he was...	... С поддержкой верного слуги Темный Лорд воспрянет вновь, еще более великим и ужасным, чем когда-либо доселе С помощью своего слуги чёрный лорд восстанет вновь, более великий и более ужасный, чем когда-либо прежде ...

Мария Спивак переводит выражение «than ever he was» как «чем когда-либо прежде», в то время как в переводе РОСМЕН мы находим устаревшее наречие «доселе».

Обратимся к переводу пророчества профессора Трелони в книге «Гарри Поттер и орден Феникса»:

Оригинал	РОСМЕН	Мария Спивак
The one with the power to vanquish the Dark Lord approaches .	Грядет тот, у кого хватит могущества победить Темного Лорда...	Близится тот, кто сумеет победить Чёрного лорда...

Английский глагол «to approach», который принадлежит к нейтральной лексике, в переводе РОСМЕН представлен глаголом «грядети», который относится к высокопарной лексике. Его употребление вполне оправдано, так как он передает всю серьезность и трагичность момента. В сознании русского человека это слово имеет негативные коннотации, о чем можно судить, обратившись к анализу сочетаемости данного слова: грядёт расплата; грядёт возмездия час; «Грядёт минута роковая!» (А. С. Пушкин). В переводе Марии Спивак мы находим глагол «близиться», который также принадлежит к книжной лексике.

В этом же пророчестве:

Оригинал	РОСМЕН	Мария Спивак
... and the Dark Lord will mark him as his equal, but he will have power the Dark Lord knows not.	... и Темный Лорд отметит его как равного себе, но не будет знать всей его силы...	... Чёрный лорд отметит его как равного себе... но ему дарована сила, о которой неизвестно Чёрному лорду...

Мария Спивак употребляет глагол «даровать», которые принадлежит к пласту устаревшей и высокопарной лексики.

В романе «Эрагон» можно найти следующие примеры:

... That is impossible to misunderstand. Your fate will be to leave this land forever...	... Это невозможно истолковать иначе. Судьбой тебе уготовано покинуть эту страну...
--	---

Переводчик использует книжное слово «истолковать» и высокопарное выражение «уготовано судьбой», что позволяет создать мистическую атмосферу.

В том же произведении пророчество было произнесено котом Солебумом:

When the time comes and you need a weapon, look under the roots of the Menoa tree.	В урочный час, когда тебе понадобится оружие, ищи под корнями дерева Меноа.
---	--

Прилагательное «урочный» является устаревшим, но так как оно часто употребляется в таких фразах, как «Урочный час настал» (И. А. Гончаров), его использование вполне оправдано.

3. Использование полисиндетона в начале предложения

В переводе пророчеств на русский язык заметна тенденция к использованию полисиндетона, в частности союзов «а» и «и» в начале предложений в качестве связующего элемента, который, тем не менее, отсутствует в тексте оригинала.

Цикл «Меч Истины»:

Therefore comes the greater darkness of the dead. For there to be a chance at life's bond, this one in white must be offered to her people, to bring their joy and good cheer.	А потом придет тьма великая, тьма смерти. И ради надежды спасти Жизнь та, что в белом, должна быть предана народу своему, дабы возвеселился и возрадовался народ.
To quench the inferno, he must seek the remedy in the wind. Lightning will find him on that path, for the one in white, his true beloved, will betray him in her blood.	Чтобы погасить пожар, он должен искать ответ у ветра. И на этом пути его поразит молния, ибо та, что в белом, его истинная любовь, предаст его своей кровью.

Тетралогия «Наследие»:

Where you will end up I know not, but you will never again stand in Alagaesia. This is inescapable.	... я не ведаю, но ты никогда больше не ступишь на землю Алагейзии. И этого тебе никак не избежать.
---	--

Использование такой стилистической фигуры, как полисиндетон создает ощущение непрерывной последовательности событий и их необратимости. В то же время это помогает подчеркнуть мистический характер пророчества и его сохранить его сущность как одного из древнейших способов прогнозирования грядущих событий. Также особую роль играет возникновение ассоциаций с былинами, сказаниями и мифами, где часто применялась такая синтаксическая конструкция:

Ты бери-ка у нас золото, серебро,
И бери-ка у нас скатый жемчуг,
И живи у нас, во городе Чернигове,
И слыви у нас воеводу.
 (Илья Муромец и Соловей-разбойник *фольклор*)

4. Объединение нескольких предложений в одно при переводе

В текстах пророчеств на английском языке наблюдается тенденция к преобладанию коротких предложений, которые при переводе на русский объединяются в одно.

«Песнь Льда и Огня»:

In this dread hour a warrior shall draw from the fire a burning sword. And that sword shall be Lightbringer, the Red Sword of Heroes, and he who clasps it shall be Azor Ahai come again, and the darkness shall flee before him.	В этот страшный час некий воин вынет из огня пылающий меч, и меч этот будет Светозарным, Красным Мечом Героев, и тот, кто владеет им, будет новым Азором Ахай, и тьма расступится перед ним.
--	---

Тетралогия «Наследие»:

Your fate will be to leave this land forever. Where you will end up I know not, but you will never again stand in Alagaesia.	Судьбой тебе уготовано покинуть эту страну, и где закончится твой путь, я не ведаю, но ты никогда больше не ступишь на землю Алагейзии.
I wish that this were not so — it can only mean more trouble — but betrayal is clear. And it will come from within your family».	Я бы предпочла, чтобы этого не было — такое сочетание сулит страшные беды, предательство, и совершенно очевидно, что истоки этого предательства — в твоей собственной семье.
I cannot say if this passion will end happily, but your love is of noble birth and heritage. She is powerful, wise, and beautiful beyond compare».	Не знаю, правда, будет ли твоя любовь счастливой, но возлюбленная твоя принадлежит к благородному и могущественному роду, она мудра и невыразимо прекрасна.

5. Использование такой переводческой трансформации, как добавление

«Песнь Льда и Огня»:

Here will come a day after a long summer when the stars bleed and the cold breath of darkness falls heavy on the world...	В древних книгах Асшая сказано , что придёт день после долгого лета, когда звёзды прольют кровь и холодное дыхание тьмы коснется мира...
---	---

В переводе на русский язык появляется уточнение о том, откуда пошло пророчество, в то время как в тексте оригинала данная информация отсутствует. Перед предсказанием по тексту была дана информация о том, что данное пророчество было произнесено в Асшае, переводчик просто объединил её с текстом предсказания.

Тетралогия «Наследие»:

... I see great battles raging around you, some of them fought for your sake...	... Я вижу великие сражения — ты будешь участвовать в них , а некоторые и возникнут из-за тебя...
«An epic romance is in your future, extraordinary, as the moon indicates — for that is a magical symbols — and strong enough to outlast empires.	У тебя в будущем большая любовь, о которой станут слагать песни . Любовь необыкновенная — на это указывает месяц, символ магический. И будет эта любовь сильнее всего на свете, сильнее любой Империи.

6. Антонимический перевод

Говоря об антонимическом переводе, следует заметить, что данная черта характерна для перевода пророчеств в стихотворной форме, где данный прием позволяет сохранить рифму без искажения смысла. Реализацию данной особенности можно рассмотреть на примере пророчеств, сформулированных в цикле «Хроники Нарнии»:

When Adam's flesh and Adam's bone Sits at Cair Paravel in throne, The evil time will be over and done.	Когда начнёт людское племя В Кэр-Паравале править всеми, Счастливое наступит время.
Where sky and water meet, Where the waves grow sweet , Doubt not, Reepicheep, To find all you seek, There is the utter East.	Где сливаются небо и моря волна, Где вода морская не солона , Вот там, мой дружок, Найдешь ты Восток, Самый восточный Восток.

Таким образом, в ходе исследования было выделено шесть особенностей перевода пророческих текстов в жанре фэнтези:

1. Сохранение образности;
2. Активное использование в переводе возвышенной и устаревшей лексики;
3. Использование союзов в начале предложения;
4. Объединение нескольких предложений в одно при переводе;
5. Использование такой переводческой трансформации, как добавление;
6. Антонимический перевод.

Данные особенности проявляются в переводах в той или иной степени в зависимости от специфики пророчества, языкового портрета того, кто произносит предсказание, стиля автора и переводчика.

Литература:

1. Берестнев, Г.И. Коммуникативные и семантические особенности пророческих текстов / Г.И. Берестнев, Я.А. Мальцева // Филологические науки, 2010 — № 5–6. — с. 15–24.
2. Берестнев, Г.И. Трансцендентность языка пророческих текстов / Г.И. Берестнев, Я.А. Мальцева // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология, 2012 — № 8. — с. 25–31.
3. Берестнев, Г.И. Время и язык «иной действительности» в пророческих текстах / Г.И. Берестнев // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология, 2011 — № 8. — с. 45–50.
4. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — М.: Издание Московской Патриархии, 1995. — 1198 с.

5. Князева, А. А. Тексты о предсказании будущего как вид прогностических текстов / А. А. Князева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2009 — № 114 — с. 207–211.
6. Мальцева, Я. А. Референтные сдвиги в профетических текстах / Я. А. Мальцева // Филологические науки, 2009 — № 5. — с. 66–75.
7. Стрельцов, А. А. О переводе предсказаний и пророчеств / А. А. Стрельцов // Альманах современной науки и образования, 2009 — № 8–1. с. 150–151.

Обучение технологии перевода как важнейший этап при подготовке переводчиков

Чадина Ирина Сергеевна, магистрант

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева

Главная цель перевода — достижение адекватности. Основная задача переводчика при достижении адекватности — умело произвести различные переводческие трансформации для того, чтобы текст перевода как можно более точно передавал всю информацию, заключённую в тексте оригинала при соблюдении соответствующих норм переводящего языка.

Теоретический анализ литературы позволяет выделить обучение технологии перевода, т.е. обучение основным приемам перевода и видам переводческих трансформаций, в один из основных этапов обучения переводчиков. Данный аспект является одним из центральных, и знание его теоретических основ чрезвычайно важно в работе любого переводчика.

Переводческие трансформации рассматриваются в переводе как приемы перевода, которые может использовать переводчик при переводе различных текстов, в тех случаях, когда словарное соответствие отсутствует, или не может быть использовано в условиях данного контекста.

В этой связи, можно согласиться с точкой зрения о том, что «Переводчик должен, прежде всего, понять текст, или декодировать его. Он может правильно воспринять текст, если применит коды, сходные с теми, что применил автор» [6, с. 210].

В первую очередь важно уточнить смысл, вкладываемый в понятие «переводческая трансформация».

«Словарь лингвистических терминов» О. С. Ахмановой определяет трансформацию как «один из методов порождения вторичных языковых структур, состоящий в закономерном изменении основных моделей» [2, с. 480].

Исследователь Кулемина К. В. даёт следующее определение: «Для достижения адекватного и эквивалентного перевода потери неизбежны. Однако существует ряд преобразований, позволяющих сохранить адекватность перевода на уровне целого текста. Такие преобразования и называются **трансформациями**» [7, с. 143].

Однако основополагающим принято считать определение Л. С. Бархударова, поскольку оно наиболее точно отражает сущность вопроса.

Л. С. Бархударов исходит из того, что «переводческие трансформации — это те многочисленные и качественно

разнообразные преобразования, которые осуществляются для достижения переводческой эквивалентности («адекватности») перевода вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков» [3, с. 190].

Иными словами можно сказать, что переводческие трансформации — это межъязыковые преобразования, перестройка элементов исходного текста, операции пере- выражения смысла или перефразирование с целью достижения переводческого эквивалента.

Очевидно, что трансформации могут рассматриваться как приемы, используемые при переводе, и навыки владения ими, следовательно, необходимо выработать.

Существует огромное множество способов классификации переводческих трансформаций. Как показал анализ рассмотренных точек зрения разных отечественных и зарубежных лингвистов, общей классификации переводческих трансформаций и приемов их реализации не существует. В этой связи можно выделить следующих авторов, занимающихся данной проблемой: Алексеева И. С., Бархударов Л. С., Комиссарова В. Н., Латышев Л. К., Миньяр — Белоручев Р. К., Рецкер Я. И., Швейцер А. Д. Рассмотрев несколько классификаций трансформаций, можно прийти к выводу, что единой системы не существует. Но ознакомление студентов с классификациями переводческих трансформаций будет иметь безусловный положительный методический эффект. Следовательно, возникает конструктивная основа для анализа и обсуждений переводов.

Со всей очевидностью можно констатировать, что в процессе переводческой деятельности трансформации чаще всего бывают смешанного типа. Как правило, разного рода трансформации осуществляются одновременно, то есть сочетаются друг с другом — перестановка сопровождается заменой, грамматическое преобразование сопровождается лексическим. Именно такой сложный, комплексный характер переводческих трансформаций и делает перевод столь сложным и трудным делом [9, с. 126].

Нам представляется наиболее удачным описание этого этапа обучения в коллективной монографии «Методи-

ческие основы подготовки переводчиков» под редакцией В. В. Сдобникова.

В данной монографии О. В. Петрова пишет, на этапе обучения переводческой технологии или технологии перевода необходимо

- познакомить студентов с основными принципами перевода, с требованиями к переводчику и к результатам его труда;

- дать студентам представление об основных приемах перевода, о видах переводческих трансформаций и условиях, в которых они могут или должны применяться;

- сформировать у студентов умения применения основных приемов перевода [11, с. 32].

Очевидно, что в качестве учебных пособий используются учебники по теории и практике перевода. В используемых пособиях содержится: краткое изложение принципов и объяснение сути приемов перевода, необходимые упражнения, последовательность расположения которых соответствует последовательности подачи материала в первой части, и завершатся пособие подборкой текстов, также расположенных в последовательности, обеспечивающей преемственность материала. Таким образом, необходимо последовательное решение усложняющихся переводческих задач [11, с. 33].

Полученные знания обрабатываются на практике в ходе выполнения специально составленных и подобранных упражнений.

В данной связи уместно привести определение упражнений Латышева Л. К. «Переводческие упражнения на использование трансформаций — это задания на применение данного приема при переводе определенного отрезка текста. Так же он подразделяет их на подготовительные и практические» [8, с. 130].

Кроме того, упражнения представляют собой серии предложений, предназначенных для решения определенной переводческой задачи. Каждое из этих предложений представляет собой мини-текст — в том отношении, что каждое предложение характеризуется определенной контекстуальной независимостью и содержит информацию, достаточную для поиска переводческих решений [11, с. 32].

Но важно отметить, что прежде чем перейти к конкретной работе с упражнениями, необходимо напомнить, что для получения грамотного перевода переводчик должен хорошо знать предмет своей будущей профессиональной деятельности. Поэтому при работе над всеми видами упражнений следует добиваться усвоения фактического материала по изучаемой специальности и адекватного владения ее терминологической номенклатурой. [10, с. 220].

В этой связи необходимо упомянуть одно из наиболее известных положений методики преподавания иностранных языков, о том, что достаточно прочное запоминание языковых единиц и моделей обеспечивается путем неоднократного их повторения. Однако при этом по мере возможности следует избегать монотонности [9, с. 51].

Каждое упражнение направлено на отработку какого — то определенного приема перевода, очень важно следить за тем, чтобы предлагаемые студентами переводы были выполнены с использованием именно этого приема. Строго говоря, с методической точки зрения при выполнении каждого упражнения можно (и даже нужно) ограничиваться обсуждением именно того явления, которое составляет суть этого упражнения. Перевод каждого предложения должен соответствовать всем нормам переводящего языка [11, с. 33].

Основной целью обучения на данном этапе является то, чтобы дать обучаемым достоверные, научно обоснованные и аргументированные знания о принципах перевода, прежде всего, как процесса, то есть о процессе декодирования смысла (совокупности смыслов) на исходном языке (ИЯ) и последующего его перекодирования на языке перевода (ПЯ). Привить умения в данном контексте означает научить их выполнять в некой последовательности определенную номенклатуру операций, необходимых для достижения коммуникативной эквивалентности исходного текста (ИТ) и переводного текста (ПТ). [4]

Изучение каждой темы должно завершаться письменными контрольными работами или докладами обучаемых на языке по пройденной тематике.

Постоянное внимание к значимости каждого слова, каждой формы — неременное условие успешного обучения на данном этапе.

Но в то же время необходимо показать студентам, что механическая замена английских слов русскими или просто использование клишированных выражений, связанных с тематикой переводимого текста, не является переводом.

Полезно бывает проиллюстрировать случаи нарушения сформулированных преподавателем требований опубликованными переводами. Порой в профессионально выполненных переводах отсутствуют те моменты, которые явственно показали бы применение тех переводческих операций, на которых настаивает преподаватель при обучении студентов технологии перевода. Данный факт во многом объясняется тем, что автор текста, особенно если речь идет о художественном произведении, посредством слова отображает не только языковую, но и художественную картину мира эпохи. Как отмечает А. Ю. Ивлева: «Языковая и художественная картина мира, открывающаяся перед студентами, изучающими английский язык, обогащает их личности, способствуя формированию общечеловеческих ценностей» [5, с. 221]. При передаче текста переводчик стремится сохранить прагматический потенциал оригинала, поэтому трансформации в их чистой форме вряд ли могут найти отражение при переводе. Об этих особенностях переводческой деятельности необходимо сообщать на лекциях по теории перевода.

Немаловажно, чтобы лекции по теории перевода опережали практические занятия, так как опыт показывает,

когда чтение лекций идет одновременно с практическими занятиями по переводу, студенты еще не совсем понимают особенности, выбранной ими профессии.

Очевидно, что, переводчик должен быть знаком с переводческими трансформациями, должен осознавать их как приемы. Тогда и в практической работе ему будет легче принимать решения, он будет увереннее в своих силах, будет реже считать, что его что-то внезапно «осенило», и чаще понимать, что он просто напросто владеет определенным уровнем техники [1, с. 87].

Важно подчеркнуть, что в Госстандарте так же особое внимание уделено изучению технологии перевода, т.е. переводческим трансформациям, которые используются при передаче единиц ИЯ средствами ПЯ, т.е. обучение

технологии перевода направлено на выработку у студентов определенного алгоритма действий.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что, «владение технологией перевода — обязательное качество профессионального переводчика, и этому непременно нужно обучать на первом этапе обучения переводчиков» [11, с. 150]. Методика подготовки переводчиков малоизученная отрасль науки, вследствие этого обучение студентов на данном этапе требует разработки особых методических приемов. Таким образом, на начальном этапе необходимо дать учащимся представление об основных приемах и методах перевода, о видах переводческих трансформаций, причинах их употребления, а так же формировать у студентов умения применения данных приемов.

Литература:

1. Алексеева, И. С. Профессиональный тренинг переводчика Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. — СПб.: Союз, 2004. — 288 с. — (Изучаем иностранные языки).
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Советская энциклопедия, 1969. — 607 с.
3. Бархударов, Л. С. Язык и перевод. — М.: Междунар. отношения, 1975. — 240 с.
4. Витренко, А. Г. Надо ли учить переводческим трансформациям? [Электронный ресурс] / А. Г. Витренко. — Режим доступа: <http://agvitrenko.3dn.ru/publ/1-1-0-6>. (Дата обращения: 18.03.2016)
5. Ивлева, А. Ю. Воспитание личности в культурном пространстве текста // Вестник Мордовского университета / Научно-публицистический журнал № 2. Серия «Педагогические науки», 2009. — с. 218–222
6. Ивлева, А. Ю. Роль переводчика в передаче культурного пространства текста оригинала // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия / Научный журнал № 1 (29) 2010. — с. 210–215
7. Кулемина Ксения Владимировна Основные виды переводческих трансформаций // Вестник АГТУ. 2007. № 5. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-vidy-perevodcheskih-transformatsiy> (дата обращения: 11.04.2016).
8. Латышев, Л. К., Семенов А. Л. Перевод: Теория, практика и методика преподавания: Учебник для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений. 2-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 192 с.
9. Латышев, Л. К. Перевод проблемы теории, практики и методики преподавания М.: Просвещение, 1988. — 160 с.
10. Миньяр-Белоручев, Р. К. Как стать переводчиком? — М.: Стелла, 1994—142 с.
11. Нелюбин, Л. Л., Князева Е. Г. Переводоведческая лингводидактика: учебно-методическое пособие М.: Изд-во Флинта, 2009. — 320 с.
12. Сдобников, В. В. Методические основы подготовки переводчиков: нижегородский опыт. Монография. — Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2007. — 165 с.

Оценка качества перевода: критерии адекватного и эквивалентного перевода по В. Н. Комиссарову

Шичкина Мария Геннадьевна, студент

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева

Немецкий поэт и писатель В. Менцель однажды сказал: «Перевод — это цветы под стеклом». Его словам вторит высказывание французского учёного и философа П. Буаста: «Перевод есть не более, чем гравюра... переводы очень похожи на оборотную сторону вышитых по канве узоров» [3, с. 7]. Подчёркивая невозможность появления в полной мере эквивалентного исходному

тексту текста перевода, они, тем не менее, не отрицали необходимость существования понятия перевода в условиях современной действительности. И. В. Менцель, и П. Буаст оставили миру много замечательных произведений, которые в некоторой степени повлияли на становление умов многих известных учёных, философов, поэтов и прозаиков не только на родине, но и за рубежом. Были

ли бы возможны успехи и достижения, к которым шли эти поэты и философы, без вдохновения, которое они черпали из поэзии и прозы, переведённой на другие языки? Даже если цветы находятся за стеклом, они не могут не радовать глаз своей красотой — точно так же текст, переведённый на другой язык, не может не влиять на читателя тем же самым образом, что и оригинал. Но стекло должно быть прозрачным, а перевод — правильным, иначе суть текста может затеряться в предвзятости буквализма или, наоборот, в беспечной вольности переводчика. И переводчик, стремящийся передать текст во всех его красках, не упустив ни одной маленькой детали, как правило, обращается к потенциалу науки и существующим в ней, уже устоявшимся техникам перевода. Годами собираемые и аккумулируемые знания являются той базой, на которую может и должен опираться специалист по переводу, так как известно, что совершенства в выполнении практической части можно добиться через полное понимание теории. Вопрос адекватности перевода и эквивалентности перевода оригиналу — один из основополагающих в науке о переводе: им занимались В. Н. Комиссаров, Л. С. Бархударов, Т. А. Казакова, Л. К. Латышев и другие. Любая попытка подробного изучения этого вопроса неизбежно натывается на необходимость пояснения терминов «адекватный перевод» и «эквивалентный перевод». В обыкновенном понимании их значение несколько размыто, и грань, отделяющая одно понятие от другого, едва заметна, если заметна вообще. Такого же мнения придерживаются некоторые учёные (например, Р. Левицкий, Дж. Кэтфорд). В интерпретации других специалистов (В. Н. Комиссарова и его учеников) данные понятия не могут быть взаимозаменяемы, а их трактовка данных носит чётко выраженный характер. Несмотря на то, что существует много других определений для данных терминов (А. В. Федорова, Р. К. Миньяра-Белоручева), именно в интерпретации В. Н. Комиссарова мы бы хотели проанализировать феномен адекватного и эквивалентного перевода. Так «эквивалентный перевод» определяется им как «перевод, воспроизводящий содержание иноязычного оригинала на одном из уровней эквивалентности» [6, с. 5]. «Адекватный перевод» по В. Н. Комиссарову — это «перевод, который обеспечивает прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушения норм или узуса ПЯ, соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствуя общественно-признанной конвенциональной норме перевода» [6, с. 5]. В представленных определениях можно заметить некоторые отличия, в основном обусловленные разницей в атрибутах А и Э перевода, на которые делает акцент В. Н. Комиссаров. К эквивалентному переводу предъявляется достаточно мало требований: он должен только соответствовать одному из уровню эквивалентности, в то время как адекватный перевод оценивается намного строже, концентрируя в себе все качества совершенного перевода. Поэтому понятие «адекват-

ность» в данном контексте становится в некоторой мере синонимом слов «полноценность» и «совершенство». Об адекватном и эквивалентном переводе В. Н. Комиссаров также пишет в пособии «Общая теория перевода» и «Современное переводоведение», тему эквивалентности и адекватности также в своих научных работах затрагивали многие его ученики, вместе составившие целую плеяду научных умов и внёсшие огромный вклад в развитие данной науки.

По этой причине мы в первую очередь хотели бы оттолкнуться от таких понятий как «неэквивалентный перевод» и «неадекватный перевод». Самое простое из них — понятие «неэквивалентного перевода», так как здесь требуется исключительно несоответствие на одном из уровней эквивалентности. В. Н. Комиссаров выделял пять уровней. Первый из них — это соответствие на уровне цели коммуникации, когда текст перевода в целом оказывает на получателя то воздействие, на которое рассчитывал автор исходного текста. Представим такую ситуацию, когда в книге автор рассказывает историю, смешную и достаточно интересную для носителей одной языковой традиции и одной культуры. Однако та же самая история, буквально воспроизведённая на другом языке, может оказать диаметрально противоположный эффект на носителей другой языковой традиции и другой культуры. К примеру, конфликт британцев и шотландцев зачастую становится темой шуток в обществе и тех, и других народов, так как эта носит для них острый, злободневный характер. Если пересказать одну из этих шуток без объяснений, комментариев и ремарок собеседнику, не знакомому с этой темой, то, скорее всего, человек даже не поймёт, о чём идёт речь. Поэтому, когда мы говорим о соответствии или несоответствии на этом уровне эквивалентности, мы имеем в виду способность переводчика показать сердцевину текста — его суть, его сущность. Если возникает несоответствие на этом уровне эквивалентности, то всё остальное в контексте перевода теряет смысл.

Следующий уровень эквивалентности по В. Н. Комиссарову — это уровень описания ситуации. Такой уровень означает, что текст оригинала и текст перевода должны объединять одинаковые синтаксические конструкции, одинаковое ситуативно-ориентированное сообщение. Несоответствие на этом уровне не имеет такой значимости, это даже может быть допустимо в том случае, если это единственный способ не выйти за рамки вышеописанного уровня эквивалентности (к примеру, когда речь идёт о двух разных ситуациях и об одном и том же заложенном в тексте прагматическом потенциале), однако в остальных случаях несоответствие второму уровню эквивалентности будет считаться отклонением от нормы.

Третий уровень эквивалентности — это уровень высказывания. Этот уровень характеризуется сохранением общих понятий, с помощью которых осуществляется описание ситуации в оригинале. Уровень высказывания практически идентичен уровню описания ситуации, од-

нако, он не настолько общий, не настолько объёмлющий, как второй уровень. К примеру, предложение из романа Э. Золя «Проступок аббата Мура» “But I was bent on seeing you to-day” может переводиться двумя способами: «Но мне во что бы то ни стало необходимо было видеть тебя сегодня» или «Но я настроился на то, чтобы увидеться с тобой сегодня». В первом случае эквивалентность на уровне высказывания отсутствует.

Четвёртый уровень эквивалентности — это уровень сообщения, характеризующийся значительным, хотя, возможно, и неполным соответствием лексического состава, сходными синтаксическими структурами и практически полной лексическо-синтаксической общностью текстов. Довольно часто этот уровень эквивалентности не соблюдается: в целях сохранения прагматического потенциала текста переводчик выходит за рамки слов и конструкций, предлагая свой вариант перевода. Например: «I believe we’ve got about all we can handle outlined for today» в книге Э. Хэмингуэя «Острова в океане» переводится как «Ну, мне кажется, на сегодня мы сочинили больше, чем требуется». Фразовый глагол «to get about» означает «передвигаться», «распространяться», «начинать ходить», «переезжать», глагол «to handle» означает «выдержать», «удержать», «смочь», «outlined» — «выделенный», «обведённый». То есть буквально предложение переводится как «Я думаю, что мы проехали по всему, что могли сегодня очертить». Но, конечно, в русском языке такое предложение вызовет много нареканий, поэтому переводчик с целью приблизить ситуацию к нашему языку и культуре немного подкорректировал этот вариант перевода, одновременно выйдя за пределы уровня сообщения, четвёртого уровня по В. Н. Комиссарову.

Пятый уровень — это уровень языковых знаков. В этом типе эквивалентности, как пишут многие учёные в этой области, достигается максимальная степень близости содержания оригинала и перевода. На этом уровне слова одного языка самым прямым образом переводятся на другой язык. Тексты, которые можно перевести с соблюдением всех предыдущих, а также пятого уровня эквивалентности встречаются достаточно редко — обычно они все служат учебным целям. По этой же причине переводные тексты редко достигают пятого уровня эквивалентности.

1. Текст на английском языке (из книги М. Сомерсета «Бремя страстей человеческих»): «Out late tonight, sir», he said.

2. Буквальный перевод: «Снаружи поздно сегодня вечером, сэр», — он сказал.

3. Литературный перевод: «Поздненько вы сегодня, доктор», — сказал он.

4. Текст на английском языке (из книги С. Кинга «Салимов удел»): It’s Sunday, remember?

5. Буквальный перевод: Это воскресенье, помните?

6. Литературный перевод: Вы помните, что сегодня воскресенье?

7. Текст на английском языке (из книги Дж. Аберкромби «Кровь и железо»): We’ve got something done today at least!

8. Буквальный перевод: У нас есть что-то сделанное сегодня, по крайней мере!

9. Литературный перевод: Хоть что-то сегодня получилось!

На примере различных фрагментов из книг мы показали, что представляет собой нарушение уровней эквивалентности и насколько целесообразно выходить за рамки допустимого.

Понятие адекватного перевода охватывает всё — все уровни эквивалентности, все законы и правила перевода — в рамках прагматической направленности. Учёные, занимающиеся изучением особенностей перевода, пишут, что неадекватный перевод может иметь различные недостатки, начиная от небольших стилистических погрешностей и заканчивая наиболее серьёзной переводческой ошибкой — искажением смысла. М. А. Лопатин пишет, что «самыми распространёнными недочётами переводов являются калькирование формы текста оригинала в переводе — так называемый буквальный перевод; и произвольное толкование смысла оригинала в переводе, предполагающее очень большие расхождения между оригиналом и переводом — так называемый вольный перевод» [7, с. 1]. Буквальный перевод — это фраза, носящая, как правило, негативную окраску и употребляющаяся по отношению к необработанному, литературно безграмотному переводу. Такая форма перевода — своего рода «насмешка» над языком перевода, так как она не учитывает особенностей языка перевода, не учитывает его исторического прошлого, его культурной составляющей и многих других важных нюансов. Другой крайностью является произвольное толкование смысла оригинала в переводе: бывают исключения, когда такая форма перевода оценивается читателями положительно, но в этом случае, как правило, переводчик подаёт текст перевода как новое произведение, основанное на исходном тексте. Когда переводчик просто небрежно относится к тексту оригинала, меняя его до неузнаваемости, при этом утверждая, что это полноценный перевод, он должен знать, что его работа не может называться переводом в полном смысле этого слова. И поэтому так важно нарабатывать свои навыки, усердно тренируясь в переводе, доводя своё умение производить качественную работу над переводом до совершенства, не выходя за рамки прагматического потенциала и уровней эквивалентности. В настоящее время контроль за качеством перевода стал намного строже: глобализация, способствующая распространению языковой и переводческой грамотности, даёт стимул совершенствоваться в этой области не только профессиональным переводчикам, но и любителям правильного, хорошего перевода, практикующим в этой области свои знания специалистам другого профиля, преподавателям, студентам и всем стремящимся к знаниям о правильном переводе. Также, учитывая современные условия жёсткой

конкуренции, издательства, нанимающие переводчиков на работу, не могут позволить себе халатное отношение к выпускаемому продукту перевода, и поэтому обеспечивают максимальный контроль над качеством перевода. Мы полагаем, что эта тема не может не вызвать интерес

у представителей узкого и широкого круга специалистов, занимающихся изучением науки о переводе, и надеемся на её дальнейшее развитие. Ведь, как сказал В. Менцель, «перевод — это цветы за стеклом», а стекло должно быть полностью прозрачным.

Литература:

1. King, S. «Salem's lot». — Hachette UK, 2008.
2. Артамонов, Г. А. На пересечении неоготики, готики и реализма. — 2010.
3. Горький, М., Буаст П., Хауэлл У. Д. Всем хорошим во мне я обязан книгам...
4. Древняя, И. Н. Р. Флоробразы в романе Э. Золя «Проступок аббата Муре» // Древняя и новая Романия. — 2015. — Т. 16. — с. 397–412.
5. Дреева, Д. М. Ономастическая цитата как одна из форм выражения интертекстуальных отношений в поэтическом дискурсе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. — 2016. — № . 2 (36).
6. Комиссаров, В. Н. Общая теория перевода // М.: Высшая. — 1989.
7. Лопатин, М. А. Проблема понятий адекватности и эквивалентности перевода // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2016/02/14266> (дата обращения: 03.03.2016).
8. Моэм, С. Избранные произведения. Т. 2. М // Радуга. — 1985.
9. Ряшенцева, А. Ю. Роль суггестивности педагогического вопроса в процессе познания (Рецензирована) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2010. — № . 2.

ФИЛОСОФИЯ

Explication of an ideal of valuable and neutral science

Rykova Louise Hizirovna, post graduate student;
Kotlyarova Victoria Valentinovna, associate professor;
Gogoleva Marina Alekseevna, associate professor;
Yershova Svetlana Ivanovna, associate professor

The Institute of Service and Business (branch) of Don State Technical University in Shakhty

In this paper the axiological analysis of an ideal of valuable neutrality of scientific knowledge is carried out; the reasons of historical justification and the subsequent insolvency have been established. The concept of valuable and neutral science is formed during formation of science. Representatives of the Rostov scientific school consider that the ideal of science was formed in the 19th century. An example of valuable neutrality of science in F. Bacon and his doctrine about «idols» as obstacles in a way to truth is reviewed. The concept of valuable and neutral science represented function, protective in relation to science, during its formation. The idea of valuable and neutral science developed in works of many philosophers, and in modern post-non-classical science it has undergone considerable changes. In the 20th century the image of science has significantly changed. The concept of valuable and neutral science was essentially unrealized. In modern understanding the axiological neutrality can be defined as conscious refusal of the researcher of own practical estimates of the studied reality. The ideal of valuable neutrality of knowledge was characteristic of classical science.

Keywords: value, axiology, concept of valuable and neutral science, scientific knowledge

Рыкова Луиза Хизировна, аспирант;
Котлярова Виктория Валентиновна, доктор философских наук, доцент;
Гоголева Марина Алексеевна, кандидат педагогических наук, доцент;
Ершова Светлана Ивановна, доцент

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты

The concept of valuable and neutral science was formed during formation of science when it was taken out from the general background of the culture as a kind of relatively independent social education, demanding vital space. During Modern Times the essence of the valuable attitude towards reality, the maintenance of an assessment, value, norm, an ideal, etc. were defined from logico-gnoseological positions; it is obvious while analyzing a range of problems, which generally were a subject of discussions of that time. In this article we carry out the axiological analysis of an ideal of valuable neutrality of scientific knowledge, having established the reasons of historical justification and the subsequent insolvency.

The representatives of the Rostov scientific school L. M. Kosareva and M. K. Petrov consider that the ideal of science, free from values, was formed in the 19th century by the efforts of the leaders of the British Association of the Advancement of Science (originated in 1831) that became a peculiar contribution to further formation of a positivistic image of science [1, pp. 71–72]. On the contrary, we believe that

the leaders of the Association in a statement of value-neutral image of science were the first who emphasized the contrasting values and scientific knowledge. This image has been developed earlier — in the 17th century.

A very striking example of the valuable neutrality of science in modern literature is called «A new organon» by F. Bacon and his doctrine about «idols» as obstacles on a way to the truth. F. Bacon considers that discovery of scientific truth happens due to accumulation, systematization and generalization of the actual material and on their basis there is the establishment of regular invariant cause and effect dependences (laws) between the studied phenomena. These empirical laws can be opened only by systematic supervision of carefully planned experiments that will inevitably lead to a discovery. At the same time it does not matter who conducts researches, followings to standard instructions of application of the method «will work in any hands». Fruitfulness of a skilled method, in particular, is proved by progress of mechanics of that time which in the experiences was not

guided by a metaphysical picture of the world, but left a possibility of practical application of knowledge.

To organize system of knowledge, so that with its help it was possible to identify the reasons of things was a task that F. Bacon faced, when he formulated the theory of distribution of sciences. An initial phase of this distribution he defined in categorical difference of theological knowledge from scientific knowledge as «One is the result of divine inspiration; the second is the sensory perception» [2, p. 199]. His statement that the science has nothing to do with religion is a confirmation of valuable independence of science.

F. Bacon always speaks about faith in God with a special piety. Scope of mind begins with research of attributes of God available to him and comes to the end with studying of the person. However, epicenter, the main object of appendix is the nature which, apparently, is least burdened with extra rational otherworldly influences.

The invention is the science purpose. But what, it is possible to ask, is the purpose of invention? It is obvious that service to the person. The science, which is not almost useful in the opinion of F. Bacon, is possible. Domination of the person over everything is the prime target of science. This domination is necessary to satisfy requirements of life to serve satisfaction of the person, to multiply pleasure and to increase the power that is the purpose of all knowledge. «The human science and force of human coincide», «The knowledge is force» — F. Bacon is not tired to remind. The person can only dominate over things, knowing them. To understand the world and to force to serve, we have to create acquaintance to it. This acquaintance consists in experience, and, therefore, experience is the beginning of science [3, p. 207].

But in order that people could reach right and correct knowledge of the nature, two things — a negative and a positive state are necessary; mind has to be cleared of all prejudices, and it has to occur by a gradual method of supervision and induction from private to more general facts. And mind has to be free from all assumptions. F. Bacon calls these errors of thinking and judgment «idols» which he allocates: «There are four types of idols which keep reason of the person in a siege... We will call the first look idols of a sort, the second — idols of a cave, the third — idols of the area and the fourth — idols of theater» [4]. There are several ways of classification of idols of F. Bacon. For example, the first way of classification, is called qualitative. Idols of a sort and a cave concentrate on human nature more than on human knowledge; while idols of the market and theater are making bigger impact because of social aspects of knowledge and influence of scientific community or education. The other way to classify idols — conditionally called quantitative — consists in distinguishing what parts of these idols influence certain scientists (idols of a cave) who influence the collective (idols of the market, theater) and who influence the individual as a part of collective (sorts, the areas).

F. Bacon claims that a problem of science and philosophy is that they do not trust feelings completely and accumulate either senseless data, or one reason and from several

or senseless data create the wonderful systems claiming that they have reached pure forms or universal axioms which actually are unjustified and false. F. Bacon finds that two leading approaches — experiment and induction — have essential shortcomings, but he also considers that, by their association it is properly possible to compensate some imperfections. Bacon says that feelings only «the judge of experiment while experiment the judge of the nature». F. Bacon considers science as social education, he provides actions, which can create conditions for the best science, and because F. Bacon proves the idea of the best society founded on the best science, his epistemology represents the central part of his anthropology [5].

We support this point of view and consider, firstly, declaration of valuable neutrality of science — it is also a valuable definition since, refusal of values, commitment to anti-values or quasi-values is a peculiar valuable orientation (in more detail about it is stated in M. S. Kagan's work) [6, pp. 67–72].

Secondly, in the conditions of the 16–17th centuries release of science from values was equivalent to recognition of freedom of scientific creativity. Usually, when in literature estimate installation of science on neutrality in relation to values, this function is defined as a little absolutely incorrect. But, applying historical approach, we believe that in certain conditions, especially at initial stages of development of science, this installation deserves just a positive assessment, despite the illusiveness. Science, approving the non-participation in everything that happens in society of the 16–17th centuries, thereby we offered that and «society remained not privy to events in the sphere of knowledge that it did not interfere with internal affairs of science» [7, p. 12]. Such «ideology» of valuable and neutral science can be justified for those times also because it did not serve as an obstacle, did not put an obstacle to studying of the nature.

Thirdly, as well as in Renaissance, in the 17–18th centuries there is also no uniform theory of values as idea of beauty, good and justice remained peripheral for that type of consciousness. The knowledge of the nature and the place of the person that in turn the forefront puts forward power of Reason, scientific thinking becomes a dominant in outlook of the person instead of religion, having pushed aside mysticism and mystical representations, and also having been the basis for natural sciences mathematical knowledge [8, pp. 71–73]. It is obvious that in these conditions the science, first of all, had to protect itself from interventions of religion which could not recognize world outlook reorientation, scientific knowledge by the person of the world and achieve recognition of the rights in temporal power, to become accepted for society.

Fourthly, approach on science took place also from the magic-hermetic movement. The idea of valuable and neutral science which «became an exit from a circle of these problems... appears not as reality, and as the social and beautiful methodological myth which has developed in quite certain social conditions and there was reflection of difficulties

of science at a certain stage of its development» [9, p. 63]. And this concept carried out, first of all, protective functions, gave the chance to the movement of process of the statement, a science institutionalization, the right for existence and freedom of researches.

So, the concept of valuable and neutral science represented one of options of interpretation of an axiology of scientific knowledge, carrying out important function, namely — function, protective in relation to science, during its formation. And this idea during this period, as well as the principle of dual truth in medieval philosophy, had progressive character. In the assumptions we also rely on opinion of the known Russian axiology, the author of the term «culture axiology» G. P. Vyzhletsov according to which «not only post- and non-classical types of scientific rationality possess valuable characteristics, but also classical type, and in his most strict mathematical option» [10, p. 23].

The idea of valuable and neutral science developed in works of many thinkers subsequently. For example, M. Weber considers that it is impossible to demand from science answers to all questions because it is not in its competence to open a question of meaning of life and to become means of the stay. But, on the other hand, the positive contribution of science to practice of life contains that it develops mechanisms of «mastering life» and thinking methods corresponding to them [11, p. 808].

As the Canadian scientist R. Vellen (R. Wellen) notes, in M. Weber's works «as it is paradoxical, «free from values» social the science is represented as the enterprise in which confrontations of critical and estimated positions are irreplaceable» [12].

The idea of valuable and neutral science in modern post-nonclassical science has undergone considerable changes. The considerable part of modern scientists shares opinion that extremely important aspect of methodology of socio-humanistic knowledge is the axiological neutrality. The concept of valuable and neutral science is developed by the American philosopher H. Lacey convinced that the scientific method is connected with a justification context, but not opening [13, p. 51].

In the 20th century the image of science has significantly changed. Inclusion of human measurement in structure of knowledge that is a direct antithesis of an old ideal of «the uninterested subject», purely objective maintenance of knowledge in which for the world of the person there is no place left became the characteristic sign of a new ideal of scientific character.

Philosophers understand knowledge of axiologization differently, and the majority inclines to reconsideration of a role of the personal moment in science.

Feature of a current state of a methodological reflection of science is that the value of scientific knowledge is comprehended in the general context of formation of culture thanks to what informative function of science takes the place of honor in universal system of valuable opportunities of thinking.

Understanding of huge valuable leads to the fact that in methodology of modern science the ideal of objectivity and valuable neutrality of knowledge is cardinaly reinterpreted.

Attempts to combine the principle of an autonomy of science and the principle of its moral responsibility are presented by the Italian philosopher E. Agazzi who distinguishes science as knowledge and science as activity — if activity can and even has to be guided by moral regulative, then knowledge is morally irrespective.

But the knowledge as activity can and in many cases has to be regulated by moral requirements.

Refusal to recognize science as a human activity, neutral concerning values have caused cardinal shifts in a solution of the problem of values in scientific knowledge. In the second half of the XX century the new section of philosophy of science appeared, a science axiology which becomes the arena for discussions concerning a role and value of values in science, disputes between supporters of an internalism and externalism, scientism and anti-scientism are formed [14, p. 439]. Respectively, the perspective of research of a problem of sense in philosophy of science moves from a subject and methods of knowledge to purposes and prospects. The focus of researchers is the definition of the role and the place of values, motivation, and a goal-setting in development of science.

It is necessary to notice, as in understanding of autonomy of science accents have changed a little. In modern science, as well as in classical, the requirement of an autonomy of science from ideological intervention (content of scientific knowledge it should not be corrected to please to «the political order») remains, but there is a new aspect which was almost not actual for classical science — namely, a problem of possible application of scientific knowledge.

The concept of valuable and neutral science was essentially unrealized. First of all, it is connected with theoretical loading of the facts when it has turned out that the facts act as result not of «pure experience», and result of theoretical processing, empirical data are interpreted through a prism of a certain theory. Also character of empirical data has a little changed — in modern science at supervision and experiments the difficult equipment is often used, that is the researcher deals not with the pure phenomena, and with their indirect reflection by means of the devices designed according to certain theoretical notions. Though distinctions of empirical and theoretical levels of knowledge are kept by sense, however the idea of the relation between these levels has changed: there is an interrelation between them, but not the unidirectional dependence of theories on experiential basis as it was supposed in a classical ideal.

In modern understanding the axiological neutrality can be defined as conscious refusal of the researcher of own practical estimates of the studied reality. According to it, the subject is the researcher of socio-humanistic spheres. Having allocated object and subject of the research, we should not consider them as values or anti-values from the point of view of certain morals or ideology, and to belong

to them impartially, deliberately, objectively. For this purpose it is necessary to separate a practical assessment of the studied reality from theoretical definition of belonging to category of values.

Thus, the ideal of valuable neutrality of knowledge was characteristic of classical science. Its relevance was caused by the need of release of scientific knowledge from influence of ideological institutes, first of all religions. In this context of the value-laden judgment opposed judgments of the facts, which have to be objective and admit all people, irrespective

of their valuable installations. The purpose of knowledge was achievement of truth, which represented object as it exists in itself, irrespective of the subject. Such installation assumed the requirement of elimination of everything, connected with subjectivity of researchers. At the same time valuable neutrality was considered as important not only informative, but also axiological principle which serves as means of understanding of carriers of different views, but valuable load bore threat of imposing of the subjective, particularistic point of view.

References:

1. Kosareva L.M. Formation of an ideal of valuable and neutral scientific knowledge / Kosarev L.M., Petrov M.K. // Questions of history, natural sciences and equipment. 1987. № 1. Page 71–72.
2. Bacon F. Great recovery of sciences. Division of sciences / F. Bacon; [N. A. Fedorov's translation, Ya. M. Borovsky] // Compositions; in 2 volumes. Volume 1. Moscow: Thought, 1977. Page 199.
3. T. Great recovery of sciences. Division of sciences / F. Bacon; [N. A. Fedorov's translation, Ya. M. Borovsky] // Compositions; in 2 volumes. Volume 1. Moscow: Thought, 1977. Page 207.
4. Graupera J. Francis Bacon's Idols as a form of relativism / J. Graupera // URL: <http://jordigraupera.cat/2013/francis-bacons-idols-as-a-form-of-relativism/>
5. Graupera J. Francis Bacon's Idols as a form of relativism / J. Graupera // URL: <http://jordigraupera.cat/2013/francis-bacons-idols-as-a-form-of-relativism/>
6. Kagan M. S. Philosophical theory of value / M. S. Kagan. SPb., 1997. Page 67–72.
7. Kelle V. Zh. Scientific knowledge and values of humanity / Century. Zh. Kelle // Valuable aspects of development of science. M, 1990. Page 12.
8. Kotlyarova V.V. Axiology paradigms: monograph / V.V. Kotlyarova. — Rostov-on-Don: SKNTs VSh SFU publishing house, 2014. Page 71–73.
9. Kosareva L.M. Formation of an ideal of valuable and neutral scientific knowledge / Kosarev L.M., Petrov M.K. // Questions of history, natural sciences and equipment. 1987. № 1. Page 63.
10. Vyzhletsov G. P. Scientific rationality during an era of an axiological relativism / G. P. Vyzhletsov // the Bulletin of St. Petersburg State University. It is gray. 17. 2015. Issue 4. Page 23.
11. M. Weber. Chosen works / M. Weber; [The Lane with him.]; предисл. P. P. Gaydenko; comment. A. F. Filippov; сост., послесл. Yu. N. Davydov. M.: Progress, 1990. — 808 pages.
12. Wellen R. The Politics of Intellectual Integrity / R. Wellen. — URL: <http://www.yorku.ca/rwellen/works/integrity.pdf> (date of the address 07.04. 2016).
13. Lacey X. Whether the science from values is free? Values and scientific understanding / X. The Lacey / Lane with English L.V. Surkova, V.A. Yakovlev, A.I. Panchenko; under the editorship of V.A. Yakovlev. M.: Лорос, 2008. Page 51.
14. Vizgin V. P. Truth and value // Valuable aspects of development of science / Accusative Vizgin, M. B. Turovsky, etc. M.: Science, 1990. Page 36–52.
15. Vyzhletsov G. P. Scientific rationality during an era of an axiological relativism / G. P. Vyzhletsov // the Bulletin of St. Petersburg State University. It is gray. 17. 2015. Issue 4. Page 21–26.
16. Ivin A. A. Modern axiology: some actual problems / A. A. Ivin // Philosophical magazine. 2010. № 1. Page 66–78.
17. Mikeshina L. A. Epistemologiya values / L. A. Mikeshina. M.: Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2007. — 439 pages, etc.

Интерпретация философских понятий суфизма в памяти

Тоголоков Айбек Мойдунович, кандидат философских наук, доцент
Кыргызский государственный технический университет имени И. Раззакова (Кыргызстан)

В данной статье, посвященной интерпретации этимологии суфизма, использованы труды известных личностей и ученых-мыслителей, включающие философские взгляды. В исследовании суфизма автор впервые в

истории философии системно, на концептуальной основе пытался анализировать взгляды на данную проблему и на этой основе проанализировал значение суфизма.

Ключевые слова: суфизм, аскетизм, мистицизм, Коран, сапалдияр, Сопубек, Байсопу, Шайык, Зикир, эшен, дервиш, календарь, метафизика Корана, человек, Вселенная, Бог, обычаи, обряды, память.

Interpretation of the philosophical concepts of Sufism in the memory

In this article, devoted interpretations of etymology of суфизма, used labours of well-known personalities and scientists-thinkers, including philosophical looks. In research of суфизма author first in history of philosophy system, on conceptual basis tried to analyse looks to this problem, and on this basis analysed the value of sufism.

Keywords: sufism, asceticism, mysticism, Quran, Sapaldiyar, Sopubek, Baysopu, Shayyk, Zikirov, Eschen, dervish, Callander, metaphysics Qurana, the man, the universe, God, customs, rituals, memory

«Суфизм» от слова «суфий» в переводе на кыргызский язык означает «покорный». Слово «покорный», как справедливо отмечается в словаре академика К. Карасаева, произошло от арабского языка и имеет следующие значения:

1. Человек, отказавшийся от этого лживого мира, от всех земных удовольствий и думающий о настоящем загробном мире.
2. Верующий, крепко соблюдающий законы шариата человек.
3. Человек, напоминающий время намаза (муэдзин).
4. Самый большой чет в четках [2].

Из данного определения следует, что, во-первых, К. Карасаев связывает значение слова «покорный» с понятиями «суфизм», «суфий» и он не видел здесь необходимости этимологической интерпретации; во-вторых, покорность он рассматривал в общей рамке мусульманства. В связи с этим возникает вопрос: а что на самом деле знал выдающийся ученый-языковед о суфизме?

Туголбай Сыдыкбеков в своем романе «Темир» пишет: «Тогда же не знали вообще школу. Отец по собственному желанию отдал своего сына в руки муллы. Получившие образование от муллы дети смогли прочитать «Аптиек», «Коран», а наиболее способные из них могли напоминать «Сопалдияр» и др. и с трудом писали письмо...» [5].

Исходя из этого К. Карасаев в своем труде «Мудрые слова» («Накыл создор») дает следующую информацию: «Сополдияр, сополдаяр» — собственное название слов Суфи Аллаийар. Суфи Аллаийар — поэт-мистик, живший в Туркестане в конце XVII и в начале XVIII вв. Он, несмотря на свое простое происхождение, служил в верховных властях. Затем, избегая хлопоты этого мира, переходит на монашеский образ жизни и бродит по всему миру, сочиняя песни религиозного характера. Язык его произведений был очень близок к душе и для простых людей был очень понятен. В них он обычно писал о том, как поклоняться к Богу, избежать мук потустороннего мира, могилы, о мосте, якобы проложенном над адом и ведущим в рай и т. д». [3]. Если интерпретировать выше-

названные рассуждения, то можно сказать, что К. Карасаев имел достаточно обширные знания о суфизме, т. е. он был хорошо знаком с произведениями некоторых суфиев. Следуя вышесказанному, какой итог можно подвести?

Во-первых, дети, получившие мусульманское образование читали произведения суфиев. Во-вторых, образованные люди более или менее были знакомы с суфизмом и суфиями. Тем не менее, они не рассматривали суфизм в отдельности в рамках ислама и не особо обращали внимание на его особенности. Самое главное, если говорить о сути данной проблемы, то практически все местные муллы, обучающие детей мусульманству (исламу), не обращали должного внимания на особенности суфизма и также не придавали им осознанного значения. Разумеется, это — не клевета. Мы не оцениваем это плохо или хорошо, а всего лишь пытаемся уточнить, как нынче складываются обстоятельства.

Мы говорим лишь о том, как в кыргызском народе широко распространяется понятие «покорность». Кого кыргыз называет «покорным»? (Есть такое слово «Мойсопу», слово, выделенное нами — А. Т.). «Мойсопу» — человек, переживший все муки и трудности, не интересующийся ни властью, ни богатством, предпочитающий жить спокойной тихой жизнью. Человека, поборовшего пристрастие к спиртному, тоже называют покорным. Значит, в первую очередь особо подчеркивается аскетизм, считающийся одним из свойств суфизма (возможно, имя Аскат у кыргызов происходит именно от этого слова — мнение, выделенное нами — А. Т.).

У кыргызов широко распространены имена Сопу, Сопубек, Байсопу, Шайык, Зикир. И сегодня можно встретить имена земли, воды, как Сопу-Коргон, Шайык. А знаменитое кладбище Сафид-Булан, расположенное в местности Ала-Букинского района Джалал-Абадской области по историческим данным считалось гостиним домом (ханака) суфиев того времени.

По мнению С. М. Абрамзона суфии существовали и на территории Тянь-Шаня [1]. В эпосе «Манас» говорится:

«Сорок эшен Андижана. Пошли к сорок эшенам» [4]. В чем смысл всех этих рассказов? Какие предположения можно привести?

Во-первых, суфизм (покорность) на кыргызской земле широко распространялся в течение многих времен, он крепко поселился в жизни, традициях и обычаях народа. Во-вторых, как свидетельствуют историки, образованные люди, распространившие учения суфизма, освоившие теории суфизма (эшены, дервиши, каландары) жили среди кыргызов и именно они пропагандировали суфизм среди местного народа к исламской религии. В-третьих, и это можно заметить в трудах ученых, что среди кыргызов были отдельные слои людей, понимающие суть суфизма, и они реализовали их в своей жизненной практике.

Следует отметить, что распространение суфизма связано с проникновением исламской религии. В том же время следует особо подчеркнуть то обстоятельство, как в суфизме отражаются философские понятия, метафизика Корана, Человек, мир, Бог — их взаимоотношение? Каковы их глубинные основы взаимосвязи, взаимоотношения человека с окружающим миром? Что такое жизнь, смерть и т. д.? Как можно отличить хорошее от плохого, добро от зла? Что такое достойная жизнь?

Такие метафизические вопросы рано или поздно, более или менее тревожат человека. А суфизм дает ответы именно на такие вопросы, реализует метафизические потребности, нужды человечества. С этой позиции истинное значение слово «суфий» сводится со словом древних греков «софос» (мыслитель, мудрец) и это выглядит вполне разумно. По сравнению с этимологией «шерстяной халат» (суфи) (есть и другие варианты) — это кажется довольно разумной. Можно утверждать, что суфизм открыл для себя дорогу не только доводя до умов народа аяты Корана, правила ислама и требования шариата, но и с философской мерой и взаимной интерпретацией. Это одна сторона. Вторая сторона — суфизм в целях уяснения придает особое значение знаниям.

Распространение суфизма создает все условия для распространения различных знаний. Ф. Роузентал в своем труде «Торжество знания» одну из больших глав «Знание — это свет» посвящает именно суфизму, в ней суфии подробно излагают и высоко оценивают значение знаний [6].

Особо хотелось бы рассмотреть вопрос — что дал суфизм кыргызам? По нашему мнению, это выглядит таким образом. Мистика — одно из явлений, часто встречающееся в общей человеческой культуре. В различных народных произведениях можно легко найти песни, рассказы, эпосы, описывающие или рассказывающие о мистических явлениях. Одним из неразрывных свойств суфизма является мистицизм. Таким образом, суфизм, соответствуя «мистическим потребностям» кыргызов, дал толчок к объяснению, пониманию тайных, важных событийных дел. Бог, Вселенная, Природа — бесконечные, безмерные вещи. Чтобы понять их человеческим умом, найти верную дорогу, быть с ними во взаимосвязи, конечно, без суфизма не обойтись. Разумеется, эти исследования в будущем откроют нам дверь в памяти надежды многочисленных философско-этических мыслей. Мы это смело можем сказать.

Особо хотелось бы рассмотреть вопрос — что дал суфизм кыргызам? По нашему мнению, это выглядит таким образом. Мистика — одно из явлений, часто встречающееся в общей человеческой культуре. В различных народных произведениях можно легко найти песни, рассказы, эпосы, описывающие или рассказывающие о мистических явлениях. Одним из неразрывных свойств суфизма является мистицизм. Таким образом, суфизм, соответствуя «мистическим потребностям» кыргызов, дал толчок к объяснению, пониманию тайных, важных событийных дел. Бог, Вселенная, Природа — бесконечные, безмерные вещи. Чтобы понять их человеческим умом, найти верную дорогу, быть с ними во взаимосвязи, конечно, без суфизма не обойтись. Разумеется, эти исследования в будущем откроют нам дверь в памяти надежды многочисленных философско-этических мыслей. Мы это смело можем сказать.

Литература:

1. Абрамзон, С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. — Фрунзе: Кыргызстан, 1990. 289-б.
2. Карасаев, К. Создук. / Башкы ред. Б. О. Орузбаева/ Фрунзе: Кыргыз Совет энциклопедиясынын башкы редакциясы, 1986. 245-б.
3. Карасаев, К. Накыл создор: тил казынасынан баян. Фрунзе: Кыргызстан, 1982. 275-б.
4. Манас энциклопедиясы. Т. 1. Бишкек, 2013. 247-б.
5. Сыдыкбеков, Т. Темир романы. Фрунзе. «Кыргызстан». 1970. 19-б.
6. Роузентал, Ф. Москва: Политиздат, 1978. 158–192-б.

Основные предпосылки распространения суфизма в Кыргызстане

Тоголоков Айбек Мойдунович, кандидат философских наук, доцент
Кыргызский государственный технический университет имени И. Раззакова (Кыргызстан)

В данной статье рассматриваются основные предпосылки распространения суфизма в Кыргызстане и дается философский анализ. Также речь идет о влиянии ислама и доисламских верований, включающих как позитивные, так и негативные элементы воздействия на общественно-философскую мысль, образ жизни кыргызов.

Ключевые слова: суфизм, ислам, ритуалы, зекет, синкретизм, политеизм, монотеизм, нормы, догматы, идеология, жадид, эшены, кожны, шейхы, Бог, экстаз, панисламизм, пантюркизм, муфтият

The basic premises of the spread of Sufism in Kyrgyzstan

In this article discusses the basic premises of Sufism spread in Kyrgyzstan and provides a philosophical analysis. Also, it is a question about the influence of Islam and pre-Islamic beliefs, including the positive and negative elements in the social and philosophical thought, a way of life of the Kyrgyz.

Keywords: sufism, Islam, rituals, zeket, syncretism, polytheism, monotheism, norms, dogma, ideology, Jadid, esheny, leather, Sheikh God, ecstasy, pan-Islamism, pan-Turkism, couplings

Распространение исламской религии среди кыргызов, которое осуществлялось в довольно трудных условиях, родило среди ученых много спорных проблем. Новая религия практически не была понимаема массами, часть простого населения была недовольна всякими ритуальными действиями и сборами религиозных материальных зекетов, осуществляемых религиозными служителями.

Верования кыргызов отличались своей синкретичностью, т. е. по своему происхождению, сплоченности в одно целое и т. д. С распространением исламской религии среди кыргызов они потеряли многочисленные виды и элементы верований. А некоторые из них были изменены в соответствии с новыми нормами и догматами религии и при этом получили новую форму и содержание. Многочисленные пережитки политеизма превратились в составную часть мусульманской религии, и исламская религия трансформировалась в соответствии с местными традициями. В первую очередь она давала возможность глубже понять закономерности процесса перехода от политеизма к монотеизму и вместе с тем показывала, что разновидности формы религиозного синкретизма существовали в соответствии с социальными условиями жизни народа [4].

Как известно, ислам впитывает в себя различные благородные, якобы противоречивые и не тождественные взгляды. Причина неглубокого проникновения ислама среди кыргызов до становления кокандского ханства объясняется следующими причинами: хотя требования в условиях кочевого образа жизни населения удовлетворялись родовой идеологией и политеистическими верованиями, возможно, определяется с отсутствием религиозной концепции с универсальным единством.

Как показывает история, с возникновением кокандского ханства исламская религия превратилась в идеологию и начала интенсивно распространяться. Например, в 1900 году во всех местностях Туркестана действовали 1503 больших и 11230 маленьких мечетей, в них служили 12499 имамов. Кроме того, работали 5771 учителей, 5755 религиозных школ, 1415 мазаров с 1526 шайыками, 686 центров эшенств. Общее количество представителей религии достигло 33 тысяч человек, т. е. на каждые 50 человек приходился 1 религиозный представитель. Член-корр. НАН КР, профессор Ы. М. Мукасов данное изменение отмечает следующим образом: «В этот отрезок времени общественно-философская мысль кыргызов развивается под непосредственным влиянием ислама и доисламских верований, включающих элементы

как позитивные, так и негативные: вхождение его в состав России сыграло положительную роль в дальнейшем развитии общественно-философской мысли кыргызов. Российская империя сразу отказалась от форсированного демонтажа исламских структур» [9].

В 1788 году Екатерина II открыла в Уфе муфтият всех мусульман, главная его цель — это управление духовенством мусульман, вошедших в состав великой империи.

В Туркестане в это время были хорошо развиты 3 направления ислама:

1. Высшие и начальные медресе;
2. Мечети и священные места для полной свободы людей;
3. Шариатский суд, регулирующий нормы жизни мусульман.

Вместе с ними в целях снижения влияния ислама Россия ликвидировала казыйских судей и шейх-ул-исламский институт. Во избежание взаимосвязей народов Средней Азии с другими мусульманами и после присоединения в себе Бухарского государства, укрепив южные границы, привлекая местное население к политике России, Россия использовала представителей других тюркоязычных народов, отдавала детей богачей на обучение в Уфу, Казань, Оренбург и при этом пыталась навязывать свои взгляды на русскую политику. В народной переписи 1987 года в Кыргызстане были переписаны 25 тыс. башкиров и 559 тыс. татар. Про это советский этнограф говорит: «Они добились большего успеха, чем узбекские муллы, так как выдвигали невысокие требования и не взымали мусульманские налоги. Более того, они знали грамоту, в том числе и русскую, понимали язык коренного населения, его обычаи. Часто татарские муллы исполняли роль посредников между колониальными властями и местным населением. Кроме того, татары были инициаторами создания «новометодных» школ, где вводилось изучение светских наук и обучение по европейским образцам» [1]. Но под влиянием татар у народов Центральной Азии были широко распространены панисламизм, пантюркизм. Данная проблема требует отдельного исследования. Вышеперечисленные школы назывались «жадид» и во главе стоял И. Гаспринский, основной целью которого являлась пропаганда исламской религии и консолидация всех тюркских мусульманских народов. Россия заметила, что исламское образование шло не в том направлении. В связи с этим ввела альтернативную образовательную политику, т. е. начали открывать русско-туземные школы, преподавание

в которых велось в основном на русском языке и исключало изучение канонов ислама. Были и другие требования, на первый взгляд, малозначимые, но в действительности глубоко задевшие религиозные чувства мусульман» [2].

В исламизации кыргызов представители местного суфизма являлись в форме эшенов, кожо, шейхов и суфизм был в форме муридизма. В Ошском уезде в 1899 году было 221 начально-образовательных мечетей и столько же эшенов. В самом городе Ош было 38 мечетей с минаретами, 73 начально-образовательных мечетей и 11 эшенов [3]. Кроме того, среди народов были широко распространены в народно-устных произведениях легенды о «чудесах», «подвигах» суфиев. Например, покровитель верблюда Ойсул-ата прототип основателя Увейс Вейсель-Баба, Зенги-баба — имя Ташкентского суфия XIII века.

Среди кыргызов (особенно в южной части) в распространении суфистских взглядов большую роль сыграли мавзолеи в Узгене, Сафид Булане (в Фергане), Сулайман-Тоо, Шах Фазали (в Ала-Буке), пророка Идриса (в Чаткале). Например, в Сафид Булане в целях поднятия авторитета суфистского ордена переехали многочисленные суфии из Аравии, Азейрбаджана, Ирана» [5].

В XII веке в Узгене жил великий суфист Бурханиддин Кылыч и сведения о его жизнедеятельности, распространении суфизма среди местного народа хорошо раскрыты в трудах Бартольда, Жамалидина Каршини (XIV в), Ахмада Узгена (XVII), Аксыкентина, Махмуда ибн Валини, Низомиддина Шомина. Об этом А. К. Муминов говорит так: «могилы суфиев, вокруг которых возникали обширные земельные угодья (вакуфы) и поселения влиятельных смотрителей-шейхов превращались в центры экономической и политической жизни региона [7]. Согласно народной легенде в детстве Бурханиддин обладает джазбасом суфизма (направление богопознания), а в 50-летнем возрасте джазбадан истиграхом, когда ему было 70 лет — он умер стоя. А его прозвище — «кылыч» (в переводе «меч») связано с его сильной верой (вера — мой меч).

У кыргызов вторую сторону суфийских взглядов Аппак Кожо составляет объединение единственной цели человека с духом Всемогущим, поэтому личность должна посвятить всю свою жизнь «тарикату», должна приготовить себя к «настоящему» миру. Про Аппак Кожо по сей день рассказываются различные легенды. Кроме того, роль в распространении суфизма и его элементов в северном Кыргызстане сыграли и остались в истории имена Азиз-хана (народ Чуйской долины), Эшен-хана, Шакир кожо, Наманганского Иман кожо (Токмок, Пишпек), Маргиланского Искендер кожо (Суусамыр, Кочкор, Нарын).

Учение суфизма, проникнув в Кыргызстан, было лишено ряда элементов, таких, как мистицизм, аскетизм, квиетизм и т. д., имеющих в некоторых районах Центральной Азии. Для многих муриддов, происходивших из кыргызов, религиозный фанатизм был слишком далек.

Зикир тоже в условиях Кыргызстана потерял ряд своих необходимых черт. Например, зикир стал не просто прямым средством общения, но и являлся обыкновенным видом поклонения Богу. Состояние экстаза они не считали чем-то благородным и если один из них, совершивший зикир, начинал злиться или делать еще что-то, неугодное Всевышнему, к нему относились скептически.

В условиях Кыргызстана появилась еще одна отличительная черта зикира — во время всеобщего зикира были запрещены игры на музыкальных инструментах, песни, танцы и т. д. Здесь совершались обычно пятничные намазы, после них сразу же муридды делали зикир и ограничивались только с многократным повторением слово «иллягу».

В политических процессах Кыргызстана суфизм организовывал всякие восстания, поддерживая простое бедное население. В 1898 году во главе Андижанского восстания стояли Мадали Дукчи-эшен, Зиядин Максым уулу, Шадыбек Шергазы уулу. Они были активными членами организации «Накшибандия». Дукчи Эшен был образованным человеком в области религии, в свое время он учился в Бухаре, Уфе, а когда ему было 33 года — совершил паломничество в Мекку, жил там 4 года и написал свое религиозно-философское произведение «Ибрат ал -гафилии» («Назидание неведающим») суфистского характера. В книге анализируются все понятийные категории и дается им определение. Зиядин Максым уулу служил секретарем у Кудаяр-хана и написал свою объемную книгу под названием: «История ферганских ханов». Таким образом, в XIX веке у кыргызов суфизм широко распространяется в форме эшенского муридизма, при этом создаются условия для становления Кокандского ханства и можно утверждать, что в колонизации кыргызского народа муридизм использовался как духовное оружие.

Однако исследование истории вышеперечисленных «священных людей» во многих случаях дало толчок усложнению интерпретации проблемы. В связи с этим Г. П. Снесарев дает конкретное определение: «Сравнение отдельных легенд о святых выявляет одну специфическую особенность, затрудняющую исследование. Речь идет о том, что в легендах, относящихся к самым различным персонажам, очень часто повторяются отдельные мотивы, а иногда и жанровые сюжеты целиком. Такие повторы нарушают логику построения каждого образа, во многом лишают его черт индивидуальности и значительно нивелируют состав агиологии. Можно назвать целый набор мотивов и сюжетов, «кочующих» из одной легенды в другую. И все же, несмотря на известную нивелировку образов стандартными, именно легенды дают возможность полнее выявить индивидуальность отдельного образа агиологии. Каждый из них обладает характерными, только ему присущими чертами; святых редко спутаешь одного с другим... В ряде случаев, особенно когда речь идет не о мифическом, ирреальном персонаже, а о вполне исторически достоверном человеке, легенда позволяет наметить мотивы самой «канонизации» и ту ситуацию в истории на-

рода, при наличии которой происходило приобщение этой личности к категории святых, ее сакрализация...» [8].

Точка зрения, высказанная Г. П. Снесаревым касается не только одного человека (вышеназванного), а всех мыслителей, имеющих отношение к суфизму кыргызов. Поэтому что про их высказывания и письменности имеются

различные легенды, исторические источники и т. д. Их сопоставительное исследование дает большой толчок для получения информации о них, кем они были, какую точку зрения они высказывали, для восстановления их суфистских идей среди кыргызов, механизмы их распространения, особенности и т. д.

Литература:

1. Абрамзон, С. М. Кыргыздар жана Кыргызстандын тарыхы боюнча тандалма эгектер. — Бишкек, 1999. 98-б.
2. Абдысаматов, Б. Из истории религии к свободомыслия в Киргизии. Автореферат дисс. канд. филос. наук. Фрунзе, 1972. 11-б.
3. Арыстанбеков, С. Опыт анализа идеологической природы пережитков ислама в Киргизии. Автореф. дисс. канд. филос. наук. Фрунзе, 1965. 5-б.
4. Аманалиев, Б. А. Из истории философской мысли киргизского народа. — Фрунзе, 1963. 29-б.
5. История Киргизской ССР. Т. 1. — Фрунзе, 1984. 602-б.
6. Мукасов, Ы. Из истории философской мысли кыргызского народа. Бишкек, 2003. 11-б.
7. Муминов, А.К. Мавереннах раская школа орихха (IX—XIII) общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1990. № 10. 41-б.
8. Снесарев, Г.П. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии, 1983. 47—50-бб.
9. Шукуров, Ш., Шукуров Р. О воле и культуре // Центральная Азия и Кавказ. — 1998. 21-б.

Молодой ученый

Международный научный журнал
Выходит два раза в месяц

№ 15 (119) / 2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметов И. Г.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Абдрасилов Т. К.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Калдыбай К. К.
Кенесов А. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матвиенко Е. В.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Паридинова Б. Ж.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.
Фозилов С. Ф.

Яхина А. С.

Ячинова С. Н.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Ахмеденов К. М. (Казахстан)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игиснинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Г. А.
Ответственные редакторы: Осянина Е. И., Вейса Л. Н.

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я., Голубцов М. В.,
Майер О. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;

фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Подписано в печать 27.08.2016. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25